

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ АРГУМЕНТ
(СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЯХ А.С. ПУШКИНА

РОМАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ: О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

2018 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2018 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — д.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 2. — 190 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкин В.Н.** — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь); **Петров А.В.** — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation; **V.A. Voropayev** –

Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philological sciences,

Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** –

Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Kuposov** – Doctor of Philological sciences, Professor,

MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor

of Philological sciences, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philological sciences, Professor,

Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** –

Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical

University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland); **N.M. Shchedrina** – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the
Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Doctor of Philological sciences, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philological sciences, Head of information and publication office of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philological sciences, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2018. – № 2. – 190 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гусейнов Г.-Р.А.-К.</i> ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА И РОЛЬ ПОЭТА В ЗАИМСТВОВАНИИ ВОСТОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XIX–XX ВВ.....	8
<i>Канафьева А.В.</i> ОТРИЦАНИЕ: ВАРИАНТЫ ФОРМ И ВАРИАЦИИ СМЫСЛА	19
<i>Косицына Е.Ф., Гвоздева Е.В.</i> К ВОПРОСУ О МЕСТЕ УНИВЕРБОВ И СПОСОБАХ ИХ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ	26
<i>Котлярова О.В.</i> ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ.....	34
<i>Красных В.В.</i> ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	46
<i>Мугумова А.Л.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСВОЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ 1830–1850-Х ГГ. В ИСТОРИИ НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	56
<i>Радченко М.В., Грцич А.</i> ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ И ХОРВАТСКОЙ РЕКЛАМЕ.....	66
<i>Сандакова М.В.</i> ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ АРГУМЕНТ (СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА)	77
<i>Тихонова Е.Н.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	87

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Джанумов С.А.</i> ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЯХ А.С. ПУШКИНА	97
<i>Евдокимова А.А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОР И.С. ТУРГЕНЕВА С О. ДЕ БАЛЬЗАКОМ: РОМАНЫ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И «ЛИЛИЯ ДОЛИНЫ»	107
<i>Еремеева Ю.А.</i> «МОЛИТВА В КАМЕРЕ» Л.И. БОРОДИНА КАК ФОРМА ЛИРИЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ АВТОРА	116
<i>Кеклюдже Нури.</i> ВЗГЛЯДЫ А.П. ЧЕХОВА НА ВОСПИТАНИЕ И РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХАРАКТЕРА РЕБЁНКА	124

Козлова А.В. ОБРАЗ АВТОРА В СТАТЬЕ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «ЖИЗНЬ, ИСКУССТВО И АМЕРИКА»	138
Литвиненко Н.А. РОМАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ: О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	145
Норузи М. ФЕМИНИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В ИРАНЕ (КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФЕМИНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ШАХРНУШ ПАРСИПУР)	154
Ян Юньлу. ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТА.....	164

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шарыпина Т.А. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»	171
Герасименко Н.А. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ. ЛИНГВИСТИКА»	178

РЕЦЕНЗИИ

Брысина Е.В., Супрун В.И. ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО КРАЯ И ЯЗЫКА В ШКОЛЕ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВЕРХОВЫХ Л.Н. ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ : УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2017. 255 С.)	183
--	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

G.-R. Guseinov. EXOTIC ORIENTALISMS IN A. PUSHKIN'S WORKS AND HIS ROLE IN BORROWING THE ORIENTAL VOCABULARY IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE 19-20TH CENTURIES.....	8
A. Kanafeva. NEGATION: VARIANTS OF FORMS AND VARIATIONS OF MEANINGS	19
E. Kositsyna, E. Gvozdeva. ON THE QUESTION OF THE PLACE OF UNIVERBES AND METHODS OF THEIR DESCRIPTION IN A EXPLANATORY-DERIVATIONAL DICTIONARY	26
O. Kotlyarova. THE THEORY OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A CIVIL SERVANT IN THE RUSSIAN LINGUISTICS: ANALYSIS OF APPROACHES	34
V. Krasnykh. THE IMPORTANCE OF STUDYING LINGUOCULTURE FOR THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.....	46
L. Mugumova. LEXICAL AND WORD-FORMATION BORROWINGS FROM THE WESTERN EUROPEAN LANGUAGES IN 1830-1850S IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE NORM	56
M. Radchenko, A. Grtsich. OCCASIONALISMS IN RUSSIAN AND CROATIAN ADVERTISEMENTS.....	66
M. Sandakova. ZHELEZOBETONNIY ARGUMENT (SEMANTIC DERIVATION OF THE ADJECTIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21ST CENTURY)	77
E. Tikhonova. DERIVATIONAL FAMILIES OF WORDS IN THE SYSTEM OF THE MODERN ECONOMIC TERMINOLOGY	87

SECTION II. LITERARY STUDIES

S Dzanumov. THANATOLOGICAL MOTIVES IN A. PUSHKIN'S LITTLE TRAGEDIES	97
A. Evdokimova. ART DISPUTE OF I. TURGENEV WITH H. DE BALZAC: NOVELS «NOBLE NEST» AND «THE LILY OF THE VALLEY».....	107
J. Ereemeeva. "PRAYER IN THE CHAMBER" BY L. BORODIN AS A FORM OF THE AUTHOR'S LYRIC SELF-EXPRESSION.....	116
N. Kokluce. ANTON CHEKHOV'S VIEWS ON EDUCATION AND THE ROLE OF LITERATURE IN CHILD'S UPBRINGING	124

A. Kozlova. THE AUTHOR'S IMAGE IN THE ESSAY «LIFE, ART AND AMERICA» BY THEODOR DREISER	138
N. Litvinenko. ROMANTICISM IN THE LITERATURE: ON SOME APPROACHES TO THE STUDY OF LITERARY INTERACTIONS....	145
M. Norouzi. FEMINISM AND THE MODERN FEMALE PROSE IN IRAN (A CRITICAL LOOK AT FEMINISM IN THE WRITING OF SHAHRNUSH PARSIPUR).....	154
Yang Yunlu. REFLECTION OF M. LERMONTOV'S PERSONALITY IN POET'S NATURE POETRY	164

SCIENTIFIC LIFE

Sharypina T.A. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “NATIONAL CODES IN LANGUAGE AND LITERATURE. LITERARY CRITICISM”	171
N. Gerasimenko. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “NATIONAL CODES IN LANGUAGE AND LITERATURE. LINGUISTICS”	178

REVIEW

E. Brisina, V. Suprun. THE STUDY OF THE NATIVE REGION AND LANGUAGE AT SCHOOL (REVIEW OF THE BOOK BY L. VERKHOVYKH. TEACHING OF LINGUISTIC FEATURES OF THE REGION AT SCHOOL: A TEXTBOOK. VORONEZH, PUBLISHING HOUSE OF VORONEZH STATE UNIVERSITY, 2017. 255 P.).....	183
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1/81 373.614

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-8-18

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА И РОЛЬ ПОЭТА В ЗАИМСТВОВАНИИ ВОСТОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XIX–XX ВВ.

Гусейнов Г.-Р.А.-К.

Дагестанский государственный университет

367000, Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а, Республика Дагестан, Российская Федерация

Аннотация. Анализ вклада А.С. Пушкина в ориентальный лексический фонд русского литературного языка XIX–XX вв. был осуществлён в соответствии с положением о том, что заимствования первоначально поступают в язык на правах экзотизмов. Установлено, что с творчеством поэта связано усвоение слов турецких *аллах*, *делибаш*, кумыкских *уздень*, *чурек*, грузинского *духан* турецкого или азербайджанского происхождения и кабардинского *нарзан*. Преобладание среди ориентализмов усвоений из тюркских языков Кавказа объясняется их традиционным использованием в качестве основного средства межэтнического общения народов региона.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, ориентализм, русский литературный язык XIX–XX вв.

EXOTIC ORIENTALISMS IN A. PUSHKIN'S WORKS AND HIS ROLE IN BORROWING THE ORIENTAL VOCABULARY IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE 19TH–20TH CENTURIES

G.-R. Guseinov

Dagestan State University

43-a, Gadzhiyeva St., Makhachkala, 367000, the Republic of Dagestan Russian Federation

Abstract. The analysis of a contribution of A. Pushkin to the oriental lexical fund of the Russian literary language in the 19–20th centuries has been carried out according to the premise that borrowings originally come to language as exotisms. It is established that the poet's works contributed to the assimilation of the following Turkish words: Allah, delibash, Kumyk words: uzden, churec, Georgian dukhan of the Turkish or Azerbaijani origin and Kabardian narzan. The

prevalence among oriental borrowings from Turkic languages of the Caucasus is explained by their traditional use as the main means of cross-ethnic communication of the people of the region.

Key words: A. Pushkin, orientalism, the Russian literary language of the 19–20th centuries.

На сегодняшний день может считаться установленным, как полагают некоторые исследователи [5, с. 246; 10, с. 16], что первоначально, до своего освоения литературным стандартом, заимствования поступают в тот или иной язык на правах экзотизмов. При этом слова входят в заимствующий язык по схеме: вкрапление – экзотизм – заимствование.

В уточнённом виде (вкрапление – варваризм – экзотизм – заимствование) эта схема получила отражение в диссертационном исследовании А.Л. Мугумовой [7, с. 6–7], которая на основе анализа материала ориентальных лексических заимствований в произведениях М.Ю. Лермонтова 20–30-х гг. XIX в., т. е., в принципе, пушкинской эпохи, пришла к выводу, что экзотизмы – это слова, находящиеся за пределами русского литературного языка до того момента, как они с заимствованием самого понятия или реалии окончательно войдут в литературный язык. Критерием окончательного вхождения слова в литературный язык считается его отражение в академическом словаре, выполняющем не только констатирующую, но и верифицирующую функцию. Если говорить о вкраплениях, то это формы, не получившие отражения в словарях. Они, являясь в конечном счёте стилистической категорией того или иного текста, находятся за пределами системы не только литературного, но и всего русского языка, являясь фактами речи. Варваризмы суть те же вкрапления, но толь-

ко регулярно воспроизводимые.

Как следствие, «говоря о роли того или иного писателя в формировании (в нашем случае) ориентального лексического фонда нового (современного) русского литературного языка рассматриваемого периода, следует иметь в виду экзотизмы, вошедшие в академический словарь 1847 г. В широком смысле – его развитию впоследствии – вхождение в академический словарь конца XIX – 30-х гг. XX в. и в дальнейшем – в академический словарь 1950–1965 гг., а также частично его второе издание, осуществляемое с 1991 г. При этом соответствующие лексемы, впервые употреблённые тем или иным писателем, могут считаться экзотизмами *абсолютной* новизны, входящими благодаря данному обстоятельству в русский литературный язык. Вслед за другими писателями и поэтами – своими предшественниками и современниками – *относительной*, закрепляющимися таким образом в литературном стандарте» [7, с. 6–7].

При этом те из лексических форм, предполагаемых экзотизмов, которые получили отражение в нормативных академических словарях русского языка конца XVIII–первой половины XIX вв. – «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг., «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» 1806–1822 гг. и «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., получают права «гражданства» в литературном языке и не могут рассматриваться в качестве

экзотизмов. Вместе с тем, несмотря на сравнительно раннее (в пределах рассматриваемого периода) время создания большинства из рассматриваемых в последующем изложении художественных произведений А.С. Пушкина, ориентальные экзотизмы в них носят как *имплицитный* (невыраженный), менее надёжный в хронологическом отношении характер, так и *эксплицитный* (явный, открыто выраженный) характер, получив отражение в произведениях, опубликованных при жизни поэта (см. в последующем изложении).

Что касается степени изученности рассматриваемого вопроса, то первоначально, говоря об ориентальной лексике в творческом наследии великого русского поэта, необходимо отметить, что исследователи относили к их числу «слова, заимствованные из языков народов Кавказа; они обычно пояснялись». Речь идёт о таких словах, как *чюрек* ‘армянский хлеб, испечённый в виде лепёшки пополам с золою’ («Путешествие в Арзрум»); *кунак* ‘(т. е. приятель, знакомец) отвечает жизни за вашу безопасность’, *аул*, *Байран* (*Байрам*) ‘праздник разговенья’, *узденъ* ‘начальник или князь’, *кумыс* и др.» («Кавказский пленник») [6, с. 39, 49].

Первым же опытом системного анализа, хронологически, тематически и отчасти методологически близкого к цели и проблематике данной работы, стала докторская диссертация Г.Н. Арсланова «Восточная (тюркская) лексика в русском языке (первая половина XIX в.)». Однако при этом, с точки зрения этимологической, ставилась сравнительно ограниченная цель – выявить и рассмотреть в качестве восточной (тюркской) лексики

лишь словесные формы, восходящие к азербайджанскому языку. В соответствующем качестве позиционируются четыре слова (*архалук*, *бурдюк*, *хурма*, *тулуп*) из «Словаря церковнославянского и русского языков» (1847 г.) и, за исключением татаризма *бельмес* из «Капитанской дочки», из «Словаря языка Пушкина» *баишлык*, *бурдюк*, *вербанаат* «передача турецких слов “дай мне лошадь” русскими буквами», *делибаиш* (*дели-баиш*), *духан*, *папах*, *фаланга* ‘наказание у турок, состоящее в ударах палками по пяткам’, *чадра*, *чюрек*. В их число включаются не зафиксированные в упомянутом словаре лексемы *селихтар* и *сераскир*. Делается вывод, «что Пушкин ввёл в свои кавказские произведения ограниченное число восточных слов; он в основном использовал ту восточную лексику, которая вошла в русский язык до XIX в.» [1, с. 3, 4, 16, 18].

Анализ показал, что слова *архалук* и *хурма* не были употреблены А.С. Пушкиным, *тулуп* не является экзотизмом, так как известен в русском языке с XVI–XVII вв. и получил отражение в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. [21, т. 2, с. 270]. Лексемы *баишлык* и *чадра* использованы ещё А.С. Грибоедовым в 1819 и 1822–1823 гг. [16], т. е. раньше, чем А.С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум», написанном в 1829 г. и опубликованном в 1835 г. Раньше пушкинского «Путешествия в Арзрум» были употреблены *папах* в форме *папах* и *чурек* в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского и А.И. Полежаева [7, с. 22–24] 1830–1831 гг., изданных в 1831 и 1832 гг., а также *сераскир* (*сераскер*), получившее отражение в стихотворной сказке И.И. Дмитриева

«Воздушные башни» (1794) [9] и в академическом словаре второй половины XX в. [13, т. 13, с. 666]. Лексические формы *фаланга* (тур. ист. *falaka* 'орудие наказания – деревяшка, к которой привязывают ноги и потом бьют палками по пяткам') и *вербанаат* – явные вкрапления, как, наверное, и *селихтар* с неуказанным значением.

Вместе с тем при довольно высокой степени изученности ориентализмов в творчестве А.С. Пушкина до сих пор остаются не выявленными те восточные лексические формы, которые вошли в русский литературный язык благодаря своему первичному употреблению в его произведениях. С этой целью в результате произведённого анализа были выявлены экзотизмы различных (см. в последующем изложении) типов.

1. Эксплицитные экзотизмы абсолютной новизны.

1.1. Усвоение из кумыкского языка, закрепившееся в середине XX в.

Вслед за пушкинским «Кавказским пленником» (1820–1821), опубликованным в 1822 г. («Выходит между жён отец. Два узденя за ним выносят На бурке хладный труп. Толпу По сторонам раздаться просят». Прим. автора «Уздень, начальник или князь») [17], в стихотворении А.С. Грибоедова «Хищники на Чегеме» (оп. 1826 г.) получает отражение кумыкский по происхождению [19, с. 509] ориентализм *уздень*, который затем был – наряду с А.А. Бестужевым-Марлинским в «Аммалат-Беке» (1831) и Н.И. Гречем в романе «Чёрная женщина» (1834) [9] – употреблён М.Ю. Лермонтовым в поэме «Черкесы» (1828, оп. част. 1860, полн. 1890). Он закрепляется в русском литературном языке только

с середины XX в. – в первом издании «Словаря современного русского литературного языка» [13, т. 16, с. 39]. Наличие комментария в пушкинской поэме и его отсутствие в прочих произведениях может говорить о том, что значение данного слова ко времени их публикации стало более известным читающей публике.

1.2. Усвоение из турецкого языка, закрепившееся в конце XIX в.

Делибаш (из тюрк., точнее, тур. *delibaşı* «сорви-голова, смельчак») впервые отмечено в Энциклопедическом лексиконе 1839 г., затем академическом словаре 1895 г. Самое раннее словоупотребление в русской художественной литературе в значении «конный воин или страж паши в исторической Турции» имеет место в стихотворении А.С. Пушкина «Делибаш» (1829, оп. 1829) [13, т. 3, с. 671] («Эй, казак! не рвися к бою: *Делибаш* на всем скаку Срежет саблею кривою С плеч удалую башку»), его «Путешествии в Арзрум» (1829, оп. 1835): «Вскоре показались *дели-баш* и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками» и повести «Кирджали» (1834) [17]. По данным Национального корпуса, другим текстам художественной литературы первой половины XIX в. это слово было неизвестно, но зато сравнительно широко использовалось в последующем вплоть до нынешнего времени, чаще в составе вышеупомянутой цитаты из данного стихотворения [9].

1.3. Из арабского через посредство турецкого языка, закрепившееся в середине XX в.

Аллах 'имя бога в мусульманской религии (ислам)' [13, т. 1, с. 95; 14, т. 1, с. 135] (А.С. Пушкин «Иностранка»

(1822, оп. 1826), «Подражания Корану» (1824, оп. 1826) [17]; затем у А.А. Бестужева-Марлинского в «Письмах из Дагестана» (1831) и М.Ю. Лермонтова – «Хаджи Абрек» (1833–1834, оп. 1835)); из араб. Allah ‘бог’ через тур. *allah* [7, с. 18] при *алла* (1787) и *аллаг* (1803) в XVIII в., отразившихся в «Лексиконе» Яновского 1803 г. [12]. В Энциклопедическом лексиконе 1835: аллах [13, т. 1, с. 95; 14, т. 1, с. 135], академических словарях – с середины XX в. [13, т. 1, с. 95]

2. Имплицитные экзотизмы абсолютной новизны.

2.1. Из грузинского языка через турецкое или азербайджанское посредство из арабского, закрепившееся в конце XIX в. [7, с. 24].

Духан «небольшой ресторан с продажей вин (на Кавказе, в Крыму)» уст. [13, т. 3, с. 1182], «небольшой ресторан, трактир (на Ближнем Востоке и Кавказе)» [14, т. 4, с. 529], усвоенный в конце XIX в., что иллюстрируется примером из «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина (1829, оп. 1835), в котором впервые было употреблено однажды это слово [7, с. 24]: «Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в *духане* (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и нечище русских)» [17]. В начале 30-х гг. XIX в. оно получило отражение в «Письмах из Дагестана» А.А. Бестужева-Марлинского (1831) [9] и в стихотворении «Тарки» А.И. Полежаева (1831, оп. 1832), вышедшем из печати в 1832 г., а затем и в повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» (1839): «Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле *духана*» [9].

2.2. Кумыкизм, усвоенный через посредство терских русских говоров

и закрепившийся во второй половине XX в.

Кумыкизм *чурек*, усвоенный через посредство терских русских говоров, получил наиболее раннее однократное отражение в «Путешествии в Арзрум» (1829, оп. 1835) А.С. Пушкина в форме *чюрек* («На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чюрек*, армянский хлеб, испечённый в виде лепешки пополам с золою»). Затем до своего первичного отражения в нефилологическом словаре 1864 г. вслед за поэмой «Эрпели» (1830, оп. 1832) А.И. Полежаева и повестью «Аммалат-Бек» (1831) А.А. Бестужева-Марлинского и письмом М.Ю. Лермонтова С.А. Раевскому (1837), закрепилось в академическом словаре второй половины XX в. [7, с. 22–23; 13, т. 17, с. 1082; 17].

2.3. Кабардинское заимствование, закрепившееся во второй половине XX в. [7, с. 24].

Лексема *нарзан*, будучи усвоенной до 60–70-х гг. XIX в., когда она была отмечена в энциклопедических словарях вначале в форме *нардзан*, затем – *нарзан*, впервые отразилась в ономастическом значении «источник минеральных вод в Кисловодске и других местах Северного Кавказа» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» (оп. 1835) А.С. Пушкина («Они не столь приятны вкусу, как кавказский Нарзан и отзываются медью»), затем у Ф.М. Достоевского в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), в нарицательном значении «углекислая минеральная лечебная вода» – в «Княжне Мери» (1838) М.Ю. Лермонтова [см.: 7, с. 24; 9; 13, т. 7, с. 441].

3. Эксплицитные экзотизмы относительной новизны.

3.1. Неопределённой тюркской этимологии, закрепившиеся в середине XIX в.

М.Ю. Лермонтов вслед за пушкинским «Кавказским пленником» (1820–1821, оп. 1822) использовал в своём «Кавказском пленнике» (1828, оп. част. 1860, полн. 1891) экзотизм относительной новизны, впервые отмеченный в академическом словаре 1847 г., – тюркизм *кумыс* [8, с. 122], неизвестный таким тюркским языкам Северного Кавказа, как кумыкский и карачаево-балкарский [11, с. 215], неизвестный русской художественной литературе XVIII в [12] и употреблявшийся в ней с конца 20–начала 30-х гг. XIX в. Например, в романе Ф.В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829), повестях Н.А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832), А.Ф. Вельтмана «Кощей бессмертный. Былина старого времени» (1833), Н.А. Полевого «Эмма» (1834) [9].

3.2. Через азербайджанское посредство из иранского, закрепившийся во второй половине XX в.

У Пушкина в «Путешествии в Арзрум» (1829, оп. 1835) дважды [17], а затем в «Аммалат-Беке» А.А. Бестужева-Марлинского (1831) употребляется *бурдюк* «мешок из цельной шкуры животного – для хранения и перевозки вина, кумыса на Ближнем Востоке, Кавказе и т. п.» – иранизм, усвоенный через азербайджанское посредство [3; 20, с. 241]. Он, возможно, имеет и болгарское происхождение [4, с. 11], получил отражение в Энциклопедическом лексиконе 1836 г. и лишь затем, во второй половине XX в., – в академических словарях второй половины XX в. [13, т. 1, с. 696; 14, т. 1, с. 405].

3.3. Через французское посредство из арабского, закрепившийся в первой половине XIX в.

У А.Е. Соколова в «Дневниковых записках о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, ведённых советником этого посольства А.Е. Соколовым (1816–1817)», изданных в 1910 г. [9], а затем в путевых записках А.С. Грибоедова 1819 г. «Тифлис-Тегеран» («Он также в *гареме* празднует бейрам») [16] получил имплицитное отражение арабизм *гарем*, усвоенный через французское посредство [20, с. 393]. Он был отмечен первоначально в текстах XVIII в., включая художественные [12], к которым можно условно отнести и стихотворение Г.Р. Державина «К царевичу Хлору» (1802), затем – в словаре Н. Яновского (1803) и академическом словаре 1847 г. [13, т. 3, с. 37; 14, т. 3, с. 98]. В обоих изданиях «Словаря современного русского литературного языка» в качестве иллюстрации к значению данного слова («Женская половина дома у богатых мусульман») используется пример из пушкинского «Бахчисарайского фонтана» (отд. изд. 1824) при более раннем его использовании в его стихотворении «Послание цензору» (1822) и романе В.Т. Нарезного «Бурсак» того же года [9]. У М.Ю. Лермонтова данное слово впервые употребляется в юношеской балладе «Грузинская песня» (1829, оп. 1859) [8, с. 14–15], в которой оно могло быть использовано под влиянием «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина, у А.А. Бестужева-Марлинского [2, т. 1, с. 446, 451, 541; 2, т. 2, с. 418, 438, 446] – в повестях «Аммалат-Бек» (1831) и «Мулла-Нур» (1835–1836 гг.)

3.4. Из кумыкского языка, закрепившиеся в середине XX в.

В отношении слова *кунак* 'друг, приятель (у кавказских народов)' в «Историческом и географическом месяцеслове на 1777–1797 г.» говорится, что «За конака или приѣзжаго к ним гостя готовы умереть», а в романе В. Измайлова «Путешествие в Полуденную Россию» (1800–1802) оно сопровождается примечанием: «...Кунак (так называется у Черкес тот, который дѣлается путеводителем и защитником гостя)» [12]. Оно является кумыкизмом, известным с 1950 г. в академическом словаре, использовалось А.С. Пушкиным в поэме «Кавказский пленник» (1820–1821, оп. 1822) с примечанием (У кавказских горцев – лицо, связанное с кем-н. обязательством взаимного гостеприимства и дружбы; друг, приятель. *Кунак* «(т. е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор») указывает на его недостаточную узусальную известность. Употребляется и в стихотворении 1837 г. «Тазит» [17], а также А.А. Бестужевым-Марлинским в «Аммалат-Беке» (1831). Комментирование его значения М.Ю. Лермонтовым в «Бэле» (оп. 1839) также указывает на неизвестность данного слова узусу рассматриваемого времени [8, с. 24; 13, т. 5, с. 1838].

3.5. Через посредство кумыкского языка и терских русских говоров из адыгских в начале XVII в., закрепившееся в середине XIX в. [8, с. 14].

3.6. Через кумыкский и терские русские говоры из адыгских языков, закрепившееся в первой половине XIX в. [8, с. 14–15].

В словарях 1782 и 1834 гг. [13, т. 17, с. 1311] и академическом «Словаре

церковнославянского и русского языков» 1847 г. *шашка* «1. Деревяшка или косточка, выточенная для шашечной игры; 2. Род широкого тесака у кавказских горцев», что иллюстрируется в последнем случае примером из «Кавказского пленника» А.С. Пушкина (1820–1821, оп. 1822): «Удары шашек их жестоких» [15, с. 450]. В поэме слово сопровождается примечанием «Шашка, черкесская сабля» [17], позднее отражается в письме А.С. Грибоедова В.К. Кюхельбекеру (1825) и затем при описании Эриванского похода 1827 г. [16].

Произведённый в предшествующем изложении анализ позволил сделать заключение о том, что с именем А.С. Пушкина представляется возможным уверенно связать усвоение русским литературным языком таких эксплицитных ориентализмов абсолютной новизны, как турцизм арабского происхождения *аллах*, кумыкизм *уздень*, которые окончательно осваиваются русским литературным языком с середины XX в. – в первом издании «Словаря современного русского литературного языка», и турцизм *делибаш*, закрепившийся в русском литературном языке немногим раньше – в академическом словаре 1895 г. Несколько меньшей степенью надёжности в рассматриваемом отношении обладают впервые употреблённые А.С. Пушкиным имплицитные ориентализмы абсолютной новизны: кабардинское *нарзан* и кумыкизм *чурек*, отразившиеся в академическом словаре второй половины XX в., и закрепившийся в русском литературном языке с конца XIX в. грузинизм *духан*, заимствованный через турецкое или азербайджанское посредство из арабского. Причём, за исключением кабардинизма

нарзан, прочая лексика была усвоена либо через посредство тюркских (турецкого или азербайджанского) языков из арабского (грузинизм *духан* и турцизм *аллах*), либо непосредственно из других тюркских языков – кумыкизмы *уздень*, *чурек*, а также из турецкого *де-либаш*.

Преимущественное употребление тюркских лексических форм объясняется традиционным функционированием соответствующих языков в кавказском регионе в качестве средства межэтнического общения до и после Пушкинской эпохи. В частности, в период Кавказской войны, как указывал А.П. Сергеев в своей заметке «Сло-

варь горских слов» к повести «Хаджи-Мурат», «в эпоху, к которой относятся события, описанные в “Хаджи-Мурате”, многочисленные мелкие племена, населявшие Кавказ, не имели одного общего языка, а каждое племя говорило на своём собственном наречии. Всех наречий насчитывалось около шестидесяти. Но для сношений племён между собой существовал татарский язык в двух его разветвлениях: 1) на юго-восточном Кавказе – адирбеджанский, 2) на северо-восточном – кумыкский. Почти каждый горец имел кое-какие познания в межплеменном языке, как и в языках соседних племён» [18, с. 641].

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланов Г.Н. Восточная (тюркская) лексика в русском языке (первая половина XIX в.): автореф. дисс. ... д. филол. наук. Баку, 1990. 37 с.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Тт.1, 2.
3. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Историко-этимологические заметки. Русский бурдюк, кумыкский борла // Языкознание в Дагестане. 2001. № 4–5. С. 43–47.
4. Добродомов И.Г. Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 1974. 37 с.
5. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991. 384 с.
6. Лексика русского литературного языка XIX–начала XX в. М.: Наука, 1981. 359 с.
7. Мугумова А.Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20–30 гг. XIX в. (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2000. 29 с.
8. Мугумова А.Л. Ориентализмы в языке русской художественной литературы XIX века: А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов (вопросы преемственности и инноваций в процессе нормализации лексики литературного языка) // Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе: материалы IV Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2011 г. СПб.: Наука, 2012. С. 119–128.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 24.02.2018).
10. Плотицын В.Н. Новая лексика иноязычного происхождения в современном русском литературном языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. 197 с.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1980. 395 с.
12. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 24.02.2018).

13. Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд. АН СССР, 1948–1965. Тт. 1–17.
14. Словарь современного русского литературного языка. М.: Русский язык, 1991–1993. Тт. 1–4.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. Т. IV (P–V). 487 с.
16. Словарь языка А.С. Грибоедова [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 1.03.2018).
17. Словарь языка Пушкина. М.: Азбуковник, 2000. Тт. 1–4 [Электронный ресурс] // СЛОВАРИ. РУ: [сайт]. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=230> (дата обращения: 1.03.2018).
18. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Юбилейное издание. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 35. 694 с.
19. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство национальных и иностранных словарей, 1940. Т. IV. 1500 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964. Т. I. 562 с.
21. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Тт. 1–2.

REFERENCES

1. Aslanov G.N. *Vostochnaya (tyurkskaya) leksika v russkom yazyke (pervaya polovina XIX v.): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Eastern (Turkic) words in the Russian language (the first half of the 19th century): abstract of D. thesis in Philological sciences]. Baku, 1990. 37 p.
2. Bestuzhev–Marlinskii A.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1958. Vol. 1, 2.
3. Guseinov G.-R. A. K. [Historical and etymological notes. Russian *burdyuk*, and Kumyk *bor-la*]. In: *Yazykoznanie v Dagestane* [Linguistics in Dagestan], 2001, no. 4–5, pp. 43–47.
4. Dobrodomov I.G. *Problemy izucheniya bulgarskikh leksicheskikh elementov v slavyanskikh yazykakh: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [The problems of studying the Bulgarian lexical elements in Slavic languages: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 1974. 37 p.
5. Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. *Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [Brief guide to the modern Russian language]. Moscow, 1991. 384 p.
6. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka XIX–nachala XX v* [The vocabulary of the Russian literary language of the 19th–beginning of 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 359 p.
7. Mugumova A.L. *K probleme oriental'nogo leksicheskogo vliyaniya na yazyk russkoi khudozhestvennoi literatury 20–30 gg. XIX v. (na materiale proizvedenii M.Yu. Lermontova): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The problem of Oriental lexical influence on the language of the Russian fiction in the 1820s and 1830s (on the material of works by M. Lermontov): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Makhachkala, 2000. 29 p.
8. Mugumova A.L. [The orientalisms in the language of the Russian literature of the 19th century: A. Pushkin and M. Lermontov (questions of continuity and innovation in the process of normalization of the vocabulary of the literary language)]. In: *Russkii yazyk XIX veka: rol' lichnosti v yazykovom protsesse: materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 18–20 oktyabrya 2011 g* [Russian language of the 19th century: the role of personality in the language process: materials of the 4th all-Russian scientific conference. Saint Petersburg, 18–20 October 2011]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. pp. 119–128.

9. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 24.02.2018).
10. Plotitsyn V.N. *Novaya leksika inoyazychnogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [New vocabulary of foreign origin in the modern Russian literary language: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1983. 197 p.
11. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 395 p.
12. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. In: *Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka «Russkaya literatura i fol'klor»* [Fundamental electronic library "Russian literature and folklore"]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed: 24.02.2018).
13. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948–1965. Vol. 1–17.
14. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Russian language Publ., 1991–1993. Vol. 1–4.
15. *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of the Church Slavonic and the Russian language]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1847. Vol. IV(P–V), 487 p.
16. [Dictionary of A. Griboedov's language]. In: *Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka «Russkaya literatura i fol'klor»*. [Fundamental electronic library "Russian literature and folklore"]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (accessed: 1.03.2018).
17. [Dictionary of A. Pushkin's language]. In: *SLOVARI.RU* [DICTIONARIES.RU]. Available at: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=230> (accessed: 1.03.2018).
18. Tolstoy L. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh. Yubileinoe izdanie* [Complete works in 90 volumes. Anniversary edition]. Moscow, Goslitizdat, 1950. Vol. 35, 694 p.
19. Ushakov D.N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, 1940. Vol. IV. 1500 p.
20. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1964. Vol. I. 562 p.
21. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Russian Language. 1994. Vol. 1, 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of the Russian language, Dagestan State University, e-mail: garun48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Экзотические ориентализмы произведений А.С. Пушкина и роль поэта в заимствовании восточной лексики в русский литературный язык XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 8-18

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-8-18

FOR CITATION

Guseinov G.-R. A.-K. Exotic orientalisms in A. Pushkin's works and his role in borrowing the oriental vocabulary in the Russian literary language of the 19-20th centuries. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 8-18

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-8-18

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-19-25

ОТРИЦАНИЕ: ВАРИАНТЫ ФОРМ И ВАРИАЦИИ СМЫСЛА

Канафьева А.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье категория отрицания рассматривается как многоуровневая, представленная нейтральными (логико-семантическими) и риторическими (ситуативными) формами. Парадигма конструкций с отрицательным значением включает риторические формы отрицания (РФО), представляющие разнообразные модификации нейтрального отрицания. Обращено внимание на специфику формально-семантической организации некоторых РФО: условную вопросительность; риторические форманты – компоненты местоименного происхождения (прономинальные) и партикулярные, которые являются знаками и псевдовопросительности, и смысла. Отмечена частотность употребления этих риторических формантов как самостоятельных единиц, выражающих не только отрицательный, но и модально-оценочный смысл. Регулярное их употребление приводит к фразеологизации РФО. Подчеркивается роль интонационных параметров в идентификации субъективных оттенков значения РФО.

Ключевые слова: отрицание, риторические формы отрицания, риторические форманты, модальность, модально-оценочный смысл, субъективность.

NEGATION: VARIANTS OF FORMS AND VARIATIONS OF MEANINGS

A. Kanafeva*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. In the article, the category of negation is considered as a multilevel one, and represented by neutral (logical-semantic) and rhetorical (situational) forms. The paradigm of constructions with a negative meaning includes rhetorical forms of negation, which represent various modifications of neutral negation. The attention is drawn to the specifics of the formal and semantic organization of certain rhetorical forms of negation: conditional interrogation; rhetorical formants (pronominal and particular components), which are the signs of both pseudo-interrogation and meaning. The article notes the frequency of use of these rhetorical formants as independent units, that express not only the negative but also the modal-evaluative meaning. Their regular use leads to the phraseologization of the rhetorical forms of negation. The article emphasizes the role of intonational parameters in the identification of subjective connotations of the rhetorical forms of negation.

Key words: negation, rhetorical forms of negation, rhetorical formants, modality, modal-evaluative meaning, subjectivity.

Отрицательные предложения содержат сообщение о том, что между предметами, свойствами, явлениями не существует реальной связи. Для выражения отрицания в предложении предназначены специальные лексические средства: частица *не*, безлично-предикативное слово *нет*, производные отрицательные слова, включающие *не*: *невозможно*, *нельзя*, *незачем*, *некуда*, *некого* и др.; *ни*: *никто*, *ничто*, *никуда* и др.

Говорящий отрицает то, что не соответствует его рациональным, эмоциональным, этическим, эстетическим критериям. «Чаще всего отрицательное высказывание делается в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящих» [10, с. 354]. Логическое и психологическое значения речевого акта отрицания подчёркивались А.М. Пешковским [10, с. 351], а В.В. Виноградов отмечал различное проявление «степени и энергии отрицания» [3, с. 670–671].

Наряду с нейтрально-отрицательными предложениями, содержащими те или иные операторы отрицания, отмеченные выше, в русском языке выделяется многочисленный класс **риторических форм отрицания** (далее – РФО). В данной статье рассматриваются отрицательно-риторические формы, имеющие условно вопросительную интонацию. В условно вопросительной форме закодировано не только отрицание, но и целая палитра субъективно-модальных, эмоционально-оценочных значений. РФО представляют собой разнообразные модификации нейтрально-отрицательных предложений с операторами *не*, *нет*, *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигде* и др. По-

пробуем представить парадигму РФО к нейтральному, содержащемуся, например, в предложении *Я не могу это сделать*. В этом повествовательном предложении содержится отрицание способности субъекта, лица говорящего, к действию. То же значение сохраняется и в его вопросительных модификациях: *Как я могу это сделать?* *Разве я могу это сделать?* *Неужели я могу это сделать?* Представленные конструкции – это варианты форм отрицания, каждая из которых отличается от другой субъективно-модальным значением: *как могу* – исключённость действия из сферы возможных для субъекта; *разве могу* – отрицание способности субъекта к действию, основанное на предшествующем опыте; *неужели могу* – отрицание гипотетического действия, представляющегося субъекту ирреальным. Трудноуловимое различие в значении РФО с частицами *разве* и *неужели* всё-таки имеется: *неужели*-отрицание представляется более категоричным, чем *разве*-отрицание [1, с. 275].

В зависимости от условий речевой ситуации каждая из РФО приобретает специфическую эмоциональную окраску, выражаемую интонацией: раздражения, сожаления, недоумения, оправдания и др. «Интонация риторических высказываний является важнейшим средством выражения разнообразного спектра их эмоционально-оценочных значений. При этом используется богатейший арсенал просодических средств: тон во всём многообразии его акцентов, фонации, громкость» [5, с. 36]

Риторическими формантами этих отрицательных конструкций являются, кроме условно вопросительной интонации, прономинальные и партикулярные

компоненты. Они служат показателями не только псевдовопросительности, но и смысла высказывания. Регулярное их употребление приводит к связанности РФО, вызывает их редукцию. Этим объясняется частотность употребления этих прономинальных и партикулярных риторических формантов как самостоятельных единиц. Например, в диалогической речи они употребляются как реактивные реплики типа: *К чему? Для чего? Чего ради? Какой смысл? Что за охота? Что хорошего? Что толку? Что пользы? Какая радость?* и др. Ими выражается не только отрицательный, но и модально-оценочный смысл вне связи с остальным лексическим составом. «Разные модальные значения и оттенки высказывания начинают выражаться формальными словечками. Возникает особая категория “модальных частиц предложения”» [2, с. 81]. В РФО актуализируется субъективный план высказывания. Логическое значение отрицания переплетено с эмоционально-экспрессивным, а иногда подавляется им. Например: – *Ну, разлюбила, полюбила другого – бог с тобой, но к чему же обман, к чему этот подлый, изменнический фортель?* – говорил плачущим голосом Абогин. – *К чему? И за что? Что я тебе сделал?* (А. Чехов); – *Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто?* (А. Чехов) – отрицание лишь в малой степени отражает интенции говорящего; важнее его эмоционально-психическое состояние, закодированное в РФО.

Разнообразные риторические формы представляют категорию отрицания как многоплановую, имеющую и логико-семантическое, и ситуативное значения. В зависимости от условий речевой ситуации отрицание пред-

ставляет и несогласие, и возражение, и опровержение, и разоблачение и пр. [4, с. 188]. Например, в речевой ситуации противостояния употребляются РФО со значением осуждения действий, взглядов, оценок, находящихся в противоречии с морально-этическими взглядами говорящего.

В разговорной речи мы оперируем этим огромным, богатейшим арсеналом риторических форм для выражения наряду с отрицанием тончайших нюансов субъективной модальности, например: а) обвинения: – *Так какое же вы имеете право, милостивый государь, утверждать подобные вещи?* (А. Чехов); разоблачения: «*Утешает*», – *подумал Артамонов старший и мысленно усмехнулся. – Бог – видит: бездельно веруем; а без дел вера – на что ему? Где наша помощь друг другу и где любовь? И о чём молим? Всё о мелких пустяках* (М. Горький); б) эмоциональной отповеди, нравоучения: – *Завелась во мне какая-то дрянь, – тихо, виновато сознался Пётр. – Так её на люди выносить надо? Пойми: ты на дело наше тень бросаешь! Какое у тебя там жертвоприношение? Что ты – персиянин? С мальчишками возишься? Какой мальчик?* (М. Горький); в) уничижительной, презрительно-надменной оценки партнёра: – *Эх ты!.. – презрительно оглядел его Кувалда. – Что ты понимаешь? Что ты знаешь? Умеешь ли ты думать? А я – думал ...* (М. Горький); г) взволнованного эмоционального состояния: *Но загадочно и с несокрушимым вёсёлым безмолвием сиял этот взор – и где было взять сил перенести его, такой близкий и такой далёкий, а теперь, может быть, даже и навеки чужой, открывший такое несказан-*

ное счастье жить и так бесстыдно и страшно обманувший? (И. Бунин); самооправдания: *Что я кому дурного сделал? Чин перехватил у кого-нибудь, что ли? Перед высшими кого-нибудь очернил? Награждение перепросил! Кабалу стряпал, что ли, какую-нибудь?* (Ф. Достоевский) и многих других [7].

РФО передают информацию в экспрессивной, образной форме. Во всех риторических формах растворена семантика отрицания, но одновременно в них присутствуют и разнообразные модальные значения, субъективный опыт и субъективное состояние говорящего. Субъективность характерна для всех видов РФО, но различается в определённых речевых ситуациях степенью полноты и яркости. По отношению к РФО можно говорить о *восклицательном наклонении*, «... при котором говорящий выражает своё утверждение или отрицание в такой форме, которая, отодвигая на задний план содержание сказанного, выдвигает вперёд чувство, аффект говорящего» [11, с. 482].

РФО рассматриваются как единицы экспрессивного синтаксиса, поскольку они служат средством выражения «эмоциональных проявлений и волевых усилий говорящего», а также усиливают изобразительность, выразительность, оценочность высказывания [9, с. 477].

Риторическими формами отрицания насыщена как естественная, так и смоделированная в письменном тексте диалогическая речь. Довольно часто в качестве ответных реплик-повторов употребляются РФО с препозитивными частицами местоимённого происхождения *что за* (*что это за, что ж за*). Частица *что за* образует множе-

ство фразеологических сочетаний с существительными отвлечённой семантики: *что за беда, что за важность, что за вопрос, что за нужда, что за печаль, что за охота, что за радость, что за удовольствие, что за грех, что за надобность* и др. Эти стабильные фразеологические сочетания являются вспомогательным компонентом аналитической формы главного члена в отрицательных безлично-инфинитивных конструкциях и выражают значения нецелесообразности, ненужности; осуждения, неодобрения: *Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?* (А. Чехов); *Что, в самом деле, за нужда мне торчать целыми днями в магазине? Я этот магазин – к чёрту* (А. Ремизов) [6].

Главный член безлично-инфинитивных РФО может представлять собой инфинитивно-прономинальную форму: *Ну где же, птенчик вы мой слабенький, неоперившийся, где же вам самой себя прокормить, от гибели себя удержать, от злодеев защититься!* (Ф. Достоевский); *Зачем же так впадать в отчаяние?* (М. Булгаков).

Среди РФО имеется много оценочных. Частотой употребления отличаются, к примеру, оценочные РФО с прономинальными компонентами *какой, что*: *Ну какой вы грешный?* (Ф. Достоевский); *Что во мне хорошего?* (Ф. Достоевский). Отрицательная оценка не имеет конкретного лексического выражения, но она «прочитывается» в РФО: «от риторического вопроса их резко и отчётливо отличает то, что они уже сами по себе, в самой своей грамматической форме содержат ответ, причём всегда отрица-

тельный» [13, с. 15]. Ср. также: *Какой тут порядок? (уют, комфорт, богатство, довольство; почёт, уважение, признание? и др.).*

Ср. также: *Какой в чём-нибудь проступок (стыд, позор)? Какая беда? Какое раскаяние?* Мотивацией этого значения должны быть «оправдательные» основания, доводы, аргументы. Дифференциация негативной и позитивной оценки осуществляется благодаря лексическому наполнению РФО: лексемы с положительной коннотацией реализуют отрицательно-оценочный смысл, а лексемы с отрицательной коннотацией нейтрализуют отрицательную оценку. Это проявление языковой асимметрии, своеобразный риторический приём, используемый в РФО.

Активностью речевого употребления отличаются разговорные экспрессивные РФО, имеющие сжатую, эллиптированную структуру: *Да куда там! Куда мне! Где нам! Какое тут!*

Какое там! Да какое там! – с оттенком «отвергающего несогласия» [12, с. 322]. Эти фразеосхемы фиксируются фразеологическими словарями как имеющие значение «категорического отрицания», а также выражающие протест, сомнение, неверие по отношению к тому, что было сказано ранее. В речи они используются как ответные реплики диалога [10, с. 332]. Эти РФО имеют ограниченный лексический состав, стилистическую разговорно-бытовую окрашенность.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые из риторических форм отрицания, хотя в языке их гораздо больше. Отмеченные в статье и множество не отмеченных РФО отличаются спецификой структуры, разнообразием субъективно-модальных оттенков значения, чрезвычайной частотой употребления в различных типах и жанрах речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: 1975. С. 53–87.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. 783 с.
4. Калинина А.А. Семантика отрицания в разных типах риторических вопросов // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 186–190.
5. Канафьева А.В. О некоторых особенностях интонации риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 35–41.
6. Лекант П.А. Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 18–23.
7. Орехова Е.Н. Риторический блок в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 43–49.
8. Орлова О.Е., Савостина Д.А. Об одной из форм выражения модального значения нежелательности действия // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 30–34.

9. Падучева Е.В. Отрицание // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е (репринтное) изд.: М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: учебное пособие. Изд. 8-е. М.: Едиториал УРСС, 2001. 432 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. 696 с.
12. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
14. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.
15. Шмелёв Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63–75.

REFERENCES

1. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 576 p.
2. Vinogradov V.V. [On the category of modality and modal words in the Russian language]. In: *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on the Russian grammar]. Moscow, 1975. pp. 53–87.
3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. The grammatical teaching about the word]. Moscow; Leningrad, 1947. 783 p.
4. Kalinina A.A. [The semantics of negation in different types of rhetorical questions]. In: *Yazykovye kategorii i edinit'sy: sintagmaticheskii aspekt. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Vladimir, 26–28 sentyabrya 2017 g.)* [Language category and units: syntagmatic aspect. Proceedings of 12th International scientific conference (Vladimir, September 26–28, 2017)]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2017. pp. 186–190.
5. Kanaf'eva A.V. [Some features of the intonation of rhetorical statements]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2016, no. 5, pp. 35–41.
6. Lekant P.A. [Impersonal-infinitive sentences in the modern Russian language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, no. 4, pp. 18–23.
7. Orekhova E.N. [Rhetorical unit in the newspaper text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, no. 6, pp. 43–49.
8. Orlova O.E., Savostina D.A. [About the one of the forms of expression of modal meaning the undesirability of an action]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Rational and emotional in Russian. Proceedings of the International scientific conference]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. pp. 30–34.
9. Paducheva E.V. [Negation]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Big encyclopaedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p.
10. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [The Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 432 p.
11. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 696 p.

12. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2008. 878 p.
13. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
14. Shvedova N.Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of colloquial Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 378 p.
15. Shmelev D.N. [Expressive-ironic statements of the negation and negative assessment in the modern Russian language]. In: *Voprosy yazykoznaviya* [Topics in the study of language], 1958, no. 6, pp. 63–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канафьева Аля Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alya V. Kanafeva – Doctor in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Канафьева А.В. Отрицание: варианты форм и вариации смысла // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 19–25
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-19-25

FOR CITATION

Kanafeva A.V. Negation: variants of forms and variations of meanings. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 19–25
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-19-25

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-26-33

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ УНИВЕРБОВ И СПОСОБАХ ИХ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ

Косицына Е.Ф.¹, Гвоздева Е.В.²¹Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо–Маклая, д. 6, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация. В статье поднимается вопрос о месте универбов в толково-словообразовательном словаре. На основе анализа семантики слов-композигов и производящих их атрибутивных словосочетаний в работе доказывается актуальность подобных дериватов как сигнификативных знаков. Опираясь на принципы полноты и целостности словообразовательного гнезда, авторы статьи обосновывают целесообразность включения в толковый словарь гнездового типа имён существительных, образованных путём универбации. В статье предпринята попытка выработать единые способы описания слов-композигов на базе мотивирующей основы. Показано, как деривационные связи могут прояснить закономерные отношения в лексике, разграничить внешне сходные языковые явления.

Ключевые слова: словообразование, лексика, толково-словообразовательное гнездо, универбация, универб, словарь гнездового типа.

ON THE QUESTION OF THE PLACE OF UNIVERBES AND METHODS OF THEIR DESCRIPTION IN A EXPLANATORY-DERIVATIONAL DICTIONARY

E. Kositsyna¹, E. Gvozdeva²¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract. The article raises the question of the place of univerbes in the explanatory-derivational dictionary. Basing on the analysis of the semantics of word-composites and attributive phrases that produce them, the work proves the relevance of such derivatives as signifying signs. Relying on the principles of completeness and integrity of the explanatory-derivational families of words, the authors of the article justify the inclusion of the nested type of nouns created by way of univerbation in the explanatory dictionary. The article attempts to develop common methods for describing word-composites based on a motivating basis. It is shown how the derivational connections can clarify the regular relations in the vocabulary, distinguish externally similar linguistic phenomena.

Key words: word-formation, vocabulary, explanatory-derivational families of words, univerbation, univerb, dictionary of nested type.

© CC BY Косицына Е.Ф., Гвоздева Е.В., 2018.

Современная разговорная речь изобилует производными, возникшими в результате языковой компрессии. Среди компрессивных способов словообразования высоко продуктивной остаётся универбация. Как отмечает лингвист Л.И. Осипова, «возникнув под действием тенденции к экономии, универбы в определённой степени оказываются избыточными языковыми единицами, так как представляют собой ономазиологические варианты уже имеющих описательных наименований» [6, с. 27]. Большинство из них оказывается вне поля зрения толковых словарей, хотя активно используется в разговорной речи. Получить информацию о том или ином универбе можно в специальных словарях-справочниках, составленных по материалам современной прессы или описывающих жаргоны. В словарях же, ориентированных на истолкование лексики литературного языка, слова-компози́ты отсутствуют по причине того, что они воспринимаются и квалифицируются как ненормативные, стилистически сниженные или жаргонные. Проблема включения универбов в словник остро встаёт при описании лексики русского языка в рамках толково-словообразовательного словаря.

Универбация как языковое явление стала предметом изучения многих лингвистических исследований. В настоящее время достаточно полно разработана терминология. Представители более широкого подхода (В.В. Лопатин, Н.А. Янко-Триницкая, А.В. Исаченко) относят к универбации достаточно широкий круг компрессивных способов словообразования и случаи семантического расширения: аббревиацию, словосложение, сраще-

ние, аффиксальную деривацию, субстантивацию. Однако чаще, вслед за Е.А. Земской и Л.И. Осиповой, в работах современных учёных этот термин специализируется. Большинство сходится во мнении, что универбация – это «способ образования слова на базе словосочетания, замена описательного наименования, то есть раздельно-оформленной единицы, цельнооформленной, то есть однокоренным наименованием» [6, с. 34].

Современными исследователями (см. работы В.И. Теркулова, М.В. Барт, Сунь Мяо, Д.В. Дозоровой) достаточно полно описаны словообразовательные средства и модели. Нейтральным суффиксам *-к(а)* и *-ик* противопоставлен целый ряд формантов (*-аг(а)*, *-яг(а)*, *-ух(а)*, *-ак*, *-як*, *-ач*, *-арь*, *-ник*, *-он*), характерных для универбов со сниженной стилистической окраской [8]. Лингвисты отмечают, что «компрессия составных номинаций в однословные может происходить путём аффиксальной и безаффиксной свёртки» [4, с. 69]. Так, ряд универбов мужского рода образуется с помощью нулевого суффикса или усечения производящей основы, ср.: *Сбер* – *Сберегательный банк России*, *эксклюзив* – *эксклюзивная продукция*, *корпоратив* – *корпоративный праздник*, *нал* – *наличные деньги*, *безнал* – *безналичный расчёт*. Определена продуктивность словообразовательных моделей и их конкурентоспособность, описан круг морфонологических явлений [3].

К более чем двадцати тематическим группам слов-компози́тов, выделенным Л.И. Осиповой в докторской диссертации [7], в настоящее время добавлены новые: «косметические средства», «технические устройства»,

«компьютер и его комплектующие», «интернет», – появление которых обусловлено динамикой социально-культурной жизни [2].

Говоря об универбах, как правило, подчёркивают их семантическую дублетность по отношению к атрибутивным словосочетаниям, которыми они мотивируются. По мнению авторов статьи, данное положение требует уточнения. Во-первых, неоднократно отмечалось, что универбы – это своего рода разговорные эквиваленты устойчивых словосочетаний, функционирующих в кодифицированном литературном языке, отличающиеся от последних стилистической окраской. Если производящее атрибутивное словосочетание может быть использовано в любой коммуникативной ситуации: в речи книжной и разговорной, то слова-композиции характеризуются ярко выраженной экспрессивностью, придают речи оценочный характер и нередко ведут к её стилистическому снижению.

Более того, в статье В.А. Косовой и Сунь Мяо выделяются две функциональные разновидности универбации. Как считают авторы, так называемая синтаксическая модификация значения свойственна преобладающему большинству универбов. Однако исследователями выявлен и другой тип дериватов, которые характеризуются мутационными изменениями словообразовательной семантики, поскольку при их словопроизводстве «деривация направлена на порождение номинативных единиц, значение которых не тождественно семантике базового словосочетания» [4, с. 70]. Ср.: *классик – студент отделения классической филологии, металлург –*

поклонник тяжелого металлического рока.

Учитывая вышеизложенные факты, мы утверждаем: при появлении универба с помощью словообразовательного форманта возникает новая полноценная лексическая единица, имеющая целый ряд отличий от исходного словосочетания. Именно поэтому слова-композиции должны найти своё место в толково-словообразовательном словаре. Кроме того, мы опираемся на базовые принципы отбора лексики в словарях данного типа – полноты и целостности гнезда. Они были сформулированы специалистом в области словообразования и лексикографии, учёным И.А. Ширшовым (см. об этом [9, с. 21]).

Спорным моментом для многих лингвистов остаётся вопрос уместности нахождения в словаре современного русского языка слов, находящихся на грани нормативного обращения, например, лексики социальных, профессиональных диалектов, сленга молодёжи. Очевидно, что современные социолекты противопоставлены литературному языку по шкале общей распространённости – функциональной ограниченности. Однако литературный язык не может не взаимодействовать с диалектами, в том числе и с социальными. Поэтому, следуя принципу полноты, словарь должен быть расширен за счёт включения универбов. Они явление современного языка и культуры, примета времени и характеристика речевого поведения людей.

Задача современного толкового словаря – максимально полно описать лексику всех стилистических пластов, функционирующих в языке. С другой стороны, известно, что в словарях за-

крепляется литературная норма. Словарь выступает как авторитетный источник в вопросах культуры речи, именно поэтому необходим тщательный отбор всех элементов, попадающих в него. Мы убеждены, что в толково-словообразовательном словаре гнездового типа нет места жаргону деклассированных групп общества, грубой, инвективной лексике.

Положение большей части универбов в системе языка определяется широким распространением в разговорной или профессиональной речи, свидетельствующим об актуальности лексем как сигнификативных знаков, об их эмоционально-выразительной и оценочной значимости. Пограничное положение универбов очевидно, но оно соответствует современному пониманию нормы литературного языка, для которой, в целом, характерно смягчение кодификационной императивности и допущение использования ненормативных средств в особых случаях языковой выразительности.

Вершины гнёзд в толково-словообразовательном словаре будут выстроены согласно алфавитному принципу, а внутри гнезда порядок слов будет определяться отношениями производности. Например:

академия	мерцать	начать
академи-ческ(ий)	за-мерцать	нача-л(о)
академ-к(а)	по-мерцать	началь-н(ый)
академ-изм	мерца-ни(э)	без-начальный
академ-ичн(ый)	мерца-тельн(ый)	начал-к(а)
академичн-ость	мерца-лк(а)	начин-а(ть)

В словаре Л.И. Осиповой слова-универбы, мотивированные одним и тем же именем прилагательным, но соотносящиеся с разными словосочетаниями, представлены как многозначные [7]. Необходимо заметить, что не

все учёные квалифицируют это явление как полисемию. Так, в работах Янко-Триницкой подобные производные названы омонимами (см. об этом: [11, с. 28]). Вслед за Л.И. Осиповой универбы, в словопроизводстве которых наряду с общим прилагательным участвует несколько имён существительных, в работе признаются многозначными, так как анализ производящей базы показал, что значение ключевого компонента не трансформируется коренным образом, происходит лишь варьирование внутри лексемы, вызванное сочетаемостью слов.

В толково-словообразовательном словаре такие слова должны быть описаны как поликоррелятивные производные и иметь особую систему обозначений в словообразовательной структуре. Например: персоналка, -и, ж. 1. [персональ(н-ый автомобиль) -> персонал-к-а] Персональный легковой автомобиль. 2. [персональ(н-ая пенсия) -> персонал-к-а] Персональная, обычно повышенная, пенсия. 3. [персональ(н-ая опека) -> персонал-к-а] Спорт. Персональная опека в футболе.

Социалка, -и, ж. 1. [социаль(н-ая стипендия) -> социал-к-а] Социальная стипендия. 2. [социаль(н-ая карта) -> социал-к-а] Социальная, обычно студенческая, карта.

От полисемии следует отличать случаи межгнездовой омонимии. Универбы-омонимы совпадают по форме, но имеют неодинаковую производящую основу, соотносятся с именами прилагательными, входящими в состав разных гнёзд. Описание значений таких омонимов не вызывает больших затруднений, поскольку они удалены друг от друга и фиксируются в разных частях словаря. Ср.:

товар	товарищ
товар-н(ый)	товарищ-еск(ий)
товарн-як	товар-няк

1.Товарняк, -а, м. [товарн(ый поезд) -> товарн-як] Товарный поезд.

2.Товарняк, -а, м. [товар(ищеский матч) -> товар-няк] Товарищеский матч между спортивными командами.

Некоторые универбы тождественны по форме с литературными словами, но отличаются от них семантическим наполнением. Толково-словообразовательный словарь в отличие от словарей жаргонной лексики, во-первых, сразу же обнаруживает имеющуюся в языке внутригнездовую омонимию, во-вторых, с опорой на мотивирующую основу чётко разграничивает лексемы. Например:

1. Птичка, -и, ж. [птиц(а) -> птичк-а] Уменьш.-ласкат. к птица.

2. Птичка, -и, ж. [птич(ий рынок) -> птичк-а] Птичий рынок в Москве.

Анализ производящей базы и ступени словопроизводства не оставляет сомнений в том, что перед нами разные дериваты, лишь совпадающие по форме. Ср. также:

глубокий	железо	пират
глуб-ин(а)	желез-к(а)	пират-к(а)
глубин-к(а)	желез-н(ый)	пират-ск(ий)
глубин-н(ый)	желез-к(а)	пират-к(а)
глубин-к(а)		

Отсубстантивные дериваты *глубинка*, *железка*, *пиратка* обладают мутационным и модификационным типами словообразовательной семантики. Отадъективные производные следующей ступени деривации мотивируются атрибутивными словосочетаниями

и стилистически модифицируют их значения: *глубинка* (*глубинная бомба*), *железка* (*железная дорога*), *пиратка* (*пиратский контент*).

Однокоренные универбы, образованные с помощью разных суффиксов, в одних случаях выступают как дериваты с разными лексическими значениями, в других – как синонимы. Если производные являются словами, имеющими неодинаковые лексические значения, то они, как правило, пространственно удалены друг от друга в гнезде, так как имеют разные мотивирующие основы. Например:

Запретить
Запрет
Запрети-тельн(ый)
Запрети-ловк(а)
Запрет-н(ый)
Запрет-к(а)

Словарная статья универбов будет иметь вид:

Запретиловка, -и, ж. [запрети(тельные меры) -> запретиловк-а]. Запретительные меры, запрещение сделать что-либо.

Запретка, -и, ж. [запрет(н-ая зона) -> запретк-а]. Запретная зона. Зона, которой запрещено пользоваться. Ср. также:

Коммуналка, -и, ж. [коммуналь(н-ая квартира) -> коммуналк-а]. Коммунальная квартира.

Коммунальщик, -а, м. 1.[коммуналь(н-ое хозяйство) -> коммуналь-щик]. Работник коммунального хозяйства. 2.[коммуналь(н-ая квартира) -> коммуналь-щик]. Жилец коммунальной квартиры.

В том случае, если однокоренные слова-компози́ты имеют общую производящую основу и выступают по отношению друг к другу как синонимы, их целесообразно разместить по-

следовательно в одной парадигме. Например:

Лицо	курс	тон
На–лицо	курс–ов(ой)	тон–альн(ый)
Налич–н(ый)	курсов–ая	тональн–ик
Налич–к(а)	курсов–ик	тон–алк(а)
Наличн–ость	курс–ач	тон–ак
Нал	курсов–ух(а)	

И.А. Ширшов справедливо заметил, что единственный аспект, который по-прежнему слабо учитывается при описании лексики в толковых словарях – это словообразовательный [10]. Между тем структура слова могла бы дать представление о многих закономерных процессах в грамматике и отношениях в лексике. Так, гнездо даёт чёткое представление о синонимической связи однокоренных слов, помогает разграничить полисемию и омонимию, ведёт к сознательному усвоению лексического богатства нашего языка [5].

Важной функцией толкового словаря остаётся предупреждение об особых стилистических качествах слова. Основная нагрузка в выполнении этой функции ложится на стилистические пометы: [началь(н–ая школа) –> начал–к–а]. Разг. проф.; [трёх(комнатная квартира) –> трёш–к–а] Разг. фам.; [чёрн(ая сторона чего–либо) –> черн–ух–а] Разг. сниж. неодобр.; [стационар(ный компью-

тер) –> стационар–ник]. Жарг. комп.; [курс(овая работа) –> курс–ач]. Жарг. студ.

В том случае, если универб приобрёл широкое распространение и закрепился в межстилевой сфере, словарная статья может не иметь стилистических помет. Например: внедорожник, –а, м. [внедорож(н–ый автомобиль) –> внедорож–ник]. Внедорожный автомобиль, автомобиль высокой проходимости.

Знакомство с полными толково-словообразовательными гнездами имеет важное практическое значение. Ученикам общеобразовательных школ оно покажет богатые возможности русского словообразования, «поможет развить внимание к слову, его структуре, будет способствовать повышению грамотности, поскольку главный принцип русской орфографии – это морфологический» [1, с. 78]. Читателям, не имеющим филологической подготовки, поможет уточнить или пополнить свои знания о словах, укажет на случаи их уместного употребления.

Словари адресуются самому широкому кругу читателей, в том числе лицам, для которых русский язык является неродным. Включение в словник универбов устранит многие трудности, возникающие у иностранных граждан, постоянно сталкивающихся с этим языковым явлением в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздева Е.В. Становление антонимических отношений в словообразовательных гнездах с вершинами начать и конец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1(58). С. 75–78.
2. Дозорова Д.В. Динамика развития тематических групп универбатов в русском языке // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1631–1635.
3. Дозорова Д.В. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 392–396.

4. Косова В.А., Сунь Мяо. Функциональная семантика универбов в русских социолектах // Филология и культура. 2015. № 3(41). С. 67–74.
5. Меркурьева Н.М. Полисемия и омонимия композитов. Лексикографический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(73). С. 146–148.
6. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 506 с.
7. Осипова Л.И. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом –к–а. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х гг. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. 230 с.
8. Сунь Мяо. Уникальные для универбации форманты в русском жаргоне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(77). С. 158–160.
9. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка. Грозный: Чечено-ингушский государственный университет имени Л.Н. Толстого, 1991. С. 3–107.
10. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: Издательство АСТ, 2004. 1023 с.
11. Янко-Триницкая Н.А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 18–36.

REFERENCES

1. Gvozdeva E.V. [The formation of antonymy relations in word-formation nests with vertices *nachat'* and *konets*]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 4–1(58), pp. 75–78.
2. Dozorova D.V. [Dynamics of development of the thematic groups of univerbats in the Russian language]. In: *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic researches], 2014, no. 11, pp. 1631–1635.
3. Dozorova D.V. [Derivational models of univerbats in the modern Russian language]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhniy Novgorod], 2015, no. 2(2), pp. 392–396.
4. Kosova V.A., Sun' Miao. [Functional semantics of univerbs in the Russian sociolect]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, no. 3(41), pp. 67–74.
5. Merkur'eva N.M. [Polysemy and homonymy of composites. Lexicographic aspect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 7(73), pp. 146–148.
6. Osipova L.I. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii (suffiksāl'naya univerbatsiya i usechenie): diss. ... dokt. filol. nauk* [Active processes in the modern Russian word-formation (suffixal univerbation and truncation): D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 1999. 506 p.
7. Osipova L.I. *Novye slova v russkom yazyke: suffiksāl'nye univerby zhenskogo roda s suffiksom –k–a. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60–90-kh gg* [New words in the Russian language: the suffix univerbs of feminine gender with suffix –k–a. Dictionary based on materials of media and literature of 60–90s]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2000. 230 p.
8. Sun' Miao [Unique formants for univerbation in the Russian slang]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 11(77), pp. 158–160.
9. Shirshov I.A. [Theoretical problems of nesting]. In: *Printsipy sostavleniya gnezdovogo tolkovo-slovoobrazovatel'nogo slovaryā sovremennogo russkogo yazyka* [Principles of compiling a nested explanatory-derivational dictionary of the modern Russian language]. Grozny, Chechen-Ingush State University named after L.N. Tolstoy, 1991. pp. 3–107.

10. Shirshov I.A. *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: Kompleksnoe opisanie russkoi leksiki i slovoobrazovaniya* [Explanatory derivational dictionary of the Russian language: a Comprehensive description of the Russian vocabulary and word formation]. Moscow, AST Publ., 2004. 1023 p.
11. Yanko-Trinit'skaya N.A. [Processes of inclusion in the lexicon and word formation]. In: *Raz-vitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [The development of grammar and vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. pp. 18–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косицына Евгения Фёдоровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка №3 Российского университета дружбы народов; e-mail: a3484@yandex.ru

Гвоздева Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; e-mail: gvozdeva_15@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya F. Kositsyna – PhD in Philological Science, senior lecturer at the Department no. 3 of the Russian Language, RUDN University; e-mail: a3484@yandex.ru.

Elena V. Gvozdeva – PhD in Philological Science, associate professor at the Department of the Russian Language and Culture of Speech, Plekhanov Russian University of Economics; e-mail: gvozdeva_15@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Косицына Е.Ф., Гвоздева Е.В. К вопросу о месте универбов и способах их описания в толково-словообразовательном словаре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018, № 2, С. 26-33

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-26-33

FOR CITATION

Kositsyna E.F., Gvozdeva E.V. On the question of the place of univerbes and methods of their description in a explanatory-derivational dictionary. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 26-33

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-26-33

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-34-45

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ

Котлярова О.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
600017, Владимир, ул. Горького, д. 59А, Российская Федерация*

Аннотация. В результате проводимого исследования определяются основные направления гуманитарного знания, рассматривающие изучение языковой личности государственного служащего в качестве научного приоритета. Прослеживается исследовательская парадигма языковой личности государственного служащего в диахронном аспекте. А также намечены дальнейшие перспективы исследования речевых особенностей современных государственных служащих с целью развития их коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: языковая личность, государственный служащий, языковой портрет, коммуникативная компетентность, профессиональное общение.

THE THEORY OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A CIVIL SERVANT IN THE RUSSIAN LINGUISTICS: ANALYSIS OF APPROACHES

O. Kotlyarova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
59A, Gorkogo st., Vladimir, 600017, Russian Federation*

Abstract. As the result of the carried out research, the study identifies the main areas of the Humanities, which deal with the study of language personality of a public servant as a research priority. The author traced the research paradigm of the linguistic identity of a civil servant in the diachronic aspect, and notes the future prospects of the study of speech features of modern civil servants with the aim of developing their communicative competence.

Key words: linguistic personality, public servant, linguistic portrait, communicative competence, professional communication.

Представленная работа посвящена исследованию языковой личности государственных гражданских и муниципальных служащих. Обеспечение полномочий исполнения государственной власти на федеральном и региональном уровнях является профессиональной обязанностью многочисленных представителей системы государственного и муниципального управления. Исследование языковой личности государственного или муниципального служащего в перспективе подразумевает определение коммуникативной динамики современного общества, так как основывается на взаимоотношениях между государ-

ственной властью и народом и раскрывает взаимовлияние языкового и социального реформирования.

Современный этап лингвистических исследований отличается большим интересом к изучению *языковой личности*. Связано это с влиянием, оказываемым речью чиновников и политиков на язык средств массовой информации, который, в свою очередь, активно тиражируя административно-политический дискурс, делает его «духом эпохи, языковой модой, вкусом, языком времени» [31].

В представленной статье автор делает предположение, что язык представителей власти, чиновничества, политических лидеров формирует некий образец или стандарт эффективной деловой коммуникации, которая

является речевым и поведенческим ориентиром для всех представителей российского общества и носителей русского языка. В связи с чем на первый план выходит необходимость исследования языковой личности современного государственного служащего как речевого феномена, отражающего общую общественную культурно-языковую динамику.

Логичным кажется проследить формирование исследовательского интереса к языковой личности государственного служащего. Сравнительный анализ направлений гуманитарного знания, рассматривающих изучение языковой личности государственного служащего в диахронном аспекте, представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Сравнительный анализ направлений гуманитарного знания,
рассматривающих изучение языковой личности государственного
служащего в диахронном аспекте**

Временной период	Теоретико-практическая значимость	Исследователи
Послереволюционный период 1917 г.	Исследовательский интерес сконцентрирован в парадигме языка послереволюционной эпохи, а также речевых характеристик его носителей. Анализируются языковые особенности и речевые штампы организационно-идеологической деятельности партии и советской среды. Акцентируется внимание на расширении и обновлении активного словарного запаса носителей русского языка.	См. исследования Г.О. Винокура [3], С.О. Карцевского [14]; Е.Д. Поливанова [33–37], А.М. Селищева [41].
30–50-е гг. XX в.	Ставятся вопросы взаимодействия и взаимобусловленности языка и общества, обслуживаемого этим языком. Анализируются языковая динамичность и сохранение наследия русского языка.	См., например, работы Е.А. Земской [10; 11], Л.П. Крысина [20; 21], О.А. Лаптевой [24], М.В. Панова [30] и мн. др.
90-е гг. XX в. и начало XXI в.	Исследуется язык «тоталитарной эпохи», а также развитие русского языка в советский и постсоветский периоды, проявляется интерес к феномену политического дискурса. Остро встаёт вопрос о нарушении нормативности русского языка в парадигме административного и политического дискурса.	См. работы: Русский язык конца XX столетия (1985–1995) [40], Русский язык сегодня (2000) [39] и др.

Окончание таблицы 1

Временной период	Теоретико-практическая значимость	Исследователи
XXI в.	Изменение социально-политического характера дела делают актуальными изучение «лингвистически интенсивных» профессий: политиков, чиновников, работников СМИ. Акцент делается на нормативный аспект речи публичных людей, а также на передний план выходят проблемы этичности, корректности взаимодействия. Много внимания уделяется формированию коммуникативной компетентности государственных служащих	См., например, исследования «Культура парламентской речи» [23], Китайгородской М.В. и Розановой Н.Н. [15], В.Г. Костомарова [19], М.В. Горбаневского, Ю. Караулова и В.М. Шклеина [5], М.Н. Пановой [31] и др.

Изучение языковой личности государственного служащего как представителя власти и государства, с одной стороны, и как носителя общих языковых черт своего времени и ментальности, с другой, становится всё более актуальным в XXI в. Такие исследования не могут ограничиваться рамками лексикологии и на протяжении нескольких десятилетий изучаются на периферии смежных наук, затрагивая области лингвистики, политологии, социологии, истории, философии, психологии и др.

В рамках представленной работы был проведён сравнительный анализ направлений гуманитарного знания, рассматривающих изучение языковой личности государственного служащего в синхронном аспекте. В табл. 2 представлены результаты проведённого анализа.

Таблица 2

Данные анализа направлений гуманитарного знания в XXI в., изучающих языковую личность государственного служащего

Направление гуманитарного знания	Теоретико-практическая значимость	Исследователи
Лингвопедагогика	Актуальность обосновывается изучением динамики кадрового потенциала системы государственного управления.	См., например, исследования Е.Н. Копыловой [17], А.И. Корниловой и Б.В. Кайгородова [18], Е.А. Феофилактовой [45].
	Немаловажной составляющей развития личности госслужащего является повышение качества образования и самообразования, а также применение комплексной оценки их профессиональной деятельности.	См. исследования Н.С. Калашник [12], Т.Н. Клочковой [16], О.В. Кузнецова [22].
	Последние годы особый акцент делается на гуманитаризацию образования представителей органов власти. Лингвистическая подготовка становится существенным фактором гуманитаризации и профессионализации образования специалиста в области управления.	См. работы Н.В. Уваровой [43], Ю.Н. Карповой [13].

Продолжение таблицы 2

Направление гуманитарного знания	Теоретико-практическая значимость	Исследователи
Лингвopsихология	Личность государственного служащего формируется посредством речевых стереотипов, являющихся ментальной основой современных россиян. Личность госслужащего ассоциируется с образами «важного лица», «маленького человека», «чинуши», «чиновника», «чиновнички», «начальника». Такие стереотипы чаще всего обладают выраженным пейоративным оценочным компонентом и характеризуют личность, злоупотребляющую властью и положением.	См., например, работу В.В. Дьяковой [9].
	Приоритетным аспектом в рамках лингвopsихологии, характеризующим языковую личность госслужащего, выступает его коммуникативная компетентность. Речевые характеристики представителей госслужбы особенно ярко проявляются во время публичных выступлений, политических дискуссий, переговоров и дебатов. Культура профессионального общения является основой имиджевого фактора современного госслужащего.	См. исследования Г.М. Бирюковой и Ю.К. Лебединой [2], С.В. Рудаковой [38], А.Е. Улуновой [44] и др.
Акмеология	Рассматривает речевое поведение современного госслужащего с позиции целостности личности и продуктивности самоосуществления намеченных целей. В качестве основных характеристик выделяются такие, как эмоциональная устойчивость, эффективность деятельности, психологические условия профессионально-личностного развития, эмоциональное выгорание, самооценка и самоотношение.	Ср. работы В.Г. Белова, Ю.А. Парфенова [1], О.И. Суховеевой [42], М.А. Гордеевой [6], М.Н. Дарижаповой [7] и др.
Лингвофилософия	Представители философской мысли XXI в. демонстрируют стремление к анализу этической и нравственной подоплёки развития языковой личности госслужащего, идеи служения как нравственной силы, объединяющей социальные слои и сословия, ценностей российской государственности и традиционализма. Также поднимаются вопросы развития регионального сознания как конкретной характеристики языковой личности государственного служащего.	См., например, исследования Ю.В. Назарова [27], а также А.В. Поладько [32].
Социолингвистика	С точки зрения социологии языковая личность интересна как результат процессов активной социализации, под которой подразумеваются процессы социально-профессиональной адаптации.	В этой связи см. работы Е.А. Мамлиной [25], А.Н. Хасановой [46].

Продолжение таблицы 2

Направление гуманитарного знания	Теоретико-практическая значимость	Исследователи
Социолингвистика	Важным аспектом социолингвистических исследований является изучение вопросов духовно-нравственной основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях, социальной эффективности профессиональной деятельности, изучения личности государственных служащих как социально-профессионального слоя населения России.	См. исследования Д.А. Михеева [26], Н.В. Осиповой [28], М.В. Павленко [29].
	Одной из задач, решаемой в русле социолингвистики, является составление модели поведения государственных служащих, основанной на их речевом и поведенческом взаимодействии в системе государственного управления и межличностного общения. Формирование позитивного или негативного образа госслужащих, их статусно-ролевых, моральных и этических характеристик складывается посредством анализа особенностей языка и коммуникации.	См. работы Н.И. Голивиной [4], Н.В. Дильман [8].

Анализируя исследовательские направления и тематику изучения языковой личности государственного служащего, начиная с периода постреволюционной России до настоящего времени можно сделать некоторые выводы.

1. Первоначальный исследовательский интерес был направлен на изучение речевых особенностей носителей языка определённого периода. Речевые штампы, отражающие идеологическую парадигму развития советского общества, преобразовали лексическую систему русского языка, отражая изменения социально-политического характера.

2. Дальнейшие исследования в качестве приоритета обозначают взаимообусловленность языка и общества. Появляется интерес к феномену административно-политического дискурса, языку властных структур, характеристики речи представителей государственных органов власти, политиков, чиновников.

3. На современном этапе развития лингвистического направления изучение языковой личности государственного служащего затрагивает многочисленные направления гуманитарного знания, лежащие на периферии наук. По-прежнему актуальными являются проблемы нормативности речи государственных служащих. На первый план выходят вопросы корректной, этичной письменной, устной и интернет-коммуникации представителей властных структур.

4. Соглашаясь с М.Н. Пановой о влиянии языка политиков и представителей государственного и муниципального управления на язык средств массовой информации, можно предположить, что административно-политический дискурс становится коммуникативным образцом речевого поведения представителей современного российского общества в целом [31, с. 3].

5. Немаловажным, по нашему мнению, является и факт сохранения

русского языка в качестве приоритета государственной языковой политики современной России, в связи с чем вопрос о формировании языковой личности современного государственного служащего затрагивает имиджевую составляющую представителей власти.

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что продолжение изучения языковой личности современного госслужащего является перспективным направлением лингвистических исследований и смежных с лингвистикой сфер гуманитарного знания. Остаются не до конца разработанными вопросы описания региональных особенностей языковой личности государственного служаще-

го, динамики формирования языковой личности, вопрос определения и устранения причин деградации языковой личности и мн. др.

В заключение позволим предположить, что многочисленные особенности, характеризующие языковую личность современного государственного служащего, указывают на недостаточную коммуникативную компетентность представителей административного дискурса, предполагающую не только эффективное и грамотное, но и корректное и этичное взаимодействие. В связи с этим вопрос о формировании и динамике языковой личности современного государственного служащего остаётся открытым и актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.Г., Парфёнов Ю.А., Менумеров А.В., Чернов Д.А. Эмоциональная устойчивость как критерий эффективной деятельности государственных служащих // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. № 8. С. 28–34.
2. Бирюкова Г.М., Лебединова Ю.К. Профессионально-коммуникативная компетентность как имиджевый фактор российских госслужащих // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2010. № 12(70). С. 15–20.
3. Винокур Г.О. Русский язык: исторический очерк. М., Гослитиздат, 1945. 190 с.
4. Голивкина Н.И. Социально-статусные факторы формирования профессиональной культуры государственного служащего: дисс. ... канд. соц. наук. М., 2003. 202 с.
5. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком (о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). Монография. М.: Галерея, 1999. 215 с.
6. Гордеева М.А. Эмоциональное выгорание государственных служащих // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 43–45.
7. Дарижапова М.Н. К вопросу об изучении самоотношения государственных служащих // Вестник Бурятского государственного университета. Психология, социальная работа. 2015. № 5. С. 28–33.
8. Дильман Н.В. Государственные служащие: статусные основания, менталитет и коммуникационные особенности: дисс. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2004, 160 с.
9. Дьякова В.В. Стереотипы восприятия государственных служащих в современном российском обществе: дисс. ... канд. псих. наук. М., 1996, 142 с.
10. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
11. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

12. Калашник Н.С. Самообразование чиновников как составляющая политики управления людскими ресурсами на государственной службе (опыт Украины) // *ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления*. 2013. № 4. С. 42–52.
13. Карпова Ю.Н. Формирование духовной направленности в профессиональном образовании государственных служащих средствами интегрирования религиоведения и иностранного языка: дисс. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2001. 173 с.
14. Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
15. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
16. Ключкова Т.Н. Дополнительное профессиональное образование государственных и муниципальных служащих: проблемы и пути совершенствования // *Вестник Поволжского института управления*. 2011. № 2. С. 14–21.
17. Копылова Е.Н. Применение комплексной оценки деятельности государственных служащих при отборе в управленческую команду // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2014. № 1. С. 119–124.
18. Корнилова А.И., Китайгородов Б.В. Моделирование процесса формирования лидерских качеств будущих государственных служащих // *Вектор науки Тольятинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2012. № 3. С. 121–123.
19. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
20. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // *Исследования по славянским языкам*. 2000. № 5. С. 63–91.
21. Крысин Л.П. О русском языке наших дней // *Изменяющийся языковой мир: Тезисы докладов международной научной конференции (Пермь, Пермский университет, 12–17 ноября 2001 г.)*. Пермь: Пермский государственный университет, 2002. С. 10–16.
22. Кузнецов О.В. Направления модернизации ДПО государственных служащих // *Высшее образование в России*. 2009. № 5. С. 145–149.
23. Культура парламентской речи / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. М.: Наука, 1994. 370 с.
24. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана (разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед: JATE, 1990. 517 с.
25. Мамлина Е.А. Процесс идентификации личности государственного служащего в условиях современной России: дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2004. 180 с.
26. Михеев Д.А. Государственные служащие Российской Федерации как социально-профессиональный слой: на материалах Республики Татарстан: дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2004. 186 с.
27. Назарова Ю.В. Парламентская этика в России: опыт Государственной Думы 1906–1917 гг.: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2006. 145 с.
28. Осипова Н.В. Система непрерывного профессионального образования государственных служащих в регионе: дисс. ... канд. соц. наук. Пенза, 2004. 184 с.
29. Павленко М.В. Духовно-нравственные основы деятельности государственных служащих в современных социокультурных условиях России: дис. ... канд. соц. наук. Курск, 2005. 155 с.
30. Панов М.В. Русский язык // *Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки*. М.: Наука, 1966. с. 55–122.
31. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 393 с.

32. Поладько А.В. Идеология государственного служения: социокультурное позиционирование дискурса: дисс. ... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2011. 162 с.
33. Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР // Революционный Восток. 1927. № 1. С. 36–57.
34. Поливанов Е.Д. О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе, кн. 1., 1927. С. 225–235.
35. Поливанов Е.Д. Специфические особенности последнего десятилетия 1917–1927 в истории нашей лингвистической мысли. (Вместо предисловия) // Учёные записки Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]. М., 1928. Т. III. С. 3–9.
36. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. 1928. Т. 4. С. 67–180.
37. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание : Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931. 184 с.
38. Рудакова С.В. Развитие лингвосоциопсихологических способностей государственных служащих в процессе повышения их квалификации: дисс. ... канд. псих. наук. М., 2003, 205 с.
39. Русский язык сегодня / отв. ред. Крысин Л.П. М.: Азбуковник, 2000. Выпуск 1. 596 с.
40. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Земская Е.А. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
41. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
42. Суховеева О.И. Психологические условия профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 135–137.
43. Уварова Н.В. Гуманитаризация профессионального образования государственных служащих средствами лингвистической подготовки: дисс. ... д-ра пед. наук, Казань, 1999. 402 с.
44. Улунова А.Е. Культура профессионального общения государственных служащих как культура профессиональной группы и культура личности // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1(25). С. 231–238.
45. Феофилактова Е.А. Нравственные аспекты современной системы подготовки государственных служащих // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1(8). С. 301–304.
46. Хасанова А.Н. Особенности подготовки государственных служащих в условиях трансформирующегося общества: дисс. ... канд. соц. наук. Уфа, 2006. 135 с.

REFERENCES

1. Belov V.G., Parfenov Yu.A., Menumerov A.V., Chernov D.A. [Emotional stability as a criterion for the efficient activities of public servants]. In: *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific notes of Lesgaft University named], 2011, no. 8, pp. 28–34.
2. Biryukova G.M., Lebedinova Yu.K. [Professional-communicative competence as an image-building factor in the Russian civil servants]. In: *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific notes of Lesgaft University], 2010, no. 12(70), pp. 15–20.
3. Vinokur G.O. *Russkii yazyk: istoricheskii ocherk* [Russian language: historical background]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1945. 190 p.

4. Golivkina N.I. *Sotsial'no-statusnye faktory formirovaniya professional'noi kul'tury gosudarstvennogo sluzhashchego: diss. ... kand. sots. nauk* [Social status factors of the formation of professional culture of a civil servant: PhD thesis in Sociological sciences]. Moscow, 2003. 202 p.
5. Gorbanevskii M.V., Karaulov Yu.N., Shaklein V.M. *Ne govori shershavym yazykom (o narusheniyakh norm literaturnoi rechi v elektronnykh i pechatnykh SMI)* [Do not speak rough language (violations of the norms of literary language in the electronic and print media)]. Moscow, Galeriya Publ., 1999. 215 p.
6. Gordeeva M.A. [Emotional burnout of civil servants]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 9, pp. 43–45.
7. Darizhapova M.N. [To the problem of studying civil servants' self-attitude]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya, sotsial'naya rabota* [Bulletin of Buryat State University. Psychology, social work], 2015, no. 5, pp. 28–33.
8. Dil'man N.V. *Gosudarstvennye sluzhashchie: statusnye osnovaniya, mentalitet i kommunikatsionnye osobennosti: diss. ... kand. sots. nauk* [Public servants: the status of the Foundation, mentality and communication features: PhD thesis in Sociological sciences]. Volgograd, 2004. 160 p.
9. D'yakova V.V. *Stereotipy vospriyatiya gosudarstvennykh sluzhashchikh v sovremenном russiiskom obshchestve: diss. ... kand. pskh. nauk* [The stereotypes of public servants in the contemporary Russian society: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1996, 142 p.
10. Zemskaya E.A. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [The Modern Russian language. Word-formation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 304 p.
11. Zemskaya E.A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [The Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. 240 p.
12. Kalashnik N.S. [Self-education of officials as part of human resources management policy in the civil service (the experience of Ukraine)]. In: *ARS ADMINISTRANDI. Iskusstvo upravleniya* [ARS ADMINISTRANDI. Art of Management], 2013, no. 4, pp. 42–52.
13. Karpova Yu.N. *Formirovanie dukhovnoi napravlenosti v professional'nom obrazovanii gosudarstvennykh sluzhashchikh sredstvami integrirovaniya religiovedeniya i inostrannogo yazyka: diss. ... kand. ped. nauk* [The formation of the spiritual orientation in the professional education of civil servants by means of integration of religious studies and foreign language: PhD thesis in Pedagogical sciences]. Nizhny Novgorod, 2001. 173 p.
14. Kartsevskii S.O. *Yazyk, voina i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin, Russkoe universal'noe izdatel'stvo Publ., 1923. 72 p.
15. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale yazyka Moskvy* [The linguistic existence of a modern citizen: On the material of the language of Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 496 p.
16. Klochkova T.N. [Additional professional education of state and municipal employees: problems and ways of improvement]. In: *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2011, no. 2, pp. 14–21.
17. Kopylova E.N. [The use of a comprehensive evaluation of civil servants in the selection of the management team]. In: *Elektronnyi vestnik Rostovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta* [Electronic bulletin of the Rostov socio-economic institute], 2014, no. 1, pp. 119–124.
18. Kornilova A.I., Kitaigorodov B.V. [Modeling the process of formation of leadership qualities of future civil servants]. In: *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science Vector of Togliatti State University Series: Pedagogy, Psychology], 2012, no. 3, pp. 121–123.

19. Kostomarov V.G. *Yazykovoi vkus epokhi: Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the epoch: on observations of speech practice of mass-media]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994, 247 p.
20. Krysin L.P. [Some of the changes in the Russian language of the late 20th century]. In: *Issledovaniya po slavyanskim yazykam* [Studies on Slavic languages], 2000, no. 5, pp. 63–91.
21. Krysin L.P. [On the Russian language of our days]. In: *Izmenyayushchiysya yazykovoi mir : Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Perm', Permskii universitet, 12–17 noyabrya 2001 g.)* [Changing language world: Abstracts of papers of the International Scientific Conference (Perm, Perm University, 12–17 November 2001)]. Perm, Perm State University Publ., 2002. pp. 10–16.
22. Kuznetsov O.V. [Directions of modernization of APE public servants]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2009, no. 5, pp. 145–149.
23. Graudina L.K., Shiryayev E.N. ed. *Kul'tura parlamentskoi rechi* [The culture of parliamentary speech]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 370 p.
24. Lapteva O.A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana (razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte)* [Live Russian speech from a television screen (colloquial layer of a television speech in the normative aspect)]. Szeged, JATE Publ., 1990. 517 p.
25. Mamlina E.A. *Protsess identifikatsii lichnosti gosudarstvennogo sluzhashchego v usloviyakh sovremennoi Rossii: diss. ... kand. sots. nauk* [The process of identification of the civil servant in modern Russia: PhD thesis in Sociological sciences]. Saratov, 2004, 180 p.
26. Mikheev D.A. *Gosudarstvennye sluzhashchie Rossiiskoi Federatsii kak sotsial'no-professional'nyi sloi: na materialakh Respubliki Tatarstan: diss. ... kand. sots. nauk* [Civil servants of the Russian Federation as a social-professional layer: on materials of the Republic of Tatarstan: PhD thesis in Sociological sciences]. Kazan, 2004, 186 p.
27. Nazarova Yu.V. *Parlamentskaya etika v Rossii: opyt Gosudarstvennoi Dumy 1906–1917 gg.: diss. ... kand. filos. nauk* [Parliamentary ethics in Russia: the experience of the State Duma in 1906–1917: PhD thesis in Philosophical sciences]. Moscow, 2006, 145 p.
28. Osipova N.V. *Sistema nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya gosudarstvennykh sluzhashchikh v regione: diss. ... kand. sots. nauk* [The system of continuous professional education of civil servants in the region: PhD thesis in Sociological sciences]. Penza, 2004, 184 p.
29. Pavlenko M.V. *Dukhovno-nravstvennye osnovy deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh Rossii: diss. ... kand. sots. nauk* [Spiritual and moral bases of activity of civil servants in the modern social-cultural conditions of Russia: PhD thesis in Sociological sciences]. Kursk, 2005, 155 p.
30. Panov M.V. [Russian language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. I: Indoevropeiskie yazyki* [The languages of the peoples of the USSR. Vol. I: Indo-European languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966. pp. 55–122.
31. Panova M.N. *Yazykovaya lichnost' gosudarstvennogo sluzhashchego: diskursivnaya praktika, tipologiya, mekhanizmy formirovaniya: diss. ... dokt. fil. nauk* [Linguistic personality of a public servant: discursive practice, typology, mechanisms of formation: D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2004, 393 p.
32. Polad'ko A.V. *Ideologiya gosudarstvennogo sluzheniya: sotsiokul'turnoe pozitsionirovanie diskursa: diss. ... kand. filos. nauk* [The ideology of the public service: the socio-cultural positioning of discourse: PhD thesis in Philosophical sciences]. Rostov-on-don, 2011, 162 p.
33. Polivanov E.D. [The revolution and the literary languages of the USSR]. In: *Revolutsionnyi Vostok* [Revolutionary East], 1927, no. 1, pp. 36–57.

34. Polivanov E.D. [On the literary (standard) language of modernity]. In: *Rodnoi yazyk v shkole* [Native language in school], 1927, vol. 1, pp. 225–235.
35. Polivanov E.D. [Specific features of the last decade 1917–1927 in the history of linguistic thought (Instead of Preface)]. In: *Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk* [Scientific notes of the Institute of language and literature of the Russian Association of scientific research institutes of Social sciences]. Moscow, 1928, vol. III, pp. 3–9.
36. Polivanov E.D. [The Russian language of today]. In: *Literatura i marksizm* [Literature and Marxism], 1928, vol. 4, pp. 67–180.
37. Polivanov E.D. *Za marksistskoe yazykoznanie: Sbornik popularnykh lingvisticheskikh statei* [For Marxist linguistics: a Collection of popular linguistic articles]. Moscow, 1931. 184 p.
38. Rudakova S.V. *Razvitie lingvosotsiopsikhologicheskikh sposobnostei gosudarstvennykh sluzhashchikh v protsesse povysheniya ikh kvalifikatsii: diss. ... kand. pskh. nauk* [Development of the linguosociopsychology capacities of civil servants in the process of raising their qualification: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2003. 205 p.
39. Krysin L.P., ed. *Russkii yazyk segodnya* [The Russian language today]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. Iss. 1. 596 p.
40. Zemskaya E.A., ed. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 480 p.
41. Selishchev A.M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [The language of the revolutionary era. From observations over the Russian language (1917–1926)]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1928. 248 p.
42. Sukhoveeva O.I. [Psychological conditions of professional and personal development of state and municipal employees]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2011, no. 3, pp. 135–137.
43. Uvarova N.V. *Gumanitarizatsiya professional'nogo obrazovaniya gosudarstvennykh sluzhashchikh sredstvami lingvisticheskoi podgotovki: diss. ... dokt. ped. nauk* [Humanitarization of professional education of civil servants by means of language training: D. thesis in Pedagogical sciences]. Kazan, 1999. 402 p.
44. Ulunova A.E. [The culture of professional communication of public servants as the culture of professional groups and the culture of personality]. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University], 2013, no. 1(25), pp. 231–238.
45. Feofilaktova E.A. [Moral aspects of the modern system of training of civil servants]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science Vector of Togliatti State University Series: Pedagogy, Psychology], 2012, no. 1(8), pp. 301–304.
46. Khasanova A.N. *Osobennosti podgotovki gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh transformiruyushchegosya obshchestva: diss. ... kand. sots. nauk* [Features of training of civil servants in the conditions of a transforming society: PhD thesis in Sociological Sciences]. Ufa, 2006. 135 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Котлярова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

e-mail: olya-appriori@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Kotlyarova – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of social-humanitarian disciplines, Vladimir branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: olya-appriori@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Котлярова О.В. Теория языковой личности государственного служащего в отечественной лингвистике: анализ подходов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 34-45
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-34-45

FOR CITATION

Kotlyarova O.V. The theory of the language personality of a civil servant in the Russian linguistics: analysis of approaches. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 34-45
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-34-45

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Красных В.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация 119991*

Аннотация. Целью статьи является представление лингвокультуры, изучение которой может оказаться важным для теории и практики преподавания русского языка как иностранного. В статье кратко представляются феномены лингвокультурной идентичности и лингвокультуры. Системные и функциональные особенности лингвокультуры рассматриваются в сравнении с языковой системой. В качестве иллюстративного материала приводятся примеры из современных СМИ, кинофильмов, современной литературы (как правило, массовой), представленные в Национальном корпусе русского языка и в личной картотеке автора. Высказывается предположение, что единицы лингвокультуры призваны стать предметом отдельного изучения с точки зрения не только лингвистики, но и лингводидактики.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, лингвокультура, синонимико-вариативные ряды, антонимико-вариативные ряды.

THE IMPORTANCE OF STUDYING LINGUOCULTURE FOR THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

V. Krasnykh*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The aim of the paper is to present the phenomenon of linguoculture, the study of which may be important for the theory and practice of teaching Russian as a foreign language. The author briefly presents the phenomena of linguocultural identity and linguoculture as such. Systemic and functional features of linguoculture are discussed in comparison with the language system. As an illustrative material, the author provides examples from modern media, movies, contemporary literature (as a rule, popular one), that are present in the Russian National Corpus and in the personal file of the author. The author suggests that units of linguoculture are intended to be the subject of a separate research from the point of view of not only linguistics but also linguodidactics.

Key words: linguocultural identity, linguoculture, synonymic-variational series, antonymic-variational series.

Мы живём в эпоху перемен, в сложное и интересное время. Интересное, конечно, в первую очередь с точки зрения исследователя. Данное утверждение базируется на представлении, что сегодня мы наблюдаем смену парадигм (и не только научных), зачастую оказываемся участниками небывало широких и плотных (к сожалению, не всегда дружественных) контактов языков и культур (подчас радикально различных в своих проявлениях) и, как следствие, бываем вовлечены в разнообразные конфликты. Думается, что многие проблемы современного мира обусловлены в том числе столкновением двух противоположных глобальных тенденций: с одной стороны, глобализации как таковой и, с другой – роста национального / этнического / культурного самосознания как своего рода реакции на сам процесс глобализации, которая предполагает, в том числе, определённую унификацию личностей, живущих в разных странах, говорящих на разных языках, представляющих разные культуры (конечно, в данном случае мы упоминаем только один из аспектов сложнейших проблем современного мира). Вышесказанное обуславливает важность и актуальность культурной и лингвокультурной идентичности для самого человека-личности и, как следствие, постоянно растущий интерес исследователей к факторам, определяющим (или, как минимум, влияющим на) данную идентичность.

В данном случае культурная и лингвокультурная идентичность понимается нами как принадлежность человека-личности тому или иному национально-/этно-лингво-культурному сообществу. При этом лингвокуль-

турная идентичность предполагает у каждого человека говорящего (*Homo Loquens*) наличие лингвокультурной (или, по В.Н. Телия, культурно-языковой [10; 11]) компетенции, которая заключается в умении кодировать и декодировать культуроносные смыслы, стоящие за знаками языка.

Лингвокультурная идентичность человека говорящего (*Homo Loquens*) предопределяется как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы соотносятся с этнической и культурной самоидентификацией личности (в рамках данной статьи позволим себе на этом не останавливаться). Внешние факторы самым непосредственным образом связаны с лингвокультурным окружением личности и с лингвокультурой как таковой.

Лингвокультура понимается как культура оязыковлённая, т.е. воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура, явленная нам в языке и через язык. Лингвокультура – феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах; это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества; это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т.е. опосредованные значениями и скреплённые культурным ядром общие компоненты образа мира (подробнее см.: [3; 4]).

И ещё одно соображение общего характера, которое представляет-

ся важным для данного разговора. Ян Ассман, признанный специалист в области изучения культурной памяти, единомышленник и, как представляется, в определённом смысле последователь Ю.М. Лотмана (см. [1, с. 21]), пишет, что культура предстаёт как объективизированная память общества, которое сохраняет свою идентичность и передаёт её по цепочке поколений. При этом, по мнению Я. Ассмана, культурная память – это ещё и обобщающее название для некоторого «знания», которое регулирует деятельность человека (отмечу, что культурная память выполняет те же функции, что и культура как таковая: конгломерации, дифференциации, идентификации, легитимации; подробнее см. [4]). Это «знание» управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом. Оно должно постоянно (из поколения в поколение) повторяться и заучиваться. Таким образом, культурная память формируется веками, и её носителями являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции; в древних культурах эту функцию выполняли, например, жрецы [1]. Приходится признать (и я часто говорю это слушателям), что сегодня такими профессиональными носителями культурной памяти, т. е., если угодно, современными жрецами, являются представители гуманитарных наук и в первую очередь филологи, историки, культурологи (да не обидятся на меня коллеги, работающие в других областях знания).

Соответственно, в современном мире возрастает роль преподавателя (независимо от того, что, где и кому он преподаёт) и как транслятора знаний (фактор личности в этом процессе ещё никто не отменял, несмотря на все возможные и невозможные технические достижения), и как транслятора культуры. Как представляется, сегодня едва ли кто-либо будет спорить с тем очевидным фактом (очевидным для представителей многих наук), что человеческое общение было и остаётся крайне важным условием жизнедеятельности человека, ибо в коммуникации человек как представитель своего генотипического вида становится личностью, в коммуникации себя проявляет и являет миру, без коммуникации весьма затруднён, если не невозможен, сам процесс познания, и т. д., и т. п.

Что касается трансляции культуры, то она может быть, так сказать, «вертикальной», от поколения к поколению (что и составляет основное содержание процесса социализации, или процесса «врастания ребёнка в цивилизацию», по А.Н. Леонтьеву [6, с. 173–175; 5]), процесса становления личности как представителя своего национально-/этно-лингво-культурного сообщества. Но трансляция культуры может быть и «горизонтальной», и тогда она предстаёт как процесс передачи / трансляции культуры (культурных ценностей, оценок, установок и под.) «здесь и сейчас» от носителя одной культуры и лингвокультуры представителю другой. А вот это уже область преподавания языка (как языка общения и языка культуры) в иноязычной аудитории. И вот мы подошли к проблеме, которая заявлена в названии данной статьи, а именно: значение изучения

лингвокультуры для лингводидактики, для преподавания русского языка как иностранного. Что, на наш взгляд, не стоит игнорировать, но, напротив, стоит иметь в виду и учитывать при подготовке учебных материалов и в практике преподавания, даже если лингвокультурологический аспект не является предметом обучения?

Важным представляется то, что лингвокультура обладает определёнными особенностями по сравнению с собственно языковой системой. Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие данный тезис.

Во-первых. В лингвокультуре единицы вступают в такие взаимоотношения, которые могут отсутствовать в собственно языке. Так, например, прецедентные феномены и стереотипы (оязыковлённые представления, понимаемые как результат эмоционально-образного восприятия действительности) могут образовывать ряды «соположных», близких по культурной семантике, и «противоположных», противопоставленных по культурной семантике, единиц. Данные ряды можно, думается, определить (с опорой на идеи М.В. Всеволодовой, напр.: [2] как «синонимико-вариативные» и «антонимико-вариативные» (справедливости ради замечу, что сама М.В. Всеволодова и представители её научной школы используют термин «синонимико-вариативные ряды» применительно к грамматическим явлениям). Лингвокультура позволяет выстраивать ряды на основе культурного смысла эталона, например: эталон труженика – *ишак, вол, лошадь, муравей, пчела* (стереотипы), *Золушка, папа Карло* (прецедентные имена), с одной стороны, и эталонный

носитель лени – *Обломов* (прецедентное имя) и *трутень* (стереотип) – с другой. Каждый из указанных рядов предстаёт как синонимико-вариативный, при этом между собой они вступают в антонимико-вариативные отношения. Думаю, что едва ли с точки зрения традиционной (в лучшем смысле этого слова) лингвистики, изучающей собственно язык во всём многообразии его проявлений, можно было бы представить, скажем, *вола* и *Золушку* в виде синонимов, а *лошадь* и *Обломова* – как антонимы. На поле же лингвокультуры это вполне допустимо. Приведу ещё несколько примеров. Синонимико-вариативный ряд, построенный на основе эталона сыщика: *Пинкертон* (часто – со строчной буквы, поскольку имя практически полностью перешло из класса прецедентных имён в класс имён нарицательных), *Шерлок Холмс, Пуаро, мисс Марпл, комиссар Мегрэ* (прецедентные имена), а также «мерцающие» (т. е. регулярно претерпевающие актуализацию / деактуализацию (по Ю.М. Лотману [7; 8; 9]) *Глеб Жеглов, Анастасия Каменская*. Например: – *Неужели серьёзно полагаете, что сумеете вычислить убийцу? Это же игра в разбойников. Полагаю, вы не считаете себя Шерлоком Холмсом?* (Ч. Абдуллаев, Плата Харону). [*После неудачного разговора с возможным свидетелем.*] Ясно одно, что ничего не ясно. И я так осторожно оборвала сегодня тоненькую ниточку, которую смогла ухватить. Да, Сима, ты точно не мисс Марпл. Примерно в таком духе я рассуждала по дороге домой (И. Павская, «Джоконда» Мценского уезда).

Антонимико-вариативный ряд, построенный на основе противопо-

ставления эталона ума – Сократ (прецедентное имя; отсюда сократовский лоб) и эталона глупости – курица (стереотип; отсюда куриные мозги). Например:

Медсестры молчали. ... Я покосилась на компьютер.

– Может, информация в машине?

– Умные все какие стали, – вздохнула другая девица, – прямо **Сократы**.

– А уж наглые! – подхватила другая... (Д. Донцова, Вынос дела).

Дядя Сандро был прав, говоря, что все женщины, за редким исключением, **глупы как курицы** (Караван историй, 2000). – Зина мне всё объяснила! Камеры не работают, хоть и выглядят круто. ... Я подавила раздражение. Всё-таки Жозя и Дана – **безголовые курицы** [не починили камеры, когда есть опасность нападения на дом]! (Д. Донцова, Стриптиз для Жар-птицы)

Аналогичный случай: ряд, построенный на основе эталона богатства и эталона бедности: эталонный носитель богатства – **Ротиильд**, **Рокфеллер**, **Крез** (и некоторые «мерцающие», например, **Абрамович**, или авторские: «Был бы я богат, как **царь морской**», В.С. Высоцкий), с одной стороны, и, с другой стороны, эталонный носитель бедности – **церковная мышь**. Например: Бабушка сообщала, когда я просил деньги у матери, не знавшей, что отец перед уходом на работу дал мне пятёрку: «Не давай. Он с утра уже **ротиильд**». Мальчишки спрашивали, решая вопрос, кто сегодня всех ведёт в кино: «Кто сегодня **ротиильд**?» Нарциссность этого прозвания подверглась сомнению только в седьмом классе, после прочтения «Монте-Кристо», когда ясно стало, что фамилия

многострадающего графа всё-таки не **Ротиильд**, хотя он и есть чистой воды «**ротиильд**», то есть относящийся к абстрактной категории беспрекословного богатства (А. Иличевский. Перс. – [НКРЯ¹]). Прикинув в уме, что к концу лета я стану богата, как **Крез**, и смогу купить себе сапоги в комиссионке на Гарибальди, я дрогнула (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки. – [НКРЯ]). Тогда Твардовский предложил: «Анатолий Наумович, я не **Крез**, но вот вам моя сберкнижка» (В. Нузов, Т. Винокурова-Рыбакова. «Миллионы советских детей росли на книгах Рыбакова...» // «Вестник США», 2003.11.12. – [НКРЯ]). Длинная немецкая шаль госпожи Кюхельбекер волочилась по полу: в Павлове царствование она была, быть может, прилична; родитель Вальховского был **беден как церковная мышь** (Ю.Н. Тынянов. Пушкин. – [НКРЯ]).

Похожую ситуацию можно найти и среди собственно языковых единиц – лексем, рассмотренных сквозь призму лингвокультуры. Например: эталон предельно малого количества – **нитка**, **капля** (отсюда **промокнуть до нитки**, **обобрат до нитки** и **до последней капли крови**, **ни капли времени**, **ни капельки не сомневаться**, «Но Вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня ...») и эталон большого количества – **гора**, **море**, **океан** (отсюда **гора / море / океан вопросов**, **гора посуды**, **море / океан проблем**). При этом в пределах одной языковой единицы (зд.: фразеологизма) возможно сочетание двух эталонов: предельно малого и предельно большого количества – **капля в море**.

¹ Помета [НКРЯ] обозначает, что пример взят из Национального корпуса русского языка. URL: ruscorpora.ru.

Так же, отлично от собственно языковой системы, выстраивает лингвокультура синонимико- и антонимиковариативные ряды с компонентами *чёрный – тёмный – белый – светлый*. Связано это, вероятно, с культурноносными смыслами, стоящими за данными единицами и восходящими к базовой оппозиции *свет / тьма* (остановлюсь на этом очень коротко, чтобы просто обозначить, указанные различия, и отошлю к работам Вяч.Вс. Иванова, В.М. Мокиенко, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и др.). Культурная семантика единиц *тёмный / чёрный* обуславливается семантикой *тьмы*, которая не позволяет хорошо видеть, различать предметы и, соответственно, понимать, осмысливать, знать. Отсюда *тёмный человек* – человек, не обладающий знаниями, «пребывающий во тьме» (*Тёмный ты человек: ничего-то ты не знаешь*). Однако невозможность понимания ведёт к неизвестности, а последняя всегда опасна. Отсюда *тёмная личность* – человек «непонятный», а потому потенциально опасный (*Будь с ним осторожней: он тёмная личность*). Кроме того, семантика *тьмы*, связанная с идеей низа, зла и под., объясняет и появление *чёрного человека* как зловещего посланца, как определённого воплощения самой смерти (начиная с древнейших времён и до наших дней; вспомним, напр., произведения Моцарта, А.С. Пушкина, С.А. Есенина, И. Бергмана и др.). Культурная семантика *светлый / белый* предопределяется семантикой *света*, соотносимого с идеями *верха*, *Бога*, *добра*. Отсюда *светлый человек и светлая личность* – человек добрый, дружелюбный, открытый, испытывающий и

дарящий радость, чистый в помыслах и деяниях и под.; см. также в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (М., 1940; т. 4): «*Светлая личность* (книжн.) – человек безупречной общественной репутации». Похожий случай: *чёрное пятно* (на репутации; ≈ «грязное», несмываемое, позорное) – *тёмное пятно* (в биографии; ≈ что-то неизвестное: может быть период, событие и под.) – *белое пятно* (на карте; ≈ не заполненное изображением, обозначающее место, тоже по сути неизвестное) – *светлое пятно* (в истории; ≈ радостное, приятное, счастливое событие). Например: – *Мне неприятны эти воспоминания, это самое чёрное пятно в жизни*, – говорит Олег Макаров (С. Лесков. Притяжение Земли. Катастрофа «Колумбии» ставит под сомнение необходимость пилотируемой космонавтики // «Известия», 2003.02.03. – [НКРЯ]). *И если ты уж допустил жестокость, то и её надо искупить добром, надо смыть чёрное пятно с души*, – так учил мой отец (Ю. Азаров. Подозреваемый. – [НКРЯ]). *Но у Веденина было одно тёмное пятно в биографии ... и его в 24 часа уволили* (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище. – [НКРЯ]). *В настоящее время является руководителем проекта «Архипелаг» Туристического союза Аландских островов, цель которого – привлечь сюда российских туристов, открыть для них ещё одно «белое пятно» на карте соседней Финляндии, познакомить путешественников и туристов с жемчужиной Скандинавии* (Ю. Жвиташвили. Аланды – русские острова // «Петербургский Час пик», 2003.09.10. – [НКРЯ]). Единственным *светлым пятном* за сегодняшний

день обещало быть свидание с Леночкой (Н. Леонов. Лекарство от жизни. – [НКРЯ]).

Таким образом, на поле лингвокультуры *тёмный* и *чёрный* не вступают в ряд близких, схожих понятий и не противопоставляются единицам *светлый* и *белый*, а *тёмный* вдруг оказывается близок единице *белый*. Кроме того, все эти единицы могут различаться по сочетаемостным возможностям: человек может быть *тёмным*, *чёрным*, *светлым*, а личность – только *тёмной* и *светлой*. Конечно, здесь обязательно нужно учитывать семантику слов *человек* и *личность* и контекстуальное окружение *пятна*, но, будучи ограниченной жанром статьи и учитывая, что такого рода вопросы требуют отдельного большого разговора, остановлюсь на сказанном.

Во-вторых. Следует отметить, что единицы лингвокультуры, будучи таковыми, несмотря на своё воплощение в знаках языка, отличаются от собственно языковых единиц и по своему функционированию. Покажу это на одном, как представляется, весьма показательном примере – на примере имён, имеющих статус прецедентных. Дело в том, что прецедентное имя (в отличие от имени собственного) в ряде случаев проявляет определённую «индифферентность» к полу называемого / описываемого объекта. Так, лингвокультура позволяет называть женщину и *Иваном Сусаниным*, и *Кулибиным*, и *Шерлоком Холмсом*, и *Моцартом*, и т. д., если имеет место сравнение того или иного её проявления (поведения, действия, характера, способностей и проч.) с эталоном / носителем эталона. Иначе говоря, если эталонным деятелем / носителем яв-

ляется мужской персонаж (исторический, литературный, фольклорный), его имя на время «присваивается» женщине, и это не вызывает недоумений ни у кого из тех, кто понимает, о чём идёт в данном случае речь. Вместе с тем нельзя не заметить, что в использовании такого рода имён (прецедентных имён) безусловно «работают» некоторые гендерные «рамки»: скорее женщину назовут именем мужчины, нежели наоборот, т. е. скорее даму, обладающую энциклопедическими знаниями и разносторонними талантами в области наук, назовут *Ломоносовым*, нежели талантливого мужчину-математика *Софьей Ковалевской*. Интересно, что при этом упоминание какого-либо атрибута пола или самого пола по отношению к женщине возможно, но не обязательно, при апелляции же к женскому персонажу по отношению к мужчине обозначение пола последнего скорее приветствуется, нежели игнорируется, хотя это тоже возможно (см. последние два из приводимых далее примеров): *Одна мадам, сторожившая дом не хуже цепного пса, вычислила грабителя, потому что при входе в парадное он... не вытер ноги! Мегрэ в юбке оперативно обзвонила жильцов, чтобы затаились, а потом вызвала милицию (МК, 27.02.1999). Лола ощутила себя несчастной узницей, замурованной в подполье на долгие годы – что-то вроде женского варианта графа Монте-Кристо (Н. Александрова, Не все кошки серы). <...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать Айболитом Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме] (Д. Донцова, Лягушка Баскервилей). Навер-*

ное, я последний московский романтик, мечтаю о большой и чистой любви. Я – **Ассоль мужского пола**, который ждёт алых парусов (МК, 13.11.2004). Гроссмейстер Анатолий Вассерман стал одесской политической **Кассандрой** в 1985 году, когда к изумлению коллег из НИИ, вычислил, что на смену умершему Черненко к власти придёт Михаил Горбачёв (МК, 01.11.2005). Так много работы, что Вы чувствуете себя **Золушкой**? (Реклама чипсов «Чемпион», где «главным героем» является молодой человек).

Конечно, в данном случае очень многое зависит также и от собственно того представления, которое за именем стоит (от инварианта восприятия прецедентного имени). Часто некоторый фрагмент такового оказывается менее значим, чем другие, и тогда происходит его «редуцирование». Например, от представления, стоящего за прецедентным именем *Анна Каренина* ('женщина, бросившаяся под поезд', как показывает анализ корпуса примеров), в некоторых контекстах может актуализироваться только 'человек на рельсах', как в следующем случае: *Главный ужас машиниста – «анны каренины», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и ещё вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой* (АиФ, № 47, 2004).

В-третьих. Ещё одна особенность лингвокультуры, которая заслуживает, на мой взгляд, особого упоминания. Как показывают исследования, прецедентные имена могут не только употребляться по отношению к представителю противоположного пола, но и даже (хотя и редко) менять свою грамматическую категорию рода: Бу-

ратина (при описании девушки с длинным носом – см. приводимый далее пример), *Золушк*Ø (по отношению к молодому человеку, удачно женившемуся на богатой невесте; не *Золушок* (sic – !); подобное употребление встретилось мне в массовой литературе) и под. Например: – Она, между прочим, тоже собралась на вечер. – Кто? ЭТА **Буратина**? (К/ф «Не хочу жениться»).

Объяснить такую особенность данных единиц представляется несколько затруднительным с собственно грамматических, лексических, семантических и проч. позиций, т. е. если мы остаёмся на поле собственно языка. Но всё это оказывается вполне понятным и объяснимым, если мы «переведём» прецедентные имена из сферы рассмотрения собственно языка в сферу лингвокультуры, где грамматические, лексические и прочие собственно лингвистические категории оказываются частично нерелевантными или – как минимум – отходят на второй план.

Думается, что для собственно языковых единиц такие случаи едва ли представляются возможными. Даже если вслед за детьми считать, что **мух* и **синиц* – это «дяденьки» в отличие от «тётенек» *мухи* и *синицы*, всё равно весьма затруднительно утверждать, что **женщин* и **тётеньк* (им.п., ед.ч.) – мужчина (ср. **Золушк*). Справедливости ради, однако, не могу не сказать, что были отмечены случаи такого «нетрадиционного» словоупотребления, напр.: фотография годовалого мальчика Миши в газете была снабжена надписью «*Бабочк!*» (МК, 20.03.2007), хотя в данном случае, вероятно, имело место подражание только что упомянутому «детскому» языку. В целом такие употребления, если они

встречаются, обязательно оказываются стилистически маркированы в силу особой эмотивности (ср. название фильма «Усатый нянь»).

В заключение отмечу, что определённые – и важные – различия между единицами языка и единицами лингвокультуры, хотя и зафиксированы в

научной литературе, ещё только ждут своего исследователя. И изучаться они должны не только с точки зрения лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии т. д., но и с позиций лингводидактики, с точки зрения теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Издательство Московского университета, 2000. 501 с.
3. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.
4. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М.: Издательство Московского университета, 1972. 576 с.
7. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александр, 1992. Т. 1. С. 200–202.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Учёные записки Тартуского государственного университета. 1971. № V. Вып. 284. С. 147.
9. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) [Электронный ресурс] // Ruthenia.Ru : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (дата обращения: 02.03.2015).
10. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

REFERENCES

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high ancient cultures]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ, 2004. 368 p.
2. Vsevolodova M.V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [The theory of functional-communicative syntax]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 501 p.
3. Krasnykh V.V. [Linguistic culture as an object of the cognitive research]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2013, no. 2, pp. 7–18.

4. Krasnykh V.V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury: Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculturology: the Foundations of psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. 496 p.
5. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p.
6. Leont'ev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Personality development problems]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 576 p.
7. Lotman Yu.M. [Memory in culturological lighting]. In: *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallinn, Aleksandra, 1992. Vol. 1. pp 200–202.
8. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. [On the semiotic mechanism of culture]. In: *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. Scientific notes of the Tartu State University], 1971, no. V, iss. 284, pp. 147.
9. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. [The role of dual models in dynamics of the Russian culture (to the end of 18th century)]. In: *Ruthenia.Ru*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (accessed: 02.03.2015).
10. Teliya V.N. [Afterword. Purpose, goals and objectives of the phraseological dictionary of a new type]. In: *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [The big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural studies review]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. pp. 776–782.
11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: victoryvk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Krasnykh – Doctor in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of General Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: victoryvk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красных В.В. Значение изучения лингвокультуры для теории и практики преподавания русского языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 46-55
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55

FOR CITATION

Krasnykh V.V. The importance of studying linguoculture for theory and practice of teaching Russian as a foreign language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 46-55
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55

УДК 8.81'373.45.811/811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСВОЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ 1830–1850-Х ГГ. В ИСТОРИИ НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Мугумова А.Л.

*Дагестанский государственный педагогический университет
367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье, помимо рассмотрения общетеоретических аспектов исследования, отмечается базовый характер периода 1830–1850-х гг. в истории русского литературного языка начала XIX в. – 1917–1918 гг. как эпохи формирования его норм. Западноевропейские лексические усвоения этого времени относятся к первой волне лексических заимствований. Она заканчивается в середине XIX века, когда многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребительными. Прямым последствием их окончательного усвоения становятся новые словообразовательные ряды с заимствованными западноевропейскими суффиксами.

Ключевые слова: русский литературный язык, 1830–1850 гг., западноевропейские усвоения.

LEXICAL AND WORD-FORMATION BORROWINGS FROM THE WESTERN EUROPEAN LANGUAGES IN 1830-1850S IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE NORM

L. Mugumova

*Dagestan State Pedagogical University
57, M. Yaragского st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation*

Abstract. Besides consideration of general theoretical aspects of a research, the article noted the basic character of the period of the 1830-1850s in the history of the Russian literary language of the beginning of the 19th century – 1917-1918s as an era of the formation of its norms. The Western European lexical assimilations of this time belong to the first wave of lexical borrowings. It comes to an end in the middle of the 19th century when many foreign words become widely and constantly common. New word-formation ranks with the borrowed Western European suffixes become a direct consequence of their final assimilation.

Key words: Russian literary language, 1830–1850s, Western European borrowings.

Анализируемый вопрос ещё не становился предметом специального рассмотрения в условиях, когда нормированность является важнейшим признаком литературного языка. Она манифестируется как в письменной, так и в устной речи.

© CC BY Мугумова А.Л., 2018.

Понимание нормы в русистике последних десятилетий развивалось и претерпело определённые изменения. Показательны в данном отношении те новации, которые отразились в программах МГУ по данной научной дисциплине. Так, в 1986 г. [7, с. 27], норма рассматривается как реализация представлений носителя языка о правильной речи, но основой литературного языка считается книжная норма, которая связана с обучением и формальным её усвоением.

В развитие её положений в программе 2007 г. [10, с. 222] указывается на специфику книжной нормы, что обусловлено её связью с письменностью, с литературно-языковыми традициями, образованием. При этом имеет место «зависимость эволюции книжного языка от изменения взглядов носителей языка на языковую правильность». Он также указывает на «связь истории письменного языка с историей культуры и социальной историей языкового коллектива».

При этом автор последней программы В.М. Живов [10, с. 238, 240] связывает в целом период с начала XIX в. и до 1917–1918 гг. со стабилизацией норм современного русского литературного языка и говорит о функционировании в эту эпоху русского литературного языка в рамках стабильной нормы. В его пределах, как он полагает, представляется возможным выделить три подпериода. Первый из них – пушкинский (начало XIX в. – 30-е гг. XIX в.), ибо А.С. Пушкин является, как известно, создателем норм современного русского литературного языка. Вместе с тем другие исследователи (Д.Д. Благой, В.В. Томашевский, А.В. Гулыга и др.) считали, что нормы русского литера-

турного языка складываются в XVIII–начале XIX в. Так, по мнению А.В. Гулыги, их создал Карамзин.

Как следствие, ещё сравнительно недавно сторонники этой точки зрения утверждали, что «до первой трети XIX в.» «окончательно сложился новый тип литературного языка, свидетельствовавший о завершении образования национального языка» [14, с. 76]. Однако при этом не принимается во внимание, что ещё до этого В.В. Виноградов указывал, что «язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова» [2, с. 52].

В настоящее время практически окончательно сложилось мнение, что русский национальный литературный язык в главнейших своих чертах сформировался к концу 30-х гг. XIX в. и убедительно воплотился в творчестве А.С. Пушкина. Причём в нём не только обобщён богатейший опыт развития русской словесности с конца Средневековья, но и намечены, как указывал В.В. Виноградов, «во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи» [3, с. 250, 294].

Вместе с тем в этот период культурное развитие русского общества столкнулось с парадоксом, когда, с одной стороны, поэтический язык, достигнув высочайшего совершенства в творчестве самого А.С. Пушкина, свидетельствовал о невиданных успехах национальной словесности первой трети XIX в. А с другой стороны, собственно литературный язык, развивая возможности для прогресса национальной культуры, проявлял очевидное отставание, что не могло не

беспокоить А.С. Пушкина, которому представлялось даже, что «прекрасный язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро клонится к падению» [8, с. 77].

И именно во второй подпериод (1830–1850 гг.), как отмечают другие авторы [9, с. 236], имеет место стабилизация норм русского литературного языка, кодификация которых была осуществлена в трудах Н.И. Греча и А.Х. Востокова. О том же, в принципе (нормализации нового литературного узуса, сформировавшегося благодаря А.С. Пушкину), пишет и А.И. Камчатнов [4, с. 16], который указывает на то, что в этот подпериод «развиваются функциональные стили русского литературного языка, славянский язык окончательно оттесняется в сферу культа».

В третий подпериод (вторая половина XIX–начало XX вв.) продолжается развитие русского литературного языка в рамках стабильной нормы. Однако его рассмотрение требует учёта особенностей развития русского литературного языка в предшествующий подпериод (см. выше).

В принципе, основу вышеприведённого членения истории русского литературного языка заложил в своих трудах основоположник данной научной дисциплины – В.В. Виноградов. Одной из главных из них была работа 1978 г. «Основные этапы истории русского языка» [2, с. 10–13]. В отношении рассматриваемого подпериода он отметил, что к 30–40-м гг. в силу утраты престижа господствовавшей во второй половине XVIII–начале XIX в. аристократической культурой литературного языка возникают новые нормы более демократического характера. Проза приоб-

ретаёт ведущую роль, вытесняя стихи. В ней выдвигаются на первый план стили, связанные с газетно-журнальной и публицистической речью. Несмотря на известные противоречия, в 30–50-х гг. обозначились и следующие общие тенденции в развитии русского литературного языка, его нормы: 1) ограничение славяно-русской языковой культуры в её отношении к литературной норме; 2) под влиянием творчества Пушкина усиливается её сближение с живой разговорной речью; 3) в русле этой тенденции обостряется проблема значения, функций и использования в литературном языке областных слов – диалектизмов, присущих крестьянской речи; 4) расширяется литературное употребление лексических форм и выражений, присущих разным профессиональным диалектам и жаргонам города и деревни.

Обращаясь непосредственно к проблеме, рассматриваемой в данной публикации, и говоря о лексических заимствованиях, следует иметь в виду, что, как традиционно полагают [см. 7, с. 12], периодами наиболее интенсивного проникновения заимствований в русский язык являются:

1. XII–XIV вв. – наплыв тюркизмов (восточных заимствований) в период татаро-монгольского нашествия и ига;

2. XVII в. – приток полонизмов и латинизмов в эпоху воссоединения восточнославянских народов в едином государстве;

3. XVIII–XIX вв. – западноевропейские заимствования и варваризмы периода интенсификации культурных и экономических связей с народами Западной Европы, что определяется особенностями языковой ситуации того или иного периода.

Вместе с тем следует отметить, что изучение лексических заимствований в истории того или иного литературного языка предполагает их анализ в отношении к норме как его конститутивной основе и не только лексической, но и в определённой степени грамматической. Не случайно ещё Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов считали возможным выявлять норму литературного языка какого-либо периода в его развитии путём анализа текстов художественных произведений выдающихся писателей той или иной эпохи [5, с. 14].

Вместе с тем содержание термина «язык художественной литературы» шире соотносящегося с ним понятия «литературный язык», ибо в силу неправомерности отождествления понятий история литературного языка и история языка литературы, первое может рассматриваться как «история нормы», а второе как «история отклонений от нормы» [7, с. 27]. В силу этого не все соответствующие, в том числе лексические, факты, нашедшие отражение в творчестве того или иного писателя, немедленно становятся достоянием литературного стандарта. Эти взаимоотношения являются диахронически изменчивыми и преемственными и изучаются в рамках того или иного периода истории литературного языка как цельной системы, включающей различные уровни его системы, в т. ч. лексику. Кроме того, усвоение большого количества лексики с единообразными словообразовательными формантами (см. в последующем изложении) способствует вхождению последних в заимствующий язык, в нашем случае русский, в котором они образуют новые словообразовательные

ряды с заимствованными суффиксами.

Таким образом, как было показано в предшествующем изложении, (под) период истории русского литературного языка 1830–1850-х гг., когда имело место его развитие в рамках стабильной нормы, в т. ч. лексической, может рассматриваться как базовый по отношению к истории русского литературного языка XIX–начала XX вв.

1. Лексическая норма и заимствования

Положение о верифицирующей (нормативной) роли словарей, прежде всего толковых, и исторической изменчивости самой нормы нашло своё отражение в работах Р.А. Будагова [1, с. 144], который указывал: «Словари прямо связаны с выработкой литературной нормы в каждую эпоху – нормы, имеющей общенациональное значение». Как отмечала А.А. Брагина в приложении «Краткая справка о словарях русского языка» к работе Р.А. Будагова [1, с. 149–150], лексическая норма отражается не в словаре-тезаурусе, каковым является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, а «словаре нормативном, который включает лексику литературного языка и предписывает определённую норму употребления слова». К подобным словарям (если иметь в виду рассматриваемую первую половину XIX века) относится академический «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым (словесным) отделением Академии наук» в 1847 г. и содержащий 114749 слов [1, с. 144, 149].

Следовательно, только отражение того или иного, включая заимствованные, слова в академических словарях, каковым для этого времени был «Словарь церковнославянского и русского

языка», подготовленный по состоянию на 1841 г., следует считать признанием его нормативного характера, вхождения в систему литературного языка. Подтверждением этого является мнение Ю.С. Сорокина [11, с. 61], согласно которому свидетельством, например, «укоренения в языке» слова *факт* является то, что «оно было помещено в “Словаре церковно-славянского и русского языка” 1847 года». Он полагал, что «время первого употребления слова отдельными авторами и в специальных целях ещё не является достаточным признаком вхождения слова в язык, в его лексическую систему. Также не служит достаточным указанием на время истинного заимствования слова и его фиксация в справочных изданиях, например, в словарях иностранных слов, энциклопедических, переводных и т. п. Такое слово мы скорее можем назвать иностранным словом, чем собственно заимствованным» [11, с. 62].

2. О лексических усвоениях из западноевропейских языков

В заимствованной лексике русского, как и любого другого языка, выделяются два основных пласта – (западно)европейский и восточный (ориентальный). Первый из них был определяющим в составе заимствованного лексического фонда русского языка. Так, обогащение лексического состава русского литературного языка заимствованиями из (западно)европейских языков наблюдается в связи с развитием научно-философской и журналистско-публицистической терминологии. При этом следует иметь в виду, что именно в лексической системе в 30–40-е гг. XIX в. имеет место первая сильная волна лексических заимствований, начавшаяся во второй

половине 30-х гг., которая последовательно нарастает к середине века до 1860–1870 гг., когда наблюдается их новая активизация. Тогда же в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, которые окончательно закрепились в русском литературном языке.

В рамках рассматриваемого периода ещё продолжалась, но менее интенсивно борьба карамзинистов и шишковистов. Итог этой борьбы очень чётко подводит Ю.С. Сорокин [11, с. 51–52] в своей монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в.»: «...Господствующей оставалась точка зрения пуризма. Теоретические позиции Шишкова были подвергнуты остроумной критике, были отмечены их наиболее уязвимые пункты, крайности и нелепости, но в целом эти позиции не были окончательно расшатаны, опровергнуты. Круг сторонников Шишкова был ещё широким, а его влияние сильным».

Последователи А.С. Шишкова, выступавшие с критикой языка произведений В.Г. Белинского и А.И. Герцена, обострили полемику в связи с введением иностранных слов в журналистику 30–40-х гг. Однако решающее слово в этой полемике было сказано В.Г. Белинским, который защищал лексические заимствования, обосновывая их появление номинацией новых понятий и идей, вскрывая идеологические корни устаревших пуристических взглядов. Причём в период 30–40-х гг. XIX в., к которому относится первая сильная волна лексических заимствований из западноевропейских языков, многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребитель-

ными. К их числу относится довольно обширный ряд заимствованных слов, первоначально тесно связанных с кругом философских понятий, а затем ставших достоянием книжного языка: *абсолютный, доктрина, догматизм, дуализм, идеализм, критицизм, объект и объективный, рациональный и рационализм, реальный и реализм, синтез, эклектик и эклектизм, эмпирик и эмпиризм, энциклопедист и энциклопедизм* и др. [11, с. 66, 68, 69].

Ю.С. Сорокин [11, с. 85] указывает и на другую, ещё более обширную группу заимствований, связанных с выражением различных общественных отношений, классов, социальных групп и направлений: *автономия, активный и пассивный, ассоциация, буржуазный, гуманный, дебаты, индустрия и индустриальный, конкуренция, культура, новатор, оппозиция, организовать (организовать), популярный, пресса, пролетарий и пролетариат, пропаганда, реабилитация, реакция, реформа, рутина, социальный, социализм и коммунизм, тенденция, утилитарный, цивилизация*.

Относительно небольшими в сравнении с вышеприведёнными группами оказались группы названий: предметно-бытовой номенклатуры (*абажур, блондин, бульдог, бутерброд, веранда, винегрет, витрина, декольте, клумба, комфорт, корсаж, крем, макинтош, мансарда, муар, одеколон, пальто, пахитоса (папироса), пеньюар, плед, плюш, портьера, раут, фат, флакон, шатен, экран*); технических терминов, укоренившихся тогда же и связанных с железнодорожным транспортом (*вагон, локомотив, рельс, шпала*), а также *аппарат, вентиль, цистерна* и др.); экономических и финансовых терми-

нов – *бюджет, брак, гарантия, рента, фермер* и др., медицинских – *малярия, маньяк, идиот* и т. д. [11, с. 138–139].

3. Новые словообразовательные ряды с заимствованными западноевропейскими суффиксами

Известно, что проникновение иноязычных словообразовательных аффиксов бывает связано с накоплением в языке большого количества слов, образованных по однотипной модели вместе со словами, от которых они образованы. С ними они оказываются связанными словообразовательными отношениями [13].

Как отмечает в связи с рассматриваемой эпохой Ю.С. Сорокин [11, с. 247], «прямым последствием широкого притока заимствованных слов в русский литературный язык» в этот и последующий подпериоды «было формирование новых словообразовательных рядов» Это происходило, на его взгляд, в условиях колебания грамматической нормы.

Он же [см. 11, с. 246–247, 250–252, 254, 259–260, 263] обратил внимание на то, что в рассматриваемый подпериод «бурно развивавшимися новыми словообразовательными разрядами явились классы существительных с суфф. *-изм* и *-ист*, часто составляющими соотносительные по значению пары». Они обозначают «различные направления в общественной жизни, политике, культуре, науке, искусстве, литературе и т. д. (существительные на *-изм*) и – соответственно – последователей и сторонников этих направлений (существительные на *-ист*)». Господствующими членами в этих парах признаются слова с суффиксом *-изм*. Некоторые из них «имеют теперь лишь значение определённого свойства, склонности к

чему-либо, а соотносимые с ними существительные на *-ист* в таких случаях обозначают носителя этих свойств и склонностей (*авантюризм, карьеризм, морализм, оптимизм, пессимизм, эгоизм*). Были известны, как отмечал Ю.С. Сорокин, и существительные на *-изм*-, не соотносящиеся с существительными на *-ист*, как, например, *либерализм, радикализм, клерикализм, классицизм, романтизм* и др. (ср., как и сейчас, *либерал, радикал, классик, романтик* и др.). Существительные с этими суффиксами были присущи русскому языку и в XVIII в. – около 35 слов. В дальнейшем в академическом словаре 1847 г. фиксируется уже более 60 слов с суффиксами *-изм* и *-ист*. Причём на протяжении всего XVIII в. и в начале следующего века соотносительность существительных на *-изм* и *-ист* ещё слабо выражена, и почти полностью отсутствовали существительные с этими суффиксами, образованные на русской почве и от русских слов, за исключением слова *гуслист*. Приток существительных с этими суффиксами усиливается с конца XVIII в. и постепенно нарастает в первые три десятилетия XIX в., в 50–70-е гг. круг подобных существительных продолжает расти. Таким образом, начало распространения существительных с этими суффиксами падает на последние десятилетия XVIII в., последовательно нарастая на протяжении века.

К числу наиболее известных образований с названными суффиксами Ю.С. Сорокин [см. 11, с. 264] относит слово *декабрист*, употребление которого установилось не ранее 40-х гг., и *царизм* – в 80-х гг. в кругах русской революционной эмиграции. При этом образование от русских основ с дан-

ными суффиксами не выходит, по его мнению, за пределы чисто окказионального словообразования.

Последнее положение подтверждается и тем, что из трёх существительных с суффиксом *-ист*, отмеченных ещё в древнерусскую эпоху как заимствования из греческого (*евангелист, конархист (канонархист)* «читающий каноны», *навлиянист* «последователь Павла Самосатского» [12, т. 1; с. 416, 647; 12, т. 2, с. 445]), в русской художественной литературе рассматриваемого времени отразилось только одно – *евангелист* в повести Н.А. Полевого «Живописец» (1833) [6].

Кроме того, особое распространение, как отмечает Ю.С. Сорокин [см. 11, с. 264–266], получили в это время заимствованные существительные с суффиксом *-ёр* французского происхождения, а также с суффиксами *-ер* (из нем. и англ.), *-ионер* (из франц.), также *-атор* при том, что образований от русских основ среди этих существительных нет. Чрезвычайно обширным был в это время и круг заимствованных существительных с суффиксом отвлечённого значения *-ация (-изация)*, соотносительным с суффиксом *-ировать (-изировать)* в глагольном словообразовании. Он же указывает на особое место разряда существительных с суффиксом *-истика*, который употреблялся также «с рядом слов, несомненно образованных в это время на русской почве, в том числе и от русских основ». Репрезентатами первых являются такие окказиональные образования, как *фразистика, ерундистика*, вторых – *шагистика, зубристика* и др.

В заключение следует отметить, что процессы заимствования, сложившиеся в русском литературном

языке на протяжении всего XIX в., включают ряд явлений, в которых отчётливо видны новые тенденции развития лексической системы, которые определились в полной мере лишь в послесоветское время. Но на характер их развития в предшествующий рассматриваемому (пушкинский) и в последующий (данный) подпериоды развития русского литературного языка повлияло и то, что он имел место в эпоху стабилизации его норм (1830–

1850 гг.), когда ещё периодически обострялась полемика по проблеме заимствований. Последующий развивался в рамках стабильной, в т. ч. лексической, нормы. Причём, как было показано в предшествующем изложении, и в рассматриваемое время расширяется освоение западноевропейских морфем различного, в т. ч. латинского и греческого, происхождения, которые развились на русской почве большую словообразовательную активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1989. 152 с.
2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 10–64.
3. Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.
4. Камчатнов А.И. История русского литературного языка (XI–первая половина XIX вв.). М.: Academia, 2005. 681 с.
5. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.02.2018).
7. Программа дисциплины «История русского языка» для государственных университетов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1986. 41 с.
8. Пушкин А.С. Из письма в Российскую Академию // Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л.: Советский писатель, 1954. С. 68–77.
9. Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка Московского государственного университета. М.: Издательство Московского государственного университета, 1997. 536 с.
10. Русский язык и его история : Программы кафедры русского языка Московского государственного университета. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство Московского государственного университета, 2007. 744 с.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1912. Тт. 1–3.
13. Хамраев Б.Д., Попова А.А. Вопросы заимствования морфем в русском языке [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2016. № 10. С. 1503–1504 URL: <https://moluch.ru/archive/114/29530/> (дата обращения: 24.02.2018).
14. Чепель В.С. Субстантивное склонение русского языка на различных этапах исторического развития // Филологические науки. 1986. № 1. С. 68–79.

REFERENCES

1. Budagov R.A. *Tolkovye slovari v natsional'noi kul'ture narodov* [Explanatory dictionaries in the national peoples' culture]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 152 p.
2. Vinogradov V.V. [The main stages of the history of the Russian language]. In: *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. The history of the Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1978. pp. 10–64.
3. Vinogradov V.V. *Ocherki istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17–19th centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 529 p.
4. Kamchatnov A.I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–pervaya polovina XIX vv.)* [The history of the Russian literary language (11th - first half of 19th centuries)]. Moscow, Academia Publ., 2005. 681 p.
5. Kovalevskaya E.G. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The history of the Russian literary language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992. 303 p.
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 24.02.2018).
7. *Programma distsipliny "Istoriya russkogo yazyka" dlya gosudarstvennykh universitetov* [Program of the discipline "The history of the Russian language" for public universities]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 41 p.
8. Pushkin A.S. [From a letter to the Russian Academy]. In: *Russkie pisateli o yazyke (XVIII–XX vv.)* [Russian writers on the language (18–20th centuries)]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1954. pp. 68–77.
9. *Russkii yazyk i ego istoriya*. Programmy kafedry russkogo yazyka Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian language and its history. Programs of the Russian language Department of Moscow State University]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1997. 536 p.
10. *Russkii yazyk i ego istoriya : Programmy kafedry russkogo yazyka Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Russian language and its history : Programs of the Department of Russian language at Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Publ., 2007. 744 p.
11. Sorokin Yu.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gg. XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–90s]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
12. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovara drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the old Russian language according to written monuments]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1893–1912. Vol. 1–3.
13. Khamraev B.D., Popova A.A. [The issues of borrowing of morphemes in the Russian language]. In: *MoloDOI: uchenyi* [A young scientist]. 2016. № 10. pp. 1503–1505. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/29530/> (accessed: 24.02.2018).
14. Chepel' V.S. [The substantial decline of the Russian language at different stages of historical development]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1986, no. 1, pp. 68–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета,
e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna L. Mugumova – PhD in Philological science, associate professor at the Department of Theory and History of Russian language, Dagestan State Pedagogical University; e-mail: garun48@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мугумова А.Л. Лексические и словообразовательные усвоения из западноевропейских языков 1830–1850-х гг. в истории нормы русского литературного языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 56-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65

FOR CITATION

Mugumova A.L. Lexical and word-formation borrowings from the Western European languages in 1830-1850s in the history of the Russian literary language norm. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 56-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65

УДК 611.161.1'373+811.163.42'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-66-76

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ И ХОРВАТСКОЙ РЕКЛАМЕ

Радченко М.В., Грцич А.*Задарский университет**23000, г. Задар, улица Миховила Павлиновича, д. 1, Республика Хорватия*

Аннотация. В статье рассматриваются окказиональные слова, встречающиеся в рекламных текстах на русском и хорватском языках. Окказионализмы, как правило, создаются для одноразового употребления в определённом контексте и отличаются ярко выраженной экспрессивностью и стилистической окрашенностью. Анализируются особенности структуры и семантики окказиональных новообразований, которые в обоих языках могут создаваться как узуальными (с теми или иными отступлениями от деривационной нормы), так и неузуальными способами. Выявляются наиболее продуктивные способы образования окказионализмов в двух родственных славянских языках. Анализ языкового материала показывает, что наиболее продуктивным узуальным способом образования окказионализмов является суффиксация, а среди неузуальных способов следует выделить контаминацию и графодеривацию.

Ключевые слова: язык рекламы, окказионализм, словообразование, русский язык, хорватский язык.

OCCASIONALISMS IN RUSSIAN AND CROATIAN ADVERTISEMENTS

M. Radchenko, A. Grtsich*University of Zadar**1, Mihovila Pavlinovicha st., Zadar, 23000, Republic of Croatia*

Abstract. The article analyses occasionalisms used in advertising texts in the Russian and Croatian languages. Occasionalisms are expressive, stylistically coloured new formations, which, as a rule, are created for single usage in a specific context. The author studies the peculiarities of structure and semantics of occasional new formations which in both languages may be derived using existing ways (with more or fewer deviations from the standard norm of word forming) or by unusual formative models. The most productive ways by which these occasional words are formed in this two related Slavic languages are determined. The analysis of linguistic material shows that the most productive standard way of forming occasionalisms is suffixation, and among the unusual formative models, it is necessary to mention contamination and grapho-derivation.

Key words: language of advertising, occasionalism, word formation, Russian language, Croatian language.

Окказионализмами называются специально создаваемые автором для определённого контекста слова, обладающие повышенной выразительностью

© CC BY Радченко М.В., Грцич А., 2018.

на фоне узуальных лексем. По мнению лингвистов, окказиональные слова отличаются принадлежностью к речи, творимостью, словообразовательной производностью, функциональной одноразовостью, зависимостью от контекста, экспрессивностью, номинативной факультативностью, «одномоментностью» существования, индивидуальной принадлежностью и ненормативностью (окказиональное слово нарушает лексическую, а часто и словообразовательную норму) [3, с. 11–35]. Создание окказиональных новообразований представляет собой одну из самых распространённых разновидностей словообразовательной игры: «Появление окказионализма – творческий процесс. Автор, создавая некий образ, стремится выразить его как можно более ярко и ёмко, включаясь в языковую игру. При этом он осознаёт новизну и необычность слова. Игра со словом становится ещё более увлекательной, когда и собеседник понимает это и принимает правила игры, поддерживая её» [8, с. 16–17].

В языке рекламы окказионализмы создаются для конкретной ситуации с целью воздействия на адресата, т. е. привлечения внимания потенциального потребителя к объекту рекламирования. Исследователи отмечают, что практически все новообразованные слова, появляющиеся в рекламном дискурсе, могут рассматриваться как окказиональные, так как они «действительно создаются по случаю и являются единичными, случайными и не теряют своей новизны даже с ходом времени» [2, с. 204].

Материалом для данного исследования послужили рекламные тексты на русском и хорватском языках, опубли-

кованные в печатных источниках (газетах, журналах, рекламных каталогах) и в электронных СМИ, а также наружная реклама (вывески, афиши, названия предприятий сферы услуг и под.). Анализ 55 русских и 48 хорватских окказионализмов показывает, что в обоих языках создание новых слов в рекламном дискурсе может осуществляться как узуальными, так и неузуальными способами.

Среди узуальных способов образования окказионализмов, используемых в языке рекламы, наиболее распространёнными являются аффиксация и словосложение.

Широко представлены в рекламных текстах новообразования, созданные путём присоединения к производящей основе суффикса. Следует отметить использование экспрессивных словообразовательных средств, например, суффиксов субъективной оценки, а также функционально закреплённых словообразовательных моделей. Так, в названиях тарифов телекоммуникационной компании МТС «*Smart Безлимитище*» и «*Smart Забугорище*» появляются окказионализмы, образованные при помощи суффикса с увеличительным значением *-ищ(e)*. Новообразования с данным размерно-оценочным суффиксом созданы с целью оказать психологическое воздействие на потенциального потребителя, заставить его поверить в «грандиозность» предлагаемой услуги. Окказионализм *gotovinac* образован на основе словосочетания *gotovinski kredit* ('кредит наличными') путём универбации – словообразовательной модели, характерной для разговорной речи и жаргона, ср: *Oblikuj svoj gotovinac! Smanji, rastegni, zamrzni*

ili fiksiraj gotovinski kredit u najbližoj poslovnici Podravske banke.

В рекламных текстах нередко встречаются окказиональные глаголы, мотивированные узуальными существительными, например: *фруктануть* – ‘выпить фруктовый сок’; *bankariti* – ‘пользоваться услугами банка’. Ср.: **Фруктанём** на всю катушку! (реклама соков и напитков фирмы «Яблочкин»); *A s kim Vi bankarite?* (слоган банка “Erste banka”). Окказиональные глаголы, мотивированные именем рекламируемого продукта, используются в рекламном тексте, как правило, в форме повелительного наклонения, побуждая адресата к приобретению данного продукта: **Студенизируйте se** из студена функционалне vode! (реклама воды “Studena”).

Как в российской, так и в хорватской рекламе новые слова нередко образуются с использованием иноязычных элементов. Обращает на себя внимание ряд неолексем с интернациональными аффиксами и аффиксоидами. Особенно активны при образовании окказионализмов в рекламных текстах префиксы с размерно-оценочной семантикой *мега-/mega-* и *супер-/super-*, которые указывают на интенсивность, высокую степень качества, признака, особую значимость, масштабность предмета или явления: **Заказывайте меганпредложение** из меню ресторана *Resident* с доставкой на дом и в офис в городе Санкт-Петербург!; *Osvoji novi megavrijedni* VW Golf Sportsvan (слоган промо-акции с розыгрышем призов); *Lidlova supersubota!* (реклама скидок по субботам в супермаркете “Lidl”); **Стань суперплательщиком!** (слоган рекламной кампании в поддержку партнёрства банка ВТБ 24 и сервиса

Samsung.Pay, обеспечивающего оплату покупок с помощью мобильного телефона); **Суперменю для супертебя** (реклама ресторанов «Планета суши») – окказионализм *супертебя* является частично стандартным новообразованием, созданным с отклонением от словообразовательного типа, так как приставка *супер-* традиционно присоединяется к именам существительным и прилагательным, а не к местоимениям.

Продуктивно в языке рекламы образование слов при помощи аффиксоидов – компонентов сложных слов, повторяющихся с одним и тем же значением в составе ряда лексем и приближающихся по своей словообразовательной функции к аффиксам (суффиксам или префиксам). Как отмечают исследователи, аффиксоиды занимают промежуточное положение между аффиксальными и корневыми морфемами, представляя собой «бывшие корневые морфемы, синкретические по месту и роли в слове, которые утратили свою мотивационную роль в семантике слова и получили признаки служебных морфем» [10, с. 356]. В рекламном дискурсе частотны окказионализмы с аффиксоидом *-маниј(a)/-manij(a)*, обозначающим страстное увлечение чем-либо, пристрастие к чему-либо: **Туромания** (название туристического агентства); *Planet obuća poziva vas na šizomaniju!* (реклама скидок в магазине обуви “Planet obuća”) – окказионализм *šizomanija* мотивирован жаргонизмом, образованным от английского *shoes* (‘ботинки’).

В рекламных текстах на русском и хорватском языках встречаются сложные окказионализмы, образованные как путём чистого сложения, ср.: **Це-**

нопомешательство! Специальные условия при покупке Mazda 6, CX-7, CX-9 и BT-50! (девиз специальных цен на автомобили у официальных дилеров); так и сложением в сочетании с суффиксацией, ср.: *Dragi Štrumpfoljupci, iz Leda stiže novo sladoležno iznenađenje plave boje, omiljene boje vaših crtanih likova Štrumpfova!* (реклама мороженого фирмы “Ledo”, выпускаемого в форме смурфов – фантастических существ, героев популярного мультфильма). В качестве первого компонента сложения используется основа существительного *štrumpf* (‘смурф’), а в качестве второго компонента – основа глагола *ljubiti* (в значении ‘любить’) с присоединением к новообразованию суффикса *-ac*, обозначающего лицо.

Одним из наиболее распространённых неузальных способов образования новых слов в рекламе является контаминация, которая подразумевает «взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [9, с. 189]. Контаминированные новообразования отличаются фузионностью: исходные компоненты окказионализма «не свинчены, а сплавлены» [4, с. 216], что нетипично для слов, образованных в соответствии с узальными словообразовательными моделями. Образование контаминаций в большинстве случаев сопровождается наложением звуков или сочетаний звуков, совпадающих в контаминируемых словах. Для контаминаций характерно также неморфемное усечение исходных лексем,

что отличает их от новообразований, созданных путём словосложения, т. е. в результате морфологического соединения двух или нескольких корней или основ исходных слов. Необходимо отметить, что исходные языковые единицы, на основе которых создаётся контаминированное новообразование, объединяются в единое целое «на основе их равноправного участия в формировании звуковой оболочки и значения гибрида» [1, с. 17]. Контаминации используются в рекламе с целью привлечь внимание потребителя, а также придать рекламному тексту дополнительный смысл. При этом очень важно, чтобы значение нового слова было «прозрачным», оно должно быть понятно и доступно всем потребителям [2, с. 216].

Наиболее многочисленную группу в обоих языках представляют неолексемы, созданные путём соединения основы первого слова с усечённой финальной частью второго слова, что, как правило, сопровождается наложением совпадающих компонентов: **Свежекрёсток** *Перекрёток!* (реклама супермаркета «Перекрёсток») [*свежий* + *Перекресток* = *свежекресток*]; **Мартюнь** – 100 дней без % по кредитной карте (реклама беспроцентного кредитования, предоставляемого банком «Альфа-Банк» в период с марта по июнь) [*март* + *июнь* = *мартюнь*]; **Krašotice** – *kolačići punjeni kremom od lješnjaka* (реклама печенья, выпускаемого кондитерской фабрикой “Kraš”) [*Kraš* + *krasotica* (‘красотка’) = *Krašotica*]; **NOGOMETASTIČNA PONUDA** (реклама скидок в супермаркете “Plodine” в период проведения чемпионата мира по футболу в 2014 г.) [*nogomet* (‘футбол’) + *fantastična*

(‘фантастическая, сказочная’) = *nogo-metastična*] и под.

Для обоих языков характерны также контаминации, при образовании которых происходит соединение усечённых частей обоих исходных слов с наложением омонимичных сегментов: *Жизнь стала ТОШИБИСЬ!* (реклама видео- и аудиотехники, выпускаемой компанией “Toshiba”) [*Тошиба* (транслитерированное название японской компании) + *зашибись* = *ТОШИБИСЬ*]; *ROMANTIGICE* (название набора спичек в подарочной упаковке в форме сердца) [*romantičan* (‘романтичный’) + *žigice* (‘спички’) = *romantigice*] и под.

В качестве одного из контаминируемых слов может выступать узуальная лексема в составе прецедентного текста или какого-либо устойчивого выражения, например: *Мировая квасика!* (реклама кваса «Очаковский») [*мировая классика* + *квас* = *мировая квасика*]; *Nagradni program Zlatna RBICA. Vaša kuna vrijedi više!* (название акции для клиентов банка “Raiffeisenbank”) [*Zlatna ribica* (‘золотая рыбка’) + *RBA* (< Raiffeisenbank) = *Zlatna RBICA*] и под.

В рекламных текстах широко распространены новообразования, созданные путём графодеривации – окказионального способа образования слов, в основе которого лежит модификация графической формы слова при помощи разного рода графических выделений, знаков препинания, букв других алфавитов и под. В соответствии с классификацией, предложенной Т.В. Поповой [5, с. 125], выделяются различные типы графодеривации: монографикация (образование новых слов при помощи графических средств одного языка), полиграфикация (создание новообразований с

использованием графических средств разных языков), кодографикация (образование графодериватов с помощью средств разных кодовых систем). Внутри каждого типа графодеривации можно выделить несколько его разновидностей на основании используемого словообразовательного средства. Так, в рамках монографикации выделяют капитализацию (неузualmente чередование строчных и прописных букв), дефисацию (разбиение слова дефисами на части или слоги с изменением значения или приданием слову дополнительного значения), кво-тацию (постановку сегмента слова в кавычки), слешинг (отделение части слова при помощи наклонной черты) и др. Использование разнообразных графических средств приводит к актуализации, «вычитыванию» в составе исходного слова иных лексем. Графодериваты, как правило, отличаются оригинальностью формы и выразительностью, а «наслоение» нескольких смыслов в новообразовании приводит к увеличению объёма информации, передаваемой при помощи одной лексической единицы, что имеет особенно большое значение для авторов рекламных текстов: «Важное требование, предъявляемое к рекламному дискурсу, – максимум информации при минимуме слов» [7, с. 13].

Анализ языкового материала показывает, что в настоящее время наиболее продуктивным способом образования графодериватов в языке как российской, так и хорватской рекламы является монографикация. По нашим наблюдениям, для рекламных текстов особенно характерны окказионализмы-монографикаты, созданные при помощи ненормативного исполь-

зования прописных букв на фоне строчных. В обоих языках существует несколько структурных разновидностей капитализации. Так, в исходной лексеме может быть выделена только одна буква, несколько букв или графический сегмент, совпадающий с каким-либо узואальным словом, например: *Cleanelly** **текСтильный** дом (вывеска); *spasoNosno* **rješenje za nosne probleme** (реклама капель для носа "Operil") – в составе сложного прилагательного *srasonosan* ('спасительный') актуализируется сегмент, совпадающий с существительным *nos* ('нос'); *ОтЧАЯнная* **бодрость!** (реклама чая «Бодрость»); *Кредит* **наЛИЧНЫЙ** на любые цели (слоган кредитной программы банка «Инвестсбербанк»); *Sve bliže i bliže ...* *Božićna* **pustoLOVINA** и *Arena centru* (реклама предрождественских скидок в торговом центре) – в составе узואального существительного *pustolovina* ('приключение, авантюра') выделяется сегмент, совпадающий с другим узואальным существительным *lovina* ('добыча, улов').

В русском языке большинство монографиксатов образовано путём шрифтового выделения различных сегментов слова, в то время как в рекламных текстах на хорватском языке нередко используется приём парентезиса, при котором модификация значения лексемы достигается за счёт заключения в скобки какого-либо сегмента в исходном слове, например: *Ljubica* **bo(m)bica** (название десерта с черникой, рецепт которого напечатан на упаковке сливок), ср.: *bom-bica* – уменьшительно-ласкательная форма существительного *bomba* в значении 'замечательная новинка; сенсация' и *bobica* – 'круглая ягода, ягодка';

SV(IJ)E(T) je u igri (реклама магазина, специализирующегося на продаже игровых приставок и компьютерных игр) – использование скобок приводит к двоякому прочтению фразы, ср.: *svi-jet* ('мир') и *sve* ('всё').

Полиграфиксаты в языке российской рекламы создаются, как правило, на основе совмещения кириллицы и латиницы в пределах одной лексемы: *А где твой МАХимум?* (реклама прохладительного напитка PEPSI MAX); *ДЕРЖИСЬ* (название кафе-бара в Санкт-Петербурге); *СПАсение для ног* (слоган SPA-салона) и под.

В хорватском языке, по нашему мнению, к полиграфиксатам могут быть отнесены окказионализмы, в которых появляются графемы, отсутствующие в хорватской латинице, а также те хорватские новообразования, в состав которых входят иноязычные элементы, сохраняющие исконное написание. Так, например, в рекламном слогане средств для бритья MAN Xtreme «*Xtremno dobra njega za muškarce!*» происходит замена начальных букв в наречии *ekstremno* ('крайне, чрезмерно, предельно') графемой X из английской латиницы, которая не встречается ни в исконно хорватских словах, ни в полностью графически освоенных в хорватском языке заимствованиях из других языков. В названии ресторана *The beertija* при помощи графических средств английского языка обыгрывается разговорное хорватское существительное со сниженной стилистической окраской *birtija* ('трактир, кабак'), начальный сегмент которого заменяется сходным по звучанию английским существительным *beer* ('pivo'/ пиво).

Как утверждают исследователи, «все славянские языки объединяет

прежде всего такой вид креолизации слова, графических игр с его написанием, как кодографикация, предполагающая создание неолексемы с помощью сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-языковой» [6, с. 140]. Наши наблюдения показывают, что образование кодографикатов при помощи словообразовательных средств, принадлежащих к иным знаковым системам, характерно как для русского, так и для хорватского рекламного дискурса. Так, в появившемся в канун Нового года рекламном слогане фильтров для воды «Аквафор» для привлечения внимания потребителей к рекламируемому товару используется химическая формула воды: *C H₂O* **Новым** годом! Графема *E* заменяется сходным по начертанию графическим обозначением общеевропейской валюты евро в хорватском существительном *MJEŃJAČNICA* ('пункт обмена валют'). В обоих языках распространена замена графемы *a* фонографически опосредованным символом @, связанным с областью компьютерных технологий и интернета, например: *P@утин@* (название компьютерного клуба в Москве); *Mrež@* (название журнала, посвящённого информационно-коммуникационным технологиям: *mreža* – 'сеть') и др.

Как в русских, так и в хорватских рекламных текстах нередко встречаются окказиональные новообразования-кодографикаты, в составе которых наряду с вербальной частью появляются пиктографические знаки – изображения предметов, напоминающих по форме ту или иную букву кириллического или латинского алфавита. Так, букву *X* заменяет изображение

раскрытых ножниц в слове *ПАРИК-МАХЕРСКАЯ*; буква *T* в названии *Турагентство необычных путешествий* заменена изображением пальмы, а буква *O* – изображением земного шара; изображение ромашки вместо буквы *O* используется на вывеске в названии цветочного магазина *CVJEČARNICA TEODORA*; в рекламном слогане банка *PBZ "Dobrodošli u svijet koji je jednostavan, fleksibilan i siguran"* букву *j* в слове *jednostavan* ('простой') заменяет изображение кроссовки с развязанными шнурками, букву *f* в слове *fleksibilan* ('гибкий') – изображение настольной лампы с подвижной конструкцией, а букву *a* в слове *siguran* ('надёжный, безопасный') – изображение шлема для мотоцикла и под. Использование приёма кодографикации способствует не только визуализации, но и семантическому обогащению реалии, а также формированию у потенциального покупателя положительного отношения к рекламируемому товару или предлагаемой услуге.

Безусловно, наиболее ярко выраженным экспрессивным характером отличаются окказионализмы, созданные при помощи одновременного использования нескольких способов словообразования.

В исследованном нами материале содержатся примеры окказионализмов, образованных путём сочетания узуального и неuzuального способов. Так, при образовании окказионализма *КиноМай* (название акции сервиса «Видео по запросу», проводимой с 1 по 15 мая 2015 г.) сложение сочетается с графодеривацией (капитализацией). Сочетанием аффиксации и графодеривации (полиграфикации) создан окказионализм *podbörka: Svrati u Tele2*

по *svoju Podbörku* (реклама пакета услуг, предоставляемых мобильным оператором Tele2 в канун Рождества). Окказионализм мотивирован узуальным существительным *bor* в значении 'рождественская ёлка', к которому присоединяются приставка *pod-* и суффикс *-k(a)*. Одновременно происходит замена буквы *o* в корневой морфеме буквой *ö*, используемой в шведском алфавите, с целью вызвать у адресата ассоциации со страной, в которой была основана международная телекоммуникационная компания Tele2.

В обоих языках многочисленны окказионализмы, созданные сочетанием двух неузуальных способов: контаминации и графодеривации. Контаминация может сочетаться с капитализацией, ср.: *ТЕРЕМусу* (название пирожного в сети ресторанов «Теремок») [*Теремок* + *тирамису* = *ТЕРЕМусу*]; *Spremi se za COCKTAKularnu zabavu!* [*Cocta* (название прохладительного напитка) + *spektakularna* ('грандиозная, сенсационная') = *COCKTAKularna*], а также с полиграфиксацией, ср.: *Mitsunami скидок* (девиз скидок на автомобили Mitsubishi) [*Mitsubishi* + *цунами* = *Mitsunami*]; *Bananaccino* (название напитка со вкусом шоколада и банана) [*banana* ('банан') + *сарисцино* ('капучино') = *Bananaccino*]. В последнем примере в качестве второй части контаминированного новообразования используется сегмент итальянского существительного в исконном написании вместо полностью графически освоенного в хорватском языке заимствования - *карицино*.

Образование окказионализмов в рекламе может осуществляться на основе одновременного сочетания контаминации с двумя разновидностями

графодеривации, например: *Сокровища NUTциии* (название конфет с фундуком) [англ. *nut* ('орех') + *нации* = *NUTциии*]; *čOCROlada Dorina* (название шоколада, выпускаемого хорватской кондитерской фабрикой "Kraš") [*čokolada* ('шоколад') + *Croatia* (латинское название Хорватии) = *čOCROlada*]. Окказионализмы в приведённых выше примерах созданы сочетанием контаминации, полиграфиксации и капитализации.

На основании полученных в ходе исследования данных можно сделать вывод, что наиболее распространёнными способами образования окказионализмов в рекламных текстах на русском и хорватском языках являются аффиксация, контаминация и графодеривация. Следует отметить, что новообразования, созданные неузуальными способами (контаминации и графодериваты) составляют около 50% от числа анализируемых нами слов (28 русских и 25 хорватских лексем). При создании окказионализмов в языке российской и хорватской рекламы нередко используются различные способы компрессивного словообразования (словосложение, универбация, контаминация), что обусловлено, прежде всего, спецификой рекламного текста, необходимостью передать как можно большее количество информации на достаточно ограниченном пространстве, а также действием закона речевой экономии. Стремление к созданию коротких, но при этом семантически насыщенных, экспрессивных и запоминающихся лексических единиц заставляет русских и хорватских рекламистов обращаться к одновременному использованию нескольких способов словообразования, как узу-

альных, так и невузальных. По нашим наблюдениям, в обоих языках частотны окказионализмы, образованные сочетанием контаминации и одной или нескольких разновидностей графодеривации. Активное использование в

рекламном дискурсе окказиональных новообразований, отличающихся оригинальностью структуры, экспрессивностью и семантической ёмкостью, обеспечивает успешную реализацию воздействующей функции рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета, 1996. 225 с.
2. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.
3. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учеб. пособие для филол. факультетов ун-тов. М.: Высшая школа, 1976. 119 с.
4. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. / под ред. Е.А. Земской и С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 2. 848 с.
5. Попова Т.В. Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 мая 2009 г.): Труды и материалы / составители О.В. Дедова, Л.М. Захаров; под общим руководством М.Л. Ремнёвой. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 124–125.
6. Попова Т.В., Храмушина Ж.А. Креолизация русского слова в текстах XXI в. // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире. Сборник научных трудов по материалам международной конференции (15–16 мая 2014 г., г. Трнава). Брно, 2014. С. 138–143.
7. Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высшая школа, 1981. 125 с.
8. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) / Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/799>.
9. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 1997. 721 с.
10. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

REFERENCES

1. Gridina T.A. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: the stereotype and creativity]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1996. 225 p.
2. Il'yasova S.V., Amiri L.P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language play in the communicative space of media and advertising]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 296 p.
3. Lykov A.G. *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazional'noe slovo)* [Modern Russian lexicology (Russian occasional word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 119 p.
4. Panov M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [The works on General linguistics and the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007. Vol. 2. 848 p.

5. Popova T.V. [New derivational formants of the modern Russian language (on the material of graphoderevats)]. In: *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire: Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 24–26 maya 2009 g.): Trudy i materialy* [Slavic languages and cultures in the modern world: international scientific Symposium (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, 24–26 may 2009): Studies and materials]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009. pp. 124–125.
6. Popova T.V., Khramushina Zh.A. [Creolization of the Russian words in the texts of the 21st century]. In: *Osnovnye tendentsii razvitiya russkogo i drugih slavyanskikh yazykov v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi konferentsii (15–16 maya 2014 g., g. Trnava)* [Main tendencies of the development of the Russian and other Slavonic languages in the modern world. Collection of scientific papers on materials of international conference (15–16 May 2014, Trnava)]. Brno, 2014. pp. 138–143.
7. Rozental' D.E., Kokhtev N.N. *Yazyk reklamnykh tekstov* [The language of advertising texts]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 125 p.
8. Markova E.M., Ratsiburskaya L.V., Issers O.S., Mel'nik Yu.A., Zaitseva I.P., Sipko J., Radchenko M.V. [The role of media in democratization and creativization of the modern Russian language (round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)]. 2017. no 1. Available at: <http://evestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/799>.
9. Karaulov Yu.N., ed. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Drofa Publ., 1997. 721 p.
10. Yanko-Trinitskaya N.A. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word formation in the modern Russian language]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 504 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радченко Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Задарского университета;
e-mail: radchenko@net.hr

Грцич Андже́ла – магистр русского языка и литературы педагогического профиля, выпускник кафедры русского языка и литературы Задарского университета;
e-mail: andelagrcic@net.hr

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Radchenko – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of the Russian Language and Literature, University of Zadar;
e-mail: radchenko@net.hr

Andjela Grtsich – Master of Education of the Russian Language and Literature, graduate at the Department of the Russian Language and Literature, University of Zadar;
e-mail: andelagrcic@net.hr

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Радченко М.В., Грцич А. Окказионализмы в российской и хорватской рекламе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 66-76

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-66-76

FOR CITATION

Radchenko M.V., Grtsich A. Occasionalisms in Russian and Croatian advertisements. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 66-76

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-66-76

УДК 81.373.43

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-77-86

ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЙ АРГУМЕНТ (СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА)

Сандакова М.В.*Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева
603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается семантическая деривация прилагательного *железобетонный* в современном русском языке новейшего периода: развитие метафорических значений; появление семантического неологизма ‘прочный, незыблемый, не поддающийся разрушению, уничтожению, опровержению, отмене’, пока не получившего лексикографической фиксации (*железобетонные доказательства, убежденность, факт*). Показано, что прилагательное в метафорических значениях проявляет признаки качественного; изменяет (расширяет) сочетаемость; имплицитно оценивает (мелиоративную или пейоративную), которая может быть выражена в контексте; формирует новые синонимические связи (*железное алиби – железобетонное алиби*). Анализ проводится на материале данных толковых словарей, современных художественных и публицистических текстов (с привлечением Национального корпуса русского языка).

Ключевые слова: качественное прилагательное, сочетаемость, лексическое значение, семантический неологизм, семантическая деривация, метафора, синонимия.

ZHELEZOBETONNIY ARGUMENT (SEMANTIC DERIVATION OF THE ADJECTIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21ST CENTURY)

M. Sandakova*Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University
24, Minina st., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the semantic derivation of the adjective *zhelezobetonniy* in the Russian language of the most recent period. The phenomenon manifests itself in the development of metaphoric meanings, the appearance of the semantic neologism ‘firm, solid, not easy to destroy, eliminate, disprove or cancel’ that has not been yet recorded lexicographically (*zhelezobetonniye dokazatelstva, ubezhdennost, fact*). It has been shown that the adjective in metaphoric meanings reveals the features of qualitative type, changes (extends) its compatibility, implies evaluation (meliorative or pejorative) that can be expressed in context, forms new synonymous links (*zheleznoye alibi – zhelezobetonnoye alibi*). The analysis has been performed on the basis of the data from definition dictionaries, modern fiction, and mass media texts, using the Russian National Corpus.

Key words: qualitative adjective, compatibility, lexical meaning, semantic neologism, semantic derivation, metaphor, synonymy.

Процессы, происходящие в лексике русского языка новейшего периода, отличаются высокой динамичностью. Стремительные изменения рубежа XX–XXI столетий, характеризующиеся как «настоящий лексический взрыв» [12, с. 8], сменились в XXI в. более стабильным состоянием лексической системы с устойчивыми тенденциями развития [4].

Одним из показателей развития служит пополнение лексики новыми единицами. Неологизация в языке вызвана сочетанием действия экстралингвистических и лингвистических факторов. На необходимость учёта тех и других факторов обратил внимание Ю.С. Сорокин, говоря о проблемах описания лексики XIX в.: «... Историческая лексикология строит свои заключения на тесном учёте, с одной стороны, внеязыковых социальных условий, накладывающих свой отпечаток и определяющих появление и функционирование слова в речевой практике, с другой – факторов собственно языковых, обусловленных отношением данного слова к другим элементам языковой системы, к её общему строю и также в свою очередь определяющих границы и характер функционирования слов в речи» [15, с. 8].

Сходную мысль выразил И.Ф. Протченко применительно к описанию лексики языка советского периода: «Причины пополнения словарного состава и других его изменений (возникновение новых оттенков значений ранее существовавших слов, утрата некоторых из них и т. п.) заключаются в изменениях общественной жизни. При этом наблюдается преемственность того, что создано языком ранее, и сосуществование его с новыми явлениями,

происходящими по внутренним законам развития языка» [10, с. 46].

Среди неологизмов, появляющихся в современном русском литературном языке, принято различать следующие типы: словообразовательные неологизмы (новые слова, возникающие как результат действия словообразовательных механизмов языка); неологизмы – внешние заимствования (новые слова, пришедшие из других языков); неологизмы – внутренние заимствования (слова, пришедшие в литературный язык из некодифицированных подсистем русского национального языка); семантические неологизмы (новые значения уже существующих в языке слов, появившиеся как результат семантической деривации).

Изучению семантических неологизмов в русском языке новейшего периода посвящён ряд лингвистических исследований, см. в частности [3; 5; 6; 18] и др.

Ещё М.М. Покровский доказал, что «слова, сходные или прямо противоположные по значению, друг с другом ассоциируются и проходят сходную или параллельную историю» [9, с. 36]. М.М. Покровский предлагал изучать развитие лексики, используя этот «плодотворный принцип семасиологической ассоциации слов» [9, с. 36].

Параллельную семантическую эволюцию в русском языке новейшего периода нередко проходят слова, относящиеся к одной семантической или тематической группе. В этом проявляется действие внутриязыковых факторов развития лексической системы. Например, по одной и той же модели, хотя не одновременно, развиваются качественные относительные отпараметрические прилагательные *скоростной*,

частотный, возрастной и многие другие (см. подробнее в нашей работе [11]).

Цель этой статьи – описание семантической деривации прилагательного *железобетонный* и возникновения семантического неологизма, реализующегося в употреблении типа *железобетонный характер, принцип, алиби*.

Новое значение прилагательного построено на продуктивном метафорическом переносе, устанавливающем аналогию между миром физическим и духовным: абстрактное моделируется по образцу конкретного, чувственно воспринимаемого. Благодаря переходу из мира конкретного в абстрактный в языке создаются слова, описывающие область непредметных сущностей: лексика «невидимых миров», служащая для обозначения психических свойств человека, а также лексика, «обслуживающая мир идей, событий, процессов, абстрактных понятий, конструируемых человеком» [1, с. 362–363]. Ср.: *глубокое озеро – глубокий анализ, острый наконечник – острое замечание, горячий чай – горячий спор*.

Такие переносы имеют антропоцентрический характер, поскольку их целью является характеристика человека и всего того, что составляет его сферу. «Человек представляется как бы в центре мира (не только реального, но и воображаемого). Для характеристики человека может быть привлечён любой признак любого объекта – выбор здесь практически неограничен» [13, с. 109–110].

Развитие метафоры прилагательного *железобетонный* происходит по аналогии с *железный* и *стальной*, которые в прямом значении выражают отношение к металлу. Остановимся кратко на этих прилагательных.

Железный, по данным «Словаря русского языка» в четырёх томах, имеет два метафорических значения: «*перен.* Сильный, крепкий. *Железная хватка. Железная логика. Железное здоровье*»; «*перен.* Непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений. *Железная воля. Железная дисциплина*» [14].

У слова *стальной* также отмечено метафорическое значение «*перен.* Сильный, крепкий. *Стальные мускулы. Стальные нервы*» с оттенками: «стойкий, непоколебимый, непреклонный. *Стальная воля*»; «твёрдый, уверенный (о голосе)»; «жесткий, холодный, недружелюбный (о взгляде)» [14].

Как *железными*, так и *стальными* могут быть *мускулы, бицепсы, плечи, пальцы, кулак, рукопожатие, нервы, воля, характер, хватка*. *Железный* и *стальной* выступают как конкурирующие синонимы, взаимозаменяемые в контексте. Ср.: *И один Антон знал железную твёрдость этой руки, её пальцев, без ключа отворачивающих гайки с тележных колёс* (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени...); *Пальцы у тёти Тани были все искривлены, но хватка у них осталась стальная; когда сосед, здороваясь, в шутку сжал ей сильно руку, она в ответ так сдавила ему кисть, что та вспухла и с неделю болела* (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени...)

Однако в целом у прилагательного *железный* метафорические возможности обширнее, чем у *стальной*, и характеристика *железный* приложима к более широкому денотативному кругу.

Строгость, последовательность, логическая неоспоримость выражается определением *железный*, а не *стальной*. Ср.: *железная логика, доводы, ар-*

гументы, доказательство, аргумент, закон, алиби и др. А также: ... *Надо на будущее ввести такое железное правило – автор обязательно должен читать корректуру* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, 1964) [НКРЯ]; ... *И двадцатилетняя Ашхен ... пыталась примирить в себе сладостные материнские инстинкты с уже впитавшимися в кровь железными представлениями о несовместимости этих ничтожных биологических слабостей с великой борьбой за счастье мирового пролетариата* (Б. Окуджава. Упразднённый театр).

Освоение и семантическое развитие прилагательного *железобетонный* – явление довольно позднее.

Исходное существительное *железобетон* в XX в. было неологизмом. Данная номинация, ещё отсутствующая в словаре Д.Н. Ушакова [16], появляется в словаре С.И. Ожегова [7]. В «Словаре русского языка» в четырёх томах зафиксировано уже не только существительное, но и прилагательное, оба в прямых значениях [14].

Метафорические значения прилагательного получили лексикографическую фиксацию в более поздних словарях. Приведём данные некоторых из них.

В «Большом толковом словаре русского языка» сформулировано переносное значение: «разг. Жёсткий, непреклонный, суровый (о человеке; его характере)», а также его оттенок «негибкий, прямолинейный; не терпящий возражений» [2]. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой фиксирует единственное метафорическое значение: «перен. Негибкий, жёсткий и прямолинейный (разг.)» [8]. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о

происхождении слов» Н.Ю. Шведовой содержится идентичная формулировка [17].

Как нам кажется, данные толкования не исчерпывают всего многообразия реальных употреблений.

В современной речи прилагательное *железобетонный* используется для обозначении прочности, стойкости разнообразных объектов к деструктивным воздействиям извне. Анализ текстов Национального корпуса показывает, что данная метафорическая характеристика выступает в очень широком денотативном диапазоне – от объектов физического мира до нематериальных сущностей. Крут определяемых существительных можно условно разделить на несколько тематических групп: 1. Человек, совокупность людей: *люди, человек, команда*. 2. Физическая составляющая человека: *взгляд, выражение лица, голос, здоровье, лицо, лоб, мускулы, нервы, плечи, подбородок, сила*. 3. Духовные, психические свойства и проявления человека: *вера, выдержка, консерватизм, спокойствие, терпение, уверенность, упорство, упрямство, хладнокровие*. 4. Интеллектуальная и речевая деятельность и её результаты: *аргумент, аргументация, вердикт, гарантия, диагноз, доказательство, документы, закон, критерий, логика, материализм, мотивация, обоснование, оправдание, ответ, оценка, планирование, постулат, принцип, регламентация, репутация, решение, свидетельство, стереотипы, суждение, убеждения, утверждение, фраза*. 5. Другие виды деятельности и её результаты: *защита, консенсус, обеспечение, оборона, позиция, политика, ход*. 6. Социальное устройство: *власть, государство, корпорация, политический*

режим, политическая система. 7. Явления и их свойства в окружающем мире: алиби, закономерность, обстоятельство, определённость, основание, повод, показатели, превосходство, предсказуемость, причина, стабильность, улика, факт.

Таким образом, характеристика железобетонный выступает при описании всё расширяющегося круга предметов и явлений, главным образом сосредоточенных в сфере человека и его деятельности.

Такие метафоры неоднородны по значению. Они построены на взаимодействии семантических компонентов, содержание которых можно выразить в виде следующих составляющих: 'твёрдость', 'прочность', 'отсутствие гибкости'. При описании материального мира эти семантические компоненты выражают физические характеристики и выступают в прямых значениях; при описании непредметных сущностей они метафоричны.

Данные составляющие либо выступают одновременно в совокупности, либо актуализируются, высвечиваются по отдельности. Например, под железобетонным аргументом можно понимать разное: или чрезмерно прямолинейный, негибкий, или неопровержимый аргумент.

Отсюда несколько возможных типов метафорических значений прилагательного железобетонный:

1. 'Твёрдый, крепкий, прочный, несокрушимый' (характеристика физических объектов): Кульминацией стал 8-й раунд, когда железобетонный подбородок мексиканца не выдержал левого хука Мозли (Советский спорт, 28.12.2009) [НКРЯ]; Может, на железобетонных парней... с отменным

здоровьем и неизвестно какими внутренностями, этот коктейль и не подействует (А. Белянин. Свирепый ландрграф, 1999) [НКРЯ].

2. 'Жёсткий, суровый, стойкий, непреклонный' (духовная и психологическая характеристика личности): Он думал, что женится на простенькой девочке, что она – воск, что из неё можно будет человека вылепить. А она железобетонная. Из неё не только нельзя лепить – зарубки, царапины нельзя провести (Ю. Безелянский. В садах любви, 1993) [НКРЯ]; ... Людмила Ивановна попала в сети дедушкиного обаяния. В его присутствии она хорошела, её железобетонный характер смягчал, она смеялась его шуткам и заливалась краской, когда он целовал ей руку (А. Даншох. Кулинарные воспоминания счастливого детства).

3. 'Прямолинейный, грубый, лишённый гибкости' (характеристика деятельности и её результатов; духовных артефактов): Как вам удавалось справляться с железобетонным языком советских документов, которые приходилось зачитывать в эфире? (Труд-7, 01.12.2001.) [НКРЯ]; Многие из нас помнят и любят... фильм В. Мотыля «Женя, Женечка и «катюша», который тоже был сделан в комедийном ключе и тоже иронизировал над железобетонными схемами в освоении нашим кинематографом военной тематики (Литературная газета, 15.10.2008.); Железобетонный марксизм, въевшийся в сознание номенклатуры, не давал ей понять правду русской жизни. Русские партийцы сдерживали русских художников, учёных и общественных деятелей (Литературная газета, 09.11.2011).

4. 'Прочный, незыблемый, не поддающийся разрушению, уничтожению,

опровержению, отмене' (характеристика преимущественно нематериальных сущностей): Он открыл (и в первую очередь себе), что мощь политической и социальной системы состоит не в **железобетонной** стабильности (Д. Петров. Аксёнов.); А трактовки пусть каждый делает сам, основываясь на **железобетонных** фактах (Комсомольская правда, 20.05.2013.) [НКРЯ]; Можно утешать себя тем, что это, конечно, не такие «**железобетонные**» показатели, как рост ВВП или средней зарплаты (Комсомольская правда, 19.07.2004.) [НКРЯ]; Но было у Онищенко ... одно важнейшее политическое достоинство – **железобетонная** предсказуемость в действиях (Известия, 24.10.2013.) [НКРЯ]; Однако как у того, так и у другого были **железобетонные** алиби, и дело об убийстве спустя несколько лет было закрыто (Труд-7, 14.12.2000.) [НКРЯ]; ... Таковыми обвинениями в адрес государств, к тому же соседей, не разбрасываются. К ним прибегают только при наличии **железобетонных** доказательств, да ещё многократно проверенных (Литературная газета, 07.04.2010).

Данные метафоры могут проявлять оценочность. Наличие оценки и её характер определяются в первую очередь конкретным значением прилагательного. Так, значение 'прямолинейный, грубый, лишённый гибкости' (3) отрицательно-оценочно. Другие значения оценочно амбивалентны: в зависимости от контекста, они могут выражать оценку того или иного знака или быть безоценочными. Употребления в ироническом контексте несут, как правило, пейоративную оценку, например: Перед нами чуть модернизированный образец классической житийной лите-

ратуры, где имеется одержимый априори истинностью знания и правильно-стью цели праведник, сонм строящих ужасные козни врагов (спектр его чрезвычайно широк: от замшелых адептов соцреализма до «свободолюбивых либералов», включая двоих наиболее злобных и коварных неприятелей – А. Чубайса и Б. Березовского) и где также есть высокий покровитель, впрочем, куда большие чем просто покровитель, и **железобетонная** убеждённость в конечном торжестве справедливости (Литературная газета, 17.10.2007.); Молодёжь, прошедшая проверку на крамолу, ... стала бодренько штамповать **железобетонные** тексты о душегрейной любви к России, выдавая их за божественные откровения (Литературная газета, 20.11.2013.)

Метафорический признак может выступать и в грамматической форме наречия, которое употребляется для характеристики действий и свойств: Командир был обязан уходить на второй круг, если не было прямой видимости взлётно-посадочной полосы. Это закреплено в инструкциях **железобетонно** (Комсомольская правда, 21.03.2007) [НКРЯ]; Пожалуй, в эти дни вы сумеете удивить людей, давно и хорошо знающих вас, если станете строптиво и «**железобетонно**» отстаивать свои заблуждения и ошибки (Труд-7, 09.09.2006) [НКРЯ]; Так необходимо было, чтобы кто-то совершил дерзкую диверсионную вылазку, бесстрашно шагнул за флажки как-то незаметно, но **железобетонно** устоявших норм поведения себя в искусстве (Литературная газета, 09.09.2009); ... На все протесты ... против установления мемориальной доски домо-рожденному сочинителю Графоманову

ответ-аргумент был железобетонно прост: но ведь доска уже готова, деньги на неё потрачены (Литературная газета, 09.11.2011).

Встречается, хотя и редко, не фиксируемая толковыми словарями субстантивная метафора *железобетон*: *Солженицын за то, чтобы разрушить коммунистический железобетон, но он очень обеспокоен, как бы всем не погибнуть под его развалинами* (Литературная газета, 15.09.2010).

Прилагательное *железобетонный* как метафора прочности вступает в синонимические отношения с метафорой *железный*. Как *железными*, так и *железобетонными* могут быть *люди, нервы, мускулатура, аргументы, доказательства, логика, алиби* и др. Семантические различия между метафорическими представлениями *железа* и *железобетона* основаны на физических свойствах этих материалов. *Железобетонные* объекты, по сравнению с *железными*, предполагают более значительную прочность, несокрушимость, а также габаритность и тяжеловесность; их труднее не только разрушить или деформировать, но даже сдвинуть с места. Поэтому вероятно, что *железобетонное алиби* весомее *железного*, а *железобетонный аргумент* опровергнуть труднее, чем *железный*. Именно по этой причине, а также по причине новизны и свежести метафоры, предпочтение в контексте может быть отдано прилагательному *железобетонный*.

Таким образом, у прилагательного *железобетонный* появилось и становится всё более частотным значение прочности, прибавившееся к существующим метафорическим значениям.

Выводы:

1. В русском языке в конце XX в. и в XXI в. происходит заметная семантическая эволюция прилагательного *железобетонный*: развитие и дифференциация его переносных метафорических значений, среди которых наиболее новым является значение 'прочный, незыблемый, не поддающийся разрушению, уничтожению, опровержению, отмене', пока не зафиксированное толковыми словарями.

2. Переносные значения слова *железобетонный*, образующиеся по той же модели, что и у слов *железный, стальной*, подтверждают системный характер семантических изменений в лексике и действие законов аналогии.

3. Прилагательное *железобетонный* как качественная характеристика имеет разнообразную денотативную направленность. Возможность определять объекты, связанные с психологической, духовной и физической сферой человека, а также с человеческой деятельностью и её результатами, служит проявлением антропоцентричности данных метафор.

4. Семантическое развитие прилагательного *железобетонный* имеет ряд грамматических и семантико-прагматических следствий: прилагательное в метафорических значениях проявляет признаки качественного (что находит выражение в образовании наречия *железобетонно*); изменяет (расширяет) круг сочетающихся с ним имён существительных; имплицитно оценивает (мелиоративную или пейоративную), которая может быть выражена в контексте; образует новые синонимические связи с метафорой *железный* (*железное алиби – железобетонное алиби*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 346–370.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Ермакова О.П. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. Л.П. Крысин / Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 33–99.
4. Изменения в лексике и лексической семантике в их соотношении с системой, нормой и речевой практикой // Современный русский язык: система – норма – узус / отв. ред. Л.П. Крысин / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 71–167.
5. Кипарисов Г.О. Семантические неологизмы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
6. Кронгауз М.А. Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки русской культуры, 2007. С. 345–356.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 815 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
9. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2006. 136 с.
10. Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. М.: Педагогика, 1984. 224 с.
11. Сандакова М.В. Об одном механизме формирования качественного значения у относительных прилагательных (на материале прилагательных, мотивированных параметрическими именами) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 610–614.
12. Складаревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складаревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 2000. С. 7–32.
13. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 166 с.
14. Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 3-е. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.
15. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.–Л.: Наука, 1965. 565 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2006.
17. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка имени В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 956 с.
18. Шапошников В.Н. Семантические преобразования в современном русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 112 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. [The language metaphor (syntax and vocabulary)]. In: *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. pp. 346–370.
2. Kuznetsov S.A., chief ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2001. 1536 p.

3. Ermakova O.P. [Semantic processes]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vv.* [Modern Russian language: Active processes at the turn of 20–21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. pp. 33–99.
4. Krysin L.P., chief ed. [Changes in the lexicon and lexical semantics in their relation to the system, norm and speech practice]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk: sistema – norma – uzus* [Modern Russian language: system – norm – language usage]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. pp. 71–167.
5. Kiparisov G.O. *Semanticheskie neologizmy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic neologisms: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tambov, 2011. 23 p.
6. Krongauz M.A. [Semantic shifts in the semantics of evaluative adjectives]. In: *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin* [Language in motion: to the 70th anniversary L. Krysin]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2007. pp. 345–356.
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981. 815 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az" Ltd Publ., 1992. 960 p.
9. Pokrovskii M.M. *Semasiologicheskie issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov* [Semasiological research in the field of ancient languages]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 136 p.
10. Protchenko I.F. *Russkii yazyk: problemy izucheniya i razvitiya* [Russian language: problems of study and development]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. 224 p.
11. Sandakova M.V. [On a mechanism of formation of the quality meaning from relative adjectives (on the material of the adjectives motivated by parametric names)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, no. 6(2), pp. 610–614.
12. Sklyarevskaya G.N. [Introduction]. In: *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late 20th century. Language change]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 2000. pp. 7–32.
13. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg University Publ., 2004. 166 p.
14. Evgen'eva E.P., chief ed. *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985.
15. Sorokin Yu.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language. 1930–90s]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
16. Ushakov D.N., ed. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel, AST, Tranzitkniga Publ., 2006.
17. Shvedova N.Yu., chief ed. *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language, including information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 956 p.
18. Shaposhnikov V.N. *Semanticheskie preobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke* [Semantic transformations in the modern Russian language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 112 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сандакова Марина Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева;
e-mail: sandamarina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Sandakova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Alekseev Nizhniy Novgorod State Technical University;
e-mail: sandamarina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сандакова М.В. *Железобетонный аргумент* (семантическая деривация прилагательного в русском языке XXI в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 77-86
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-77-86

FOR CITATION

Sandakova M.V. *Zhelezobetonniy argument* (semantic derivation of the adjective in the Russian language of the 21st century). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 77-86
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-77-86

УДК 811.161.1'06

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-87-96

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Тихонова Е.Н.*Московский политехнический университет**107023, г. Москва, ул. Б. Семёновская, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены термины, относящиеся к сфере рыночной экономики, с точки зрения их функционирования в словообразовательной системе русского языка. Активное использование данной терминосферы в современном русском языке обуславливает актуальность её исследования. В статье приводится определение понятия терминологического словообразовательного гнезда и анализ таких гнёзд на материале наиболее употребительных экономических терминов, функционирующих в текстах СМИ. В работе применялись описательно-аналитический метод, методы количественного анализа и моделирования. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о деривационной активности терминов рыночной экономики. Автором выявлено интенсивное образование производных слов, вследствие чего происходит формирование новых, а также обогащение состава имеющихся в языке терминологических словообразовательных гнёзд. Объединяя на основе формально-семантических связей однокоренные слова различных частей речи, словообразовательные гнёзда выполняют в терминологии упорядочивающую, системообразующую функцию.

Ключевые слова: словообразование, термин, экономическая терминология, терминологическое словообразовательное гнездо.

DERIVATIONAL FAMILIES OF WORDS IN THE SYSTEM OF THE MODERN ECONOMIC TERMINOLOGY

E. Tikhonova*Moscow Polytechnic University**38, B. Semenovskaya st., Moscow, 107023, Russian Federation*

Abstract. The article examines the terms related to the sphere of market economy from the point of view of their functioning in the word-formative system of the Russian language. The active use of this terminological sphere in the modern Russian language determines the relevance of its study. The article provides a definition of the terminological word-building nest and an analysis of such nests on the basis of the most commonly used economic terms that function in the media texts. Descriptive-analytical method, methods of quantitative analysis and modeling are used. The analyzed material allows coming to a conclusion about the derivational activity of terms of market economy. As a result of the study, an intensive formation of derivative terms was revealed. The author has revealed intensive formation of derivative words, which results in

the formation of new ones, as well as enrichment of the terminological word-building nests in the language. By combining on the basis of formal and semantic links the same root words of various parts of speech, the families of words fulfill the ordering, system-forming function in the terminology.

Key words: word-formation, term, economic terminology, terminological family of words.

На рубеже XX–XXI вв. осуществляются коренные преобразования в политической и экономической сферах, происходит бурное развитие науки и техники. Эти процессы приводят к тому, что лексическая система русского языка постоянно пополняется новыми терминами. Под термином, вслед за В.П. Даниленко, мы понимаем «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [4, с. 15]. Как результат когнитивной деятельности человека термины представляют собой значительную и постоянно увеличивающуюся часть лексики, поэтому именно в терминологии отчётливо проявляются закономерности развития современной языковой системы. Этим определяется актуальность исследований, связанных с терминологической проблематикой.

Между терминами определённой терминосферы существуют различные лексические и словообразовательные связи и отношения. В связи с этим целью нашего исследования является определение понятия терминологического словообразовательного гнезда и структурно-семантический анализ таких словообразовательных гнёзд на примере наиболее употребительных экономических терминов.

Обращение к терминологической лексике «Рыночная экономика» обусловлено её всё более возрастающей ролью в современном русском языке, а

также актуальностью вопросов словообразовательной проблематики в данной терминосфере. В качестве материала исследования были использованы наиболее употребительные экономические термины, функционирующие в текстах различных СМИ («Аргументы и факты», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Известия» и др.). Привлекались также данные словарей [7–9; 12]. Исследование терминологических словообразовательных гнёзд проводилось с помощью описательно-аналитического метода, методов количественного анализа и моделирования.

Каждая наука оперирует определённой совокупностью понятий. Терминология, обеспечивая соотнесённость термина и понятия, непосредственно связана с системой понятий данной науки, поэтому свойство системности является характерной особенностью терминологии. В связи с этим терминам, как и словам общелитературного языка, свойственно стремление к гнездовой организованности. По мнению В.П. Даниленко, в терминологии наблюдается «усиление тенденции к гнездовому словообразованию, к созданию комплексов наименований, связанных общей производящей основой» [4, с. 207].

Словообразовательное гнездо (СГ) представляет собой комплексную единицу словообразования, самую крупную и сложную среди объединений однокоренных слов. «Под словообразовательным гнездом понимается

упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [8, с. 42]. Все члены словообразовательного гнезда организованы по принципу последовательного подчинения, то есть соотносятся с вершиной гнезда и со своими производящими на основе формальных и семантических связей. Утрата семантических связей, даже при сохранении формальных, приводит к выпадению соответствующего слова из словообразовательного гнезда [11, с. 70].

Исходные слова словообразовательных гнёзд могут рассматриваться как «вполне условные обозначения предметов действительности», тогда как значение производных слов может быть определено «посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [3, с. 421]. Если исходное слово гнезда является многозначным, то каждое значение реализуется в производных словах самостоятельно. При этом значение мотивирующего слова или полностью входит в значение мотивированного (*дом* – *домик* «маленький дом»), или при тождестве лексических значений различны их синтаксические позиции (*бежать* – *бег*), или мотивирующее и мотивированное слова различаются стилистически (*книга* – *книжка*) [13, с. 10–11].

Словообразовательное гнездо, состоящее из терминов и возглавляемое непроизводным термином, можно определить как терминологическое словообразовательное гнездо (ТСГ). Как показывают исследования [1; 2; 5; 6 и др.], терминологические словообразовательные гнёзда служат важным средством изучения системных отношений в терминологической

лексике. Они позволяют выявить формально-семантические связи однокоренных терминов, установить особенности синхронного терминообразования.

Терминологическая область «Рыночная экономика» в настоящее время является активно функционирующей, о чём свидетельствует деривационная активизация терминов данной системы (об этом см. также [10]). Как известно, словообразование занимает важное место в процессах актуализации лексики. В соответствии с потребностями языкового коллектива происходит интенсивное образование производных слов, в результате чего начинают функционировать новые словообразовательные гнёзда или же имеющиеся в языке гнёзда обогащают свой состав. Так формируются и становятся широко употребительными гнёзда слов, отражающих наиболее актуальные понятия нашего времени, в том числе рыночно-экономическая терминология.

Рассмотрим примеры рыночно-экономических терминов, которые сформировали терминологические словообразовательные гнёзда (если слово многозначное, то учитываем только терминологическое значение). Самые значительные по количеству производных слов гнёзда возглавляются базовыми, наиболее значимыми для «языка рынка» терминологическими единицами. Производные термины в таких ТСГ, как правило, относятся к продуктивным словообразовательным типам.

Рынок – сфера свободного обращения товаров и капиталов, а также движения рабочей силы, регулируемых спросом и предложением; условия и

возможности для свободной купли-продажи. Новые правила предполагают снижение зависимости бюджета от цен на нефть и исполнение всех обязательств, вне зависимости от колебаний нефтегазового рынка (АиФ, 20 июня 2017).

Рыночный – относящийся к рынку, то есть к сфере свободного товарного обращения. 90% квартир достанутся 600 льготникам, оставшиеся застройщик продаст по рыночной цене (АиФ, 14 июня 2017).

Рыночник – сторонник рынка как основы хозяйственной жизни страны, рыночной экономики. В ближайшем окружении В. Путина и Д. Медведева пока доминируют рыночники. Многие из нынешних министров финансово-экономического блока вышли из «шине-ли Гайдара». Пока В. Путин не отправил в отставку ни одного рыночника (АиФ, 29 октября 2014).

Антирыночник – противник рынка как основы хозяйственной жизни страны, противник рыночной экономики. Запомнилось, как два антипода, два человека, занимающие не просто разные – совершенно противоположные, полярные позиции ... Один из них – Иван Кузьмич Полозков, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, антирыночник, ярый сторонник коммунистической идеологии ... Другой – Анатолий Александрович Собчак, напротив, убеждённый рыночник, противник зашоренной коммунистической догматики ... (Новая газета, 7 февраля 2008).

Антирыночный – направленный против рыночной экономики. Современное искусство и должно быть антирыночным, некоммерческим и обязательно борющимся с врагами, список

которых тут же прилагается, – «национализм, религиозный фундаментализм, унификация в результате глобализации, госнадзор» (Новая газета, 11 февраля 2015).

Антирыночно – нареч. к антирыночный. Депутаты [Законодательного собрания Ивановской области] высказали такую точку зрения: «Если в соседней области за молоко дают больше денег, чем у нас, то зачем заставлять производителя совершать невыгодные сделки? Это антирыночно» (Ивановская газета, 14 июня 2003).

Антирыночность – сущ. к антирыночный. Отбивая нападки в антирыночности, Александр Бойченко поясняет, что никто не ограничивает зернопроизводителей, не имеющих задолженности перед региональным продовольственным фондом, своими работниками и по налогам (Сельская жизнь, 21 октября 1999).

Прорыночный – имеющий ориентацию на рыночные отношения. Со своей стороны ЕС будет политически и экономически ослаблен уходом не просто одного из самых прорыночных из своих членов, но и постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето и мощной армией (Коммерсантъ, 24 июня 2016).

рынок

рыноч-ник 1

анти-рыночник 1

рыноч-н-ый

рыночн-ик 2

анти-рыночный

антирыночн-о

антирыночн-ость

антирыночн-ик 2

про-рыночный

Терминологическое словообразовательное гнездо (ТСГ) рынок имеет

субстантивную и адъективную зоны. В нём образуются наименования лица (*рыночник, антирыночник*), относительные прилагательные (*рыночный, антирыночный*), наречие (*антирыночно*) и существительное «имя качества» (*антирыночность*). Производные *рыночник* и *антирыночник* характеризуются множественностью мотивации. Возможно появление потенциальных производных *рыночность, рыночно* от прилагательного *рыночный*, которые пока не зафиксированы (ср. *антирыночность, антирыночно*). ТСГ рынок имеет девять производных. Для сравнения можно отметить, что в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова зафиксировано только одно производное: *рынок – рыночный* [9, с. 59]. Это свидетельствует о возросшем словообразовательном потенциале данного слова в его терминологическом значении.

Активно функционирует в деривационной системе рассматриваемой терминосферы корневая морфема *-маркет-*, заимствованная из английского языка (*market – рынок*). Если слово *рынок* в своём первоначальном значении «торговая площадь» известно в русском языке с начала XVIII в. (заимствовано из немецкого языка через посредство польского) и уже освоено русским языком (в экономическом значении стало употребляться с XIX в.), то корень *-маркет-* в составе сложного заимствованного слова *супермаркет* (большой магазин самообслуживания) появился в русском языке в 70-х гг. XX в. В 90-е гг. XX в. это слово почти вытеснило *универсам*; активно употребляется также слово *минимаркет*. Корень *-маркет-* в русском языке является связанным, то есть

встречается только в сочетании с аффиксами или в составе сложных слов.

В связи с развитием рыночной экономики стал активно функционировать ряд терминов с данной корневой морфемой: *маркетизация, маркетинг, маркетинговый, маркетолог, маркетингологический, маркетология, демаркетинг* и др.

Маркетология – раздел экономики, изучающий теорию и методологию рыночных отношений. *Можно даже предаться маленьким радостям спекулятивной маркетологии и порассуждать о неизбежном финансовом кризисе, в который ввергает женский теннис доминирование двух афроамериканок* (Известия, 23 января 2003).

Маркетизация – внедрение в какую-либо сферу рыночных отношений. *Маркетизация энергетики России, то есть приведение её в состояние, при котором действуют принципы свободной торговли, является очень важной задачей для европейцев* (Известия, 13 февраля 2006).

Маркетинг – 1) Экономическая дисциплина, занимающаяся проблемами производства и сбыта продукции. *Выпускники факультета маркетинга занимаются продвижением продукта от его создания, концептуального описания, рекламы, продвижения до обратной связи с потребителем* (АиФ, 13 июня 2017).

2) Система управления и организации деятельности предприятий по разработке новых видов продукции, производству и сбыту товаров или предоставлению услуг, исходя из потребностей рынка. *С приходом нового руководства в «АвтоВАЗ» интегрируются европейские правила маркетинга. Новая кровь оздоровила коллектив,*

придала стимулы для развития и воодушевила сотрудников. Неудивительно, что лояльность заводчан к бренду повышается. А это главное, так как эмоциональный настрой передаётся и покупателям (АиФ, 1 июня 2017).

Маркетинговый – относящийся к маркетингу; занимающийся маркетингом. *Sports Endeavors через FIFA будет оказывать проекту маркетинговую поддержку* (Коммерсантъ, 30 июня 2017).

Маркетолог – специалист в области маркетинга. Исследования показывают, что потребители в возрасте не хотят, чтобы к ним относились как к одной определённой группе. Поэтому **маркетологам** придётся искать нужный язык для обращения к представителям этой группы ... (Коммерсантъ, 15 апреля 2017).

Маркетологический – относящийся к маркетингу, маркетингу. В Интернете даже появились предположения, что Apple так низко оценила свой продукт, поскольку он не представляет собой ничего стоящего, однако более правдоподобной кажется **маркетологическая** подоплёка — пользователей нужно приучить пользоваться Mac App Store, а как ещё это можно сделать, если не предложить нечто большое, за небольшие деньги? (АиФ, 8 августа 2011).

Демаркетинг – ситуация и линия поведения в маркетинге, обусловленная ростом спроса на товары до уровня, превышающего возможности их производства при имеющихся ресурсах.

Ремаркетинг – маркетинговые мероприятия, проводимые при снижении спроса на товар. В 2016 году планируется произвести 26 новых воз-

душных судов [SSJ 100], ещё четыре будут подготовлены и переданы заказчикам в рамках **ремаркетинга** (Коммерсантъ, 16 августа 2016).

-маркет-

маркет-о-лог(и)ж-а)

[маркетология]

маркетолог

маркетолог-ическ-ий 1

маркетолог-ическ-ий 2

маркет-из/аци)ж-а

[маркетингизация]

маркет-инг

де-маркетинг

ре-маркетинг

маркетинг-ов-ый

В терминологическом словообразовательном гнезде (ТСГ) **-маркет-** (9 производных) зафиксированы имена существительные и прилагательные. Среди них сложные существительные (*маркетология*), наименования лица (*маркетолог*), «имена действия» (*маркетингизация*, *маркетинг*), относительные прилагательные (*маркетологический*, *маркетинговый*). Прилагательное *маркетологический* характеризуется множественностью мотивации. Наличие в ТСГ «имени действия» *маркетингизация* предполагает появление потенциального глагола *маркетингизировать*, в настоящее время не зафиксированного. Производное *маркетинг* образовано с помощью английского суффикса *-ing* и с ним было заимствовано. В «Словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова [8] данное гнездо не зафиксировано.

Значительно увеличил свой словообразовательный потенциал ставший актуальным в эпоху рыночной экономики термин **бизнес**, имеющий значение «предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией,

производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т. п.». *Посол России в Соединённых Штатах Анатолий Антонов заявил, что американский бизнес, который сотрудничает с Россией, больше озабочен непредсказуемостью властей США, чем санкциями* (Коммерсантъ, 29 октября 2017).

В ТСГ **бизнес** преобладают производные слова, образованные способом сложения. Производящая основа **бизнес** вносит в них значение «связанный с предпринимательской деятельностью», например: *бизнес-образование, бизнес-план, бизнес-технология* и т. п. Образуются также наименования лица: *бизнесмен, бизнесвумен, бизнес-леди* и т. п.

бизнес

арт-бизнес	бизнес-право
бизнес-аналитик	бизнес-программа
бизнес-виза	бизнес-проект
бизнес/вумен	бизнес-ресурсы
бизнес-класс	бизнес-технология
бизнес-клуб	бизнес-тренинг
бизнес-круиз	бизнес-тур
бизнес-ланч	бизнес-центр
бизнес-леди	бизнес-школа
бизнес/мен	бизнес-элита
бизнесмен-к-а	видео/бизнес
бизнесмен-ш-а	интернет-бизнес
бизнесмен-ств-о	кино-бизнес
бизнесмен-ск-ий	медиа/бизнес
бизнес-образование	нарко/бизнес
бизнес-операция	порно/бизнес
бизнес-партнёр	секс-бизнес
бизнес-переговоры	стриптиз-бизнес
бизнес-план	шоу-бизнес
бизнес-портал	

ТСГ **бизнес** включает в себя 39 производных слов, количество которых потенциально может увеличиваться.

Для сравнения, в «Словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова [8] зафиксировано только одно производное: *бизнес – бизнесмен*.

Приведённые в качестве примеров ТСГ возглавляют термины, которые за последние годы стали частотными общеупотребительными словами. Этим объясняется «всплеск» их словообразовательной активности (сюда можно также отнести ТСГ **акция, аренда, валюта, доллар, инвестировать** и др.).

Узкоспециальные термины больших ТСГ не образуют. Наиболее регулярно в таких гнездах образуются относительные прилагательные. Например: **лизинг** – лизинг-ов-ый, **траст** – траст-ов-ый, **фьючерс** – фьючерс-н-ый, **холдинг** – холдинг-ов-ый и др.

Конечно, если произойдёт актуализация этих и подобных терминов, то их словообразовательный потенциал возрастет, количество производных в ТСГ увеличится. Например:

офшор

офшор-к-а (разг.)

офшор-н-ый

офшор-изирова-ть

офшориз-ацй-а [офшоризация]

де-офшоризировать

деофшориз-ацй-а [деофшоризация]

Итак, «Рыночная экономика» – динамично развивающаяся под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов терминосистема. Она формируется на основе системно организованных терминологических единиц, функционирующих в научно-экономической и профессионально-деловой сферах рыночно-экономической деятельности. Данная терминосистема динамична и социально ориентирована. Средством её формирования служит терминологическая деривация.

Словообразовательные гнезда речи, они являются важным фактором системной организации терминов. Помимо этого, словообразование оказывает существенное влияние на процессы актуализации лексики, в том числе терминологической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютенкова Л.Г. Деривация как фактор эволюции терминосистемы (на материале терминологии «Рыночная экономика»): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 200 с.
2. Барабанова И.Г. Когнитивный аспект современной русской экономической терминосистемы: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 161 с.
3. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442.
4. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Кондратьева Т.С. Лексико-семантические и деривационно-метаязыковые особенности терминосферы «Экономика – Рынок – Право»: на материале русского, английского и немецкого языков: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 144 с.
6. Коновалова Е.А. Деривационный потенциал и парадигматические отношения современной русской экономической терминологии: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. 197 с.
7. Современный экономический словарь / под ред. Б.А. Райзберга. 6-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 512 с.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ, 2003. 860 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ, 2003. 941 с.
10. Тихонова Е.Н. Деривация как средство формирования современной экономической терминологии // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сборник научных статей. Ч. I. М.: Российский университет дружбы народов, 2011. С. 504–509.
11. Тихонова Е.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: курс лекций. М.: Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова, 2014. 94 с.
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиков. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
13. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 320 с.

REFERENCES

1. Aksyutenkova L.G. *Derivatsiya kak faktor evolyutsii terminosistemy (na materiale terminologii "Rynohnaya ekonomika")*: diss. ... kand. filol. nauk [Derivation as a factor in the evolution of system terms (based on terminology of "Market economy"): PhD thesis in Philological sciences]. Krasnodar, 2002. 200 p.
2. Barabanova I.G. *Kognitivnyi aspekt sovremennoi russkoi ekonomicheskoi terminosistemy*: diss. ... kand. filol. nauk [The cognitive aspect of the modern Russian economic terminology system: PhD thesis in Philological sciences]. Rostov-on-don, 2006. 161 p.

3. Vinokur G.O. [Notes on the Russian word formation]. In: *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. pp. 419–442.
4. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: the Experience of linguistic descriptions]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 246 p.
5. Kondrat'eva T.S. *Leksiko-semanticheskie i derivatsionno-metayazykovye osobennosti terminosfery "Ekonomika – Rynok – Pravo": na materiale russkogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov: diss. ... kand. filol. nauk.* [Lexico-semantic and derivational-metalanguage features of the termsphere "Economics – Market – Law": on the material of Russian, English and German languages: PhD thesis in Philological sciences]. Krasnodar Publ., 2001. 144 p.
6. Konovalova E.A. *Derivatsionnyi potentsial i paradigmaticheskie otnosheniya sovremennoi russkoi ekonomicheskoi terminologii: diss. ... kand. filol. nauk* [Derivation potential and paradigmatic relations of the modern Russian economic terminology: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1998. 197 p.
7. Raizberg B.A., ed. *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 512 p.
8. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2003. Vol. 1. 860 p.
9. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2003. Vol. 2. 941 p.
10. Tikhonova E.N. [Derivation as a means of forming a modern economic terminology]. In: *Funktsional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem: Sbornik nauchnykh statei* [Functional semantics and semiotics of sign systems: Collection of scientific articles]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 2011. Part I. pp. 504–509.
11. Tikhonova E.N. *Sovremennyyi russkii yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Morphemics. Word-formation]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts Publ., 2014. 94 p.
12. Sklarevskaya G.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory dictionary of Russian language of the early 21st century. The actual lexicon]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 1136 p.
13. Ulukhanov I.S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka* [Motivation in word-formation system of the Russian language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2015. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и истории литературы Московского политехнического университета;
e-mail: tihonen@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Tikhonova – PhD in Philological sciences, assistant professor at the Department of Russian Languages and the History of Literature, Moscow Polytechnic University;
e-mail: tihonen@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихонова Е.Н. Словообразовательные гнёзда в системе современной экономической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 87-96

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-87-96

FOR CITATION

Tikhonova E.N. Derivational families of words in the system of modern economic terminology. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 87-96

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-87-96

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.09ПушкинА.С.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-97-106

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЯХ А.С. ПУШКИНА

Джанумов С.А.

Московский городской педагогический университет

*129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется место и роль танатологических мотивов в «маленьких трагедиях» А.С. Пушкина. На основе рассмотренного материала делается вывод, что в «маленьких трагедиях» происходит проверка нравственных норм, жизненной позиции персонажей либо перед лицом неодолимой смерти, либо других испытаний: алчностью, завистью, любовью. И выдерживают испытания лишь те, в ком ещё не замолк голос совести. Действие всех без исключения «маленьких трагедий» озаряется высокой гуманистической мыслью, одушевляется глубокой любовью к людям, стремлением пробудить в них «чувства добрые».

Ключевые слова: художественный мир, сквозной мотив, тема смерти, гибель, убийство, преступление, нравственность.

THANATOLOGICAL MOTIVES IN A. PUSHKIN'S LITTLE TRAGEDIES

S Dzanumov

Moscow City University

4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation,

Abstract. The article analyzes the place and role of thanatological motives in A. Pushkin's "Little Tragedies". On the basis of the material examined in the article, the author makes a conclusion that in "Little Tragedies", there is a test of moral norms, the life attitude of the characters either in the face of overwhelming death or in other hardships: greed, envy, love. And only the ones, in whom the voice of conscience didn't go silent, have stood the test. The action of all "Little Tragedies" without exception is illuminated by a high humanistic thought, animated by a deep love for people, a desire to awaken "good feelings" in them.

Key words: the artistic world, the cross-cutting motive, the theme of death, death, murder, crime, morality.

У А.С. Пушкина всегда было благоговейное и трепетное отношение к дружбе, любви и смерти. Эти три темы если и не являются основополагающими и сквозными, то, по крайней мере, занимают важное место в творчестве поэта. Цель настоящей статьи – выделить и рассмотреть художественные функции танатологических мотивов в его «маленьких трагедиях».

Мотив смерти как доминанта художественного мира Пушкина ранее был исследован в монографии О.Г. Постнова¹, в кандидатской диссертации Н.В. Проданик², в статье В. Казака³ и в некоторых других работах.

Сквозным мотивом проходит тема смерти уже в первой из «маленьких трагедий» – в «Скупом рыцаре». Касаясь других произведений этого цикла, Ю.М. Лотман обращает внимание на специфику изображения и трактовки пира в «Каменном госте», в «Моцарте и Сальери», в «Пире во время чумы»: «Во всех трёх сюжетах пир связывается со смертью: пир с гостем-статуей, пир-убийство и пир в чумном городе. При этом во всех случаях пир имеет не только зловещий, но и извращённый характер: он кощунствен и нарушает какие-то коренные запреты, которые должны оставаться для человека нерушимыми» [4, с. 132].

Далее на страницах своей книги

¹ см. Постнов О.Г. Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа. Новосибирск: Издательство СО РАН. Научно-издательский центр ОИГГМ, 2000. 198 с.

² см. Проданик Н.В. Топосы смерти в лирике А.С. Пушкина: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. 193 с.

³ см. В. Казак. Смерть в творчестве Пушкина // Новый журнал. 2002. Кн. 228. С. 259–279.

Ю.М. Лотман подробно рассматривает мотив пира и разную символику образа пира в творчестве Пушкина, а в итоге, возвращаясь к «маленьким трагедиям», делает вывод: «В «Скупом рыцаре» пир Барона состоялся, но другой пир, на котором Альбер должен был бы отравить отца, лишь упомянут. Этот пир произойдёт в «Моцарте и Сальери»; ... Инфернальный пир в присутствии смерти проходит в «Каменном госте» дважды: он как бы репетируется у Лауры, где Дон Альвар замещён его утрюмым братом, и у Доны Анны, куда командор является в образе Статуи. Цикл маленьких трагедий завершается пьесой, в которой образ пира является смыслоорганизующим центром» [4, с. 136; 142].

Здесь всё верно, за исключением, пожалуй, того, что «другой пир, на котором Альбер должен был бы отравить отца», весьма гипотетичен, поскольку трудно представить себе отца и сына, которые питают друг к другу взаимную ненависть, пирующих за одним столом. Кроме того, Альбер, хотя втайне и мечтал поскорее вступить в права наследника, не намеревался отравить барона Филиппа, а когда ростовщик Соломон завуалировано предлагает ему это сделать, с негодованием отвергает самую мысль о яде:

Как! отравить отца! и смел ты сыну...

Иван! держи его. И смел ты мне!..

Да знаешь ли, жидовская душа,

Собака, змей! что я тебя сейчас же

На воротах повешу [5, с. 110].

И даже остро нуждаясь в деньгах Соломона, Альбер в конце концов от-

казывается от мысли взять в долг его «червонцы»:

*Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребренники пращура его...* [5, с. 111].

Сальери же действительно всё время вынашивал мысль об отравлении «врага беспечного» во время застолья, «трапезы», пира:

*Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты –
Тогда не пропадёшь ты, дар Изоры* [5, с. 127].

Мотив яда косвенно присутствует и в «Пире во время чумы», хотя он там не главный. Когда Священник призывает Вальсингама оставить кощунственный, «безбожный пир» и заклинает его образом умершей матери, которая взирает «на пирующего сына / В пиру разврата ...», председатель пира отказывается следовать за ним и объясняет причины отказа:

*<...> Я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем
страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мёртвой пустоты,
Которую в моём доме встречаю,
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши...*
(курсив мой. – С. Д.) [5, с. 173].

Во второй «маленькой трагедии» Пушкин показывает, что Сальери всю жизнь был занят поисками «злейшего врага», готов был отомстить за любую нанесённую ему обиду, не останавливаясь даже перед преступлением. Моцарту не только чужда сама идея убийства, но он даже и других не может заподозрить в преступных замыслах. Когда разговор заходит о Бомар-

ше, Сальери высказывает сомнение в том, что автор «Женитьбы Фигаро» мог кого-то отравить. Но не из дружеских побуждений, не из-за того, что Бомарше был его приятелем, а потому, что, по мнению Сальери, Бомарше «... слишком был смешон / Для ремесла такого». Моцарт тоже сомневается в этих слухах, но его образ мыслей более благороден: «Он же гений, / Как ты, да я. А гений и злодейство – / Две вещи несовместные. Не правда ль?» [5, с. 131].

Сальери до глубины души уязвлён этими бесхитростными, но столь человеческими словами Моцарта. И эту смертельную обиду не может заглушить даже оговорка Моцарта и о его, Сальери, гениальности. Хотя Сальери и роптал на несправедливость небес, даровавших «бессмертный гений» не ему, а Моцарту, но где-то в глубине души всё ещё надеялся, что и он не обойдён «священным даром». Случайная реплика Моцарта разрушает и эту последнюю иллюзию. «В простодушных словах Моцарта, – писал В.Г. Белинский, – было соединено всё жгучее и терзающее для раны, которою страдал Сальери. Он знал себя как человека, способного на злодейство, а между тем сам гений говорит, что гений и злодейство несовместны и что, следовательно, он, Сальери, не гений. А! так я не гений? Вот же тебе, – и яд брошен в стакан гения ...» [2, с. 475].

Прочно связана с образом Сальери и лексика, передающая идею убийства, смерти, преступления: «Звуки умертвив, / Музыку я разъял, как труп»; «Я избран, чтоб его (Моцарта. – С.Д.) / Остановить, – не то мы все погибли»; «Вот яд, последний дар моей Изоры»; «И часто жизнь казалась мне с тех

пор / Несносной раной»; «Хоть мало жизнь люблю»; «Как жажда смерти мучила меня, / Что умирать? – я мнил»; «Заветный дар любви, / Переходи сегодня в чашу дружбы»; «Он (Бомарше. – С. Д.) слишком был смешон / Для ремесла такого («ремесла» убийцы, отравителя. – С. Д.)»; «Ты заснёшь / Надолго, Моцарт!»; «И не был / Убийцею создатель Ватикана?»).

Танатологические мотивы прослеживаются и в «Каменном госте». Уже первая сцена проникнута тревогой самовольно вернувшегося из ссылки Дон Гуана и его слуги Лепорелло. Из обмена репликами между господином и слугой мы узнаём, что оба они не знают, что их ждёт впереди после того, как Дон Гуан, убивший на дуэли командора, неожиданно возвратился в Мадрит (Мадрид. – С. Д.). И хотя Дон Гуан пытается сохранить лицо перед своим слугой («Я никого в Мадрите не боюсь»), но атмосфера внутреннего беспокойства пронизывает эту сцену, как, впрочем, и все три последующие. Отсюда соответствующая лексика и фразеология: «Уж верно головы мне не отрубят»; «убитого» (дважды повторяющееся слово только в первой сцене. – С. Д.); «помертвелых губах»; «покойницы»; «гробница»: «так здесь похоронили командора?»; «за упокой души его молиться»; «вдова»; «покойник»; «мужа повалил (т. е. убил. – С. Д.) / Да хочет поглядеть на вдовьи слезы».

Да и место действия первой сцены (как, впрочем, и третьей) соответствует этому тревожному настроению: «Антоньев монастырь» у столичного кладбища, куда вскоре приходят Монах и вдова командора – Дона Анна. Этому топосу соответствуют печальные вос-

поминания Дон Гуана о безвременно умершей его возлюбленной Инезе и негодование по адресу её мужа: «Муж у неё был негодяй суровый» [5, с. 137] (ср. оценку Дон Гуаном нрава командора в третьей сцене трагедии: «... дух имел суровый» [5, с. 149]). Намёк на то, что и командор при жизни был ревнивым супругом-деспотом, содержится в реплике Дон Гуана, обращённой к Монаху: «Он Дону Анну взаперти держал, / Никто из нас не видывал её» [5, с. 139]. О некоторой боязни Дон Гуана свидетельствует и финальная реплика Лепорелло в первой сцене: «Испанский гранд как вор / Ждёт ночи и луны боится ...» [5, с. 140].

В статье «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» один из выдающихся филологов XX в. Р.О. Якобсон, рассматривая «Каменного гостя» наряду с другими произведениями Пушкина, «... названия которых указывают не на живое действующее лицо, но на статую, скульптурное изображение», пронизательно заметил: «И в драме, и в эпической поэме, и в сказке образ ожившей статуи вызывает в сознании противоположный образ *омертвевших людей* (курсив Якобсона. – С. Д.), идёт ли речь о простом сравнении их со статуей, о случайном эпизоде, об агонии или смерти. Здесь граница между жизнью и неподвижной мёртвой массой намеренно стирается» [7, с. 150].

В «Каменном госте» действительно речь идёт о «простом сравнении» Дон Гуана с командором и его статуей, но видеть в Дон Гуане образ «омертвевшего» человека, как нам представляется, не совсем правомерно. Напротив, Пушкин всё время подчёркивает живость, динамичность Дон Гуана и

окаменелость, «мраморность» его соперника. Больше того, Дон Гуан не приемлет того, что хоть как-то говорит о неподвижности, отсутствии жизни. Так, в начале трагедии он с пренебрежением отзывается о северных красавицах: «В них жизни нет, всё куклы восковые» [5, с. 136]. Почти во всех репликах Дон Гуана настойчиво подчёркивается холодность и неподвижность статуи командора: «... счастлив, чей хладный мрамор / Согрет её дыханием небесным» [5, с. 150]; «И вижу вас уже не на коленях / Пред мраморным супругом» [5, с. 157].

В статье Р.О. Якобсона также содержится указание на то, что в символике Пушкина «ожившая статуя в противоположность призраку является оружием злой магии, она несёт разрушение ...» [7, с. 173].

И это на самом деле так. Явление ожившей статуи командора в момент, когда Дона Анна дарит Дон Гуану «холодный» (курсив мой. – С. Д.), мирный» поцелуй, не только разрушает наметившееся счастье двух влюблённых, но и несёт смерть, по крайней мере, одному из героев – Дон Гуану.

Но если статуя, по мнению Р.О. Якобсона, ассоциировалась у Пушкина «... с сатанинскими силами, с колдовством» и даже с демонизмом [7], то и Дон Гуан в «Каменном госте» не раз называется демоном, дьяволом (Ср.: «Лаура: «Что делать мне теперь, повеса, дьявол?»; Дона Анна: «Вы, говорят, безбожный развратитель, / Вы сущий демон» [5, с. 146; 161–162]).

Однако у пушкинского Дон Гуана есть не только загробный враг и соперник, но и живой – Дон Карлос, по видимому, родной брат командора. В своей монографии «Невольник чести,

или Драматург Пушкин» С.Б. Рассадин замечает: «Командор – воплощение сурово регламентированного средневековья, откуда является в драму и его родственник Дон Карлос. Они родня не только по крови – по душе» [6, с. 267].

Действительно, оба они по разным причинам ненавидят Дон Гуана. Командор из своего загробного мира испытывает ревность к Дон Гуану, который довольно быстро обольщает Донну Анну. Ле п о р е л л о : «Кажется, на вас она (статуя командора. – С. Д.) глядит / И сердится (курсив мой. – С. Д.)» [5, с. 154]. Дон Карлос видит в Дон Гуане не только убийцу своего брата, но и счастливого соперника в борьбе за благосклонность Лауры. Характерно, что и первая реакция Дон Карлоса на одно только упоминание имени Дон Гуана та же, что и в третьей сцене у статуи командора (П е р в ы й (гость. – С. Д.). «Дон Карлос, не сердись» [5, с. 142]).

Но дело, конечно, не только в лексических и фразеологических совпадениях, а в том, что и Командор, и Дон Карлос в чём-то двойники по своей роли в сюжете, по своей функции в трагедии. Командор (как явствует из названия пьесы) – «каменный гость», Дон Карлос – «угрюмый гость».

И Командор, и Дон Карлос погибают на дуэли от руки Дон Гуана. И даже смерть их описана одними и теми же словами. Д о н Г у а н : «Когда за Ескупьялом мы сошлись, / Наткнулся мне на шпагу он и замер ...» [5, с. 149]; Л а у р а (Дон Гуану об убитом Дон Карлосе. – С. Д.): «... Гляди, проклятый, / Ты прямо в сердце ткнул – небось не мимо ...» (курсив мой. – С. Д.) [5, с. 146].

Несколько легкомысленное отношение к смерти сближает Дон Гуана

и его слугу Лепорелло. Полнее всего это сходство выявляет обмен репликами после диалога об умершей Инезе в первой сцене трагедии. В конце концов Лепорелло заявляет: «Ну, развеселились мы. / Недолго нас покойницы тревожат» [5, с. 137].

Оба – и Дон Гуан, и Лепорелло – легко переходят от мыслей о смерти, от воспоминаний об умершей и запавшей им в память «бедной Инезе» к жажде новых приключений, новых любовных побед.

Кстати, в приведённой выше реплике Лепорелло знаменательна явная переключка с репликами других героев «маленьких трагедий», несмотря на очевидную разность сюжетных ситуаций и характеров персонажей в этих произведениях. Так, в «Пире во время чумы» Вальсингам тоже призывает Мери и других пирующих поскорее перейти от загробных видений к круговому веселью:

*Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучён каким-нибудь видением* [5, с. 168].

Гораздо неожиданнее аналогия приведённых выше слов Лепорелло с одной из реплик Моцарта из трагедии «Моцарт и Сальери»: «Я весел ... Вдруг: виденье гробовое, / Незапный мрак или что-нибудь такое ...» [5, с. 126]. Правда, здесь ситуация как бы обратная по отношению к описанной сцене «Каменного гостя» – от веселья к мыслям о смерти, но поразительное совпадение (и вряд ли случайное, судя по устойчивости этого мотива в «маленьких трагедиях») налицо.

Вместе с тем следует отметить определённую эволюцию главного героя

«Каменного гостя», его нравственное перерождение не только под влиянием любви к Доне Анне, но и из-за страха потерять только что обрётённую любовь, когда смерть в облике ожившей статуи командора уже стучится в дверь. Эта эволюция проявляется в непритворной ревности и сердечных мучениях Дон Гуана, в желании отвоевать у «мраморного счастливец» любимую женщину, одержать верх над соперником из иного, загробного, inferнального мира и даже в последнем, исполненном боли и страдания прерывистом возгласе: «Я гибну – кончено – о, Дона Анна!».

Поэтому можно согласиться с автором монографии «Танатологические мотивы в художественной литературе» Р.Л. Красильниковым: «Оживающий памятник (курсив Красильникова. – С. Д.) как ещё одна модификация образа оживающего мертвеца выступает в этом “вековом сюжете” проводником божественной кары, хотя чем дальше, тем всё больше фигура Дон Жуана вызывала у секуляризованного общества чувство сострадания» [3, с. 199].

Но особенно явственно и злоеюще звучат танатологические мотивы в последней из маленьких трагедий – в «Пире во время чумы», источником которой является драматическая поэма английского поэта-романтика Джона Вильсона (1785–1854) «Город чумы» (1816), которую Пушкин перевёл со значительными сокращениями и изменениями.

Все персонажи трагедии так или иначе вовлечены в философский спор, в своеобразный диспут о том, как вести себя человеку перед угрозой неотвратимой смерти. И спор этот тем острее, тем напряжённее, что каждый

из пирующих может сказать о себе словами Г.Р. Державина из его оды «На смерть князя Мещерского» (1779):

*Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся...*

(Кстати, Пушкин повторяет слова «бездны на краю» в гимне Вальсингама, но использует их в несколько ином контексте).

В этой «пограничной» ситуации, перед угрозой сиюминутной гибели резко раскрываются характеры персонажей, разность их нравственных позиций. Лирическая композиция «Пира во время чумы» основана на столкновении различных точек зрения, идей и поступков, движущих героями трагедии. Действия же, как такового, ярко выраженной сюжетной линии в пьесе нет. И это ещё более усиливает эмоциональный накал произведения.

Первым берёт слово Молодой человек (так он назван в авторской ремарке). Он пытается развеять мрачное состояние пирующих, напоминая им о блестящем острослове Джаксоне, предлагает выпить в его память «... с весёлым звоном рюмок, с восклицанием, / Как будто б был он жив». Но реакция председателя пира Вальсингама на слова Молодого человека резко отрицательная. Джаксон первым из пирующих стал жертвой чумы, «... выбыл первый / Из круга нашего», и тут не до веселья, уместнее молчание, глубокая сосредоточенность и скорбь: «Пускай в молчаньи / Мы выпьем в честь его». И пирующие согласны с Председателем. Следует авторская ремарка: «*Все пьют молча*» [5, с. 167].

Так, уже в самом начале трагедии Пушкин сталкивает резко контрастные образы, эмоции, настроения: с одной стороны призыв к круговому

веселью, радостным восклицаниям, с другой – молчание, задумчивость, скорбные думы. На этих контрастах построена вся трагедия, эти прямо противоположные, полярные образы и чувства определяют эмоциональную основу характера и поведения каждого из персонажей пьесы. Ведь главная тема трагедии – тема жизни и смерти – поистине всеобъемлюща и сама уже несёт в себе зерно конфликта, зерно непримиримых противоречий. Вопросы жизни и смерти, поведения человека во время сурового экзамена, который устраивает людям чума, затрагивают всех действующих лиц трагедии. От решения этих вопросов никто не волен уклониться. И каждый из участников пира по-своему отвечает на них.

Характерно, что через все реплики Молодого человека проходит мысль о веселье, которое, по его мнению, только и может разогнать мрак смерти. Трижды это слово «весёлый» повторяется в его первом монологе, и ещё один раз в ответной реплике на слова Луизы. Позиция Молодого человека предельно эгоистична: забыть о мраке, «... который ныне / Зараза, гостя наша, насылает / На самые блестящие умы», забыть о том, что кругом смерть и горе, что рядом с ними люди навечно уходят «в холодные; подземные жилища» и предаться веселью:

*Но много нас ещё живых, и нам
Причины нет печалиться ...*

[5, с. 167].

В отличие от откровенно эпикурейской позиции Молодого человека, строй чувств Вальсингама гораздо трагичнее, сложнее и противоречивее. Здесь и своеобразный вызов смерти, и ужас перед её бессмысленной же-

стокостью, и неотвязная дума о жене и матери, и желание в «безумном» веселье забыть про все несчастья, про все «виденья», про «тьму могилы». Поэтому все реплики и монологи Председателя пира (в том числе и его знаменитый гимн) строятся на антитезах: с одной стороны – образы смерти, мрака, «мёртвой пустоты» домов и вызванные ими настроения тоски, отчаяния, с другой – чувство «упоения» опасностью, всем тем, «что гибелью грозит». Очень верно определил природу чувств Вальсингама В.Г. Белинский: «... Песня председателя оргии в честь чумы – яркая картина гробового сладострастия, отчаянного веселья; в ней слышится даже вдохновение несчастья и, может быть, преступления сильной натуры ...» [2, с. 472]

Особенно ярко эти два ряда контрастных образов сталкиваются в гимне Председателя: бодрая, «могущая Зима» и «царица грозная, Чума», весёлый треск каминов, «зимний жар пиров» и чума, которая «в окошко днём и в ночь / Стучит могильною лопатой», зажжённые огни, пенящиеся бокалы и поцелуи «девы-розы» с одной стороны, и «могилы тьма» – с другой.

Мы сознательно отказываемся от «куплетного» цитирования песни Председателя и жертвуем гармонией пушкинского стиха, чтобы показать, сколько контрастов, антирез в этом своеобразном монологе Вальсингама. Захваченные мужественной энергией и музыкой гимна, мы иногда не обращаем внимания на его образный строй, его поэтику. Между тем, для характеристики личности Вальсингама, для понимания сложности и противоречивости его воззрений имеют значение каждое слово, каждый ху-

дожественный образ, используемые в гимне.

Пушкин с исключительным мастерством мотивирует смену и сосуществование различных, часто противоположных страстей и психологических реакций в душе Вальсингама. Это на самом деле веселье от отчаяния, жажда среди «безумных», «неизъяснимых наслаждений» забыть о смерти, горе, страданиях, отгородиться, «запереться» от чумы и в каком-то упоении от сознания своей дерзости и силы бросить вызов смерти, восславить «царствие Чумы». Здесь и своеобразная бравада, и желание продемонстрировать своё насмешливое, презрительное отношение к тому, чего другие благоволейно боятся.

Вместе с тем в пушкинской трагедии проводится мысль, что забвение, даже иллюзия забвения невозможны, когда все вокруг несчастны, когда кругом страдания и смерть. Сама идея пира во время чумы эгоистична и антигуманна. И не случайно Священник вызывает к совести пирующих, осуждает их кощунственное поведение, их веселье посреди «ужаса плачевных похорон», посреди всеобщего несчастья. Он считает, что в минуты всеобщего бедствия нужно разделять с людьми их горе и страдания, а не искать для себя «безмолвного убежища от смерти» или «заваривать пиры да балы». С позиций гуманности, человеколюбия Священник вызывает большее сочувствие, чем Вальсингам, который находит «упоение» не только «в бою», но и «в дуновении Чумы» [5, с. 171] и даже провозглашает ей хвалу.

И тут невольно приходит на память много раз цитировавшееся изречение английского поэта и проповедника

Джона Донна (1572–1631) из его «Молитв по возникающим поводам: Размышление XVII» (1623): «Нет человека, который был бы, как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши ... Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Эти слова, говорящие о бренности каждого человека, об общности человеческих судеб очень точно выражают гуманистическую направленность пушкинского «Пира во время чумы».

Таким образом, можно сделать вывод, что в «маленьких трагедиях» происходит проверка нравственных норм,

жизненной позиции персонажей либо перед лицом неодолимой смерти, либо других испытаний: алчностью, завистью, любовью. В связи с этим можно привести слова Анны Ахматовой из её статьи о «Каменном госте» (1947): «Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в “Маленьких трагедиях” Пушкина» [1, с. 113]. И выдерживают испытания лишь те, в ком ещё не замолк голос совести. Действие всех без исключения «маленьких трагедий» озаряется высокой гуманистической мыслью, одушевляется глубокой любовью к людям, стремлением пробудить в них «чувства добрые».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 432 с.
2. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Статьи о Державине; Статьи о Пушкине; Незаконченные работы. М.: Художественная литература, 1981. 678 с.
3. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
4. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1998. 352 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. Драматические произведения. СПб.: Наука, 2009. 1070 с.
6. Рассадин С.Б. Невольник чести, или Драматург Пушкин. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2006. 384 с.
7. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

REFERENCES

1. Akhmatova A.A. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 2. 432 p.
2. Belinskii V.G. *Sobranie sochinenii. T. 6. Stat'i o Derzhavine; Stat'i o Pushkine; Nezakonchennyye raboty* [Collected works. Vol. 6. Articles about Derzhavin; Articles about Pushkin; Unfinished works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 678 p.
3. Krasil'nikov R.L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literature (Vvedenie v literaturovedcheskuyu tanatologiyu)* [Thanatological motives in literature (Introduction to the literary thanatology)]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 488 p.
4. Lotman Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol' : Kniga dlya uchitelya* [The school of a poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol': Teacher's Book]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1998. 352 p.

5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniya* [Complete works. Vol. 7. Dramatic works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 1070 p.
6. Rassadin S.B. *Nevol'nik chesti, ili Dramaturg Pushkin* [Slave of honor, or Playwright Pushkin]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg Publ., 2006. 384 p.
7. Yakobson R.O. *Raboty po poetike* [Work on the poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Doctor in Philological sciences, honored worker of the Higher School of Russian Federation, professor at the Department of the Russian Literature, Institute of Humanities and Management, Moscow City University;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С.А. Танатологические мотивы в маленьких трагедиях А.С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 97-106

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-97-106

FOR CITATION

Dzhanumov S.A. Thanatological motives in A. Pushkin's little tragedies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 97-106

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-97-106

УДК 821.161.1.09. "18"

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОР И.С. ТУРГЕНЕВА С О. ДЕ БАЛЬЗАКОМ: РОМАНЫ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И «ЛИЛИЯ ДОЛИНЫ»

Евдокимова А.А.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрывается характер художественной полемики И.С. Тургенева с романом «Лилия долины» О. де Бальзака, которая представлена в «Дворянском гнезде». В обоих текстах прослеживаются параллели на уровне сюжета, типов, отдельных образов, мотивов и метафор. Бальзак выразил в своём романе мысль о несостоятельности запретов и догм, наложенных христианским учением, поскольку эти запреты, по мнению писателя, делают людей несчастными. Тургенев, обратившись, во многом к близкому сюжету, наоборот, показал, что вне религиозного чувства нет человеческой личности. Любовь, которая возникает между Лизой Калитиной и Фёдором Лаврецким, развивается ввиду любви к Богу и к людям, а потому она не исчезает, но становится источником их внутренней силы.

Ключевые слова: Тургенев, Бальзак, религия, «Дворянское гнездо», «Лилия долины».

ART DISPUTE OF I. TURGENEV WITH H. DE BALZAC: NOVELS «NOBLE NEST» AND «THE LILY OF THE VALLEY»

A. Evdokimova*Moscow City University**4, bld. 1, 2nd Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the nature of art polemic of I. Turgenev with the novel «The Lily of the Valley» by H. de Balzac presented in «Noble Nest». In both texts, parallels can be traced at the level of a plot, types, separate images, motives, and metaphors. In his novel, Balzac has expressed a thought of insolvency of the bans and dogmas imposed by Christian teaching as these bans, according to the writer, make people unfortunate. Turgenev, addressing in many respects a similar plot, on the contrary, showed that without religious feeling there is no human person. The love which arises between Lisa Kalitina and Fedor Lavretsky develops in the view of love to God and to people, and therefore it doesn't disappear but becomes a source of their internal force.

Key words: Turgenev, Balzac, religion, «Noble Nest», «The Lily of the Valley».

Вопрос изучения взаимовлияния творчества И.С. Тургенева и французских романистов широко представлен в литературоведении работами М.П. Алек-

сеева, Н.П. Генераловой, Л.П. Гроссмана, Г.Б. Курляндской, М.Г. Ладарии и др. Однако в меньшей мере изученным остаётся аспект творческих параллелей Тургенева и О. де Бальзака, которого русский писатель откровенно не принимал как романиста, тогда уже признанного, отказывался переводить, хотя и имел в личной библиотеке издания повести «Холостяки» («*Les Cûlibataires*»), романов «Дом Нусингена» («*La maison Nucingen*»), «Шагреневая кожа» («*La Peau de Chagrin*») [1]. В тринадцатитомном собрании писем Тургенева упоминание о Бальзаке встречается семь раз, и это либо обращение к его имени среди прочих, либо краткая отрицательная характеристика.

Однако мы полагаем, что Тургенев испытывал к французскому писателю определённый интерес и отталкивался в своём творчестве от бальзаковских сюжетов и тем, полемизируя в своих сочинениях с его художественными решениями. Давно отмечено, что пьеса Тургенева «Месяц в деревне» (1850) опирается на сюжетную схему и систему образов «Мачехи» («*La Marâtre*», 1848) Бальзака [5]. Немалый интерес также представляют переключки между романом Бальзака «Лилия долины» [2] («*Le Lys dans la vallée*», 1836 [11]), вошедшем в «Человеческую комедию», и романом Тургенева «Дворянское гнездо» (1858): в обоих текстах обнаруживаются явные параллели в сюжетных ситуациях, мотивно-образной системе, особый интерес представляет тип главной героини, и даже отдельные значимые метафоры («лилия долины») требуют комментария. Между тем эти аспекты не привлекали внимания учёных.

Роман «Дворянское гнездо» был опубликован в журнале «Современник» в 1859 г., однако замысел произведения исследователи относят к 1856 г. Отметим, что в 1853 г. на сцене национального французского театра «Комеди Франсез» («*La Comédie Française*») в Париже с успехом была поставлена драма Теодора Баррьера «Лилия долины», написанная на основе романа Бальзака. Пьеса заслужила признание и популярность у зрителя. С 1852 по 1856 г. Тургеневу запретили выезжать за пределы страны, но в 1856 г., при первой же возможности, он отправился во Францию, в Париж. Мы предполагаем, что Тургенев, всегда внимательно следящий за театральной жизнью, сам успешный драматург и театральный критик, не мог не узнать тогда же об этой постановке и сложить о ней своё мнение. В любом случае сочинение Бальзака с большой долей вероятности было у него на слуху и могло побудить Тургенева, как это было в случае с «Мачехой», поразмышлять на затронутые Бальзаком темы.

Романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» отличает общая сюжетная ситуация – религиозная героиня стоит перед выбором между долгом и любовным чувством. Тургенев писал: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой – девушка, существо религиозное ...» [10, с. 283]. Героини обоих сочинений, несмотря на трудности и душевные мучения, выбирают долг, совершенствуя свою личность. Графиня де Морсоф (Анриетта) и Лиза Калитина типологически схожи: они чрезвычайно добросердечны, отзывчивы, сдержанны в проявлениях чувств, но глубоко сопереживают близким и даже случайно

встреченным людям; обе они обладают твёрдым характером и, самое главное, глубоко верующие. Характерной чертой обеих является такое качество, которое мы бы назвали «ангелоподобием»: окружающие часто сравнивают графиню де Морсоф с «ангелом», также и Лиза называется «чистым, неземным существом» [9, с. 78]. Поведение героинь основывается, прежде всего, на чувстве долга, внутреннего достоинства и любви к Богу. Лиза твёрдо верит, что «счастье зависит не от нас, а от Бога» [9, с. 140]. И об Анриетте повествователь говорит: «Она жила чувством, как святая, возносящая молитвы к Богу»¹. Для Анриетты и Лизы личная устроенность, счастье неотделимы от Божественного промысла.

Чрезвычайно важную роль в системе характеристик героинь у Бальзака и Тургенева играет их личная комната. Мы выделяем возникающий в обоих случаях образ комнаты-кельи и её хозяйки – монахини. Сравним: в «Дворянском гнезде» – «А ты, я вижу, опять прибирала свою **келейку**, – промолвила Марфа Тимофеевна» [9, с. 150]; в «Лилии долины» – «Поистине, она (комната. – А.Е.) походила на **келью** замужней монахини, исполненной святого смирения!»². Такое сравнение призвано подчеркнуть духовную стойкость и внутреннюю силу Лизы и Анриетты, поскольку их мирская жизнь оказывается особенной: обе они служат Богу всеми делами и помыслами и отчасти отрешены от мира.

В обоих романах важным оказывается образ наставницы героини, кото-

рая вдохновляет её на духовный путь. В «Дворянском гнезде» это няня Агафья Власьева, которая со временем «стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обедни, раздаривала все свои хорошие платья», «пятнадцать лет провела она тихо, смиренно, степенно, ни с кем не ссорясь, всем уступая» [9, с. 110]. Лиза пошла по пути своей няни – религиозное чувство, любовь к Богу глубоко затронули её душу.

В «Лилии долины» наставницей Анриетты явилась тётушка, герцогиня де Верней, которая «принадлежала к религиозному обществу, душой которого был уроженец Турени Сен-Мартин»³. Их принципы, как отмечено в романе Бальзака, учат «принимать житейские невзгоды с неизменной кротостью квакеров, пробуждая в сердце верующих нечто вроде братской любви к ангелу-хранителю, обитающему на небесах»⁴. Квакеры были членами христианской секты, возникшей в Англии XVII в. во время Английской буржуазной революции, и проповедовали исключительно строгий образ жизни, набожность, воздержанность, смирение. Бальзак подчёркивает особую строгость верования тётушки и Анриетты. Основы учения Сен-Мартина зиждутся на неустанной молитве и чистой любви. «Перенеся жестокие испытания во время революции, герцогиня де Верней предалась под конец жизни пламенному благочестию, которое, по словам Сен-Мартина, пролило

³ «Madame de Verneuil faisait partie d'une société sainte dont l'âme était monsieur Saint-Martin, né en Touraine» [11, p. 42].

⁴ «...applique aux peines de la vie la douceur inaltérable du quaker, et ordonne le mépris de la souffrance en inspirant je ne sais quoi de maternel pour l'ange que nous portons au ciel» [11, p. 42].

¹ «Elle vivait du sentiment même, comme une sainte avec Dieu» [11, p. 85].

² «Noble cellule de religieuse mariée pleine de résignation sainte» [11, p. 149].

и в душу её племянницы “свет небесной любви и елей духовной радости”¹. Герцогиня де Верней своим праведным поведением и добрым отношением к людям стала опорой и примером для Анриетты, которая продолжила благочестивый путь своей рано умершей родственницы.

Интересно, что для изображения подлинного чувства любви и Тургенев, и Бальзак прибегают не к комментарию и не к прямой речи героев, а к символическим деталям. Любовь находит своё выражение через изображение прекрасного, через искусство.

В «Дворянском гнезде» это звуки музыки – мелодия, сочинённая композитором Леммом, которая приводит Лаврецкого в исступление: «Сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса» [9, с. 106]. Мелодия Лемма – воплощённая в музыке эмоция самого героя. Композитор выразил идеальную сущность любви.

Также примечательно, что образ Лизы для Лаврецкого связан с запахом ладана. Религиозная составляющая образа материально, физически «прирастает» к личности. Таким образом, у Тургенева остро проявляются «зримая выпуклость образа», «ощущения запахов и ароматов», «условно-тактиль-

ные представления о пространственно-временной организации мира» [7, с. 45].

В «Лилии долины» эмоциональные токи любви выражаются через составление букетов, в которые Феликс вкладывает всю душу и которыми часами любит Анриетта. Букеты вызывают у героев Бальзака не случайные ассоциации с музыкой: «В оттенках лепестков и листьев заключена истинная гармония, дивная поэзия, которая чарует взгляд и, волнуя нас, словно музыка, пробуждает множество воспоминаний в сердцах тех, кто любит и любим. Разве гамма цветов не может иметь такой же смысл, как и гамма звуков?»².

Также интересно, что составление букетов Бальзак сравнивает с древним обрядом молитвы, ставит эти действия в один ряд. Занятие Феликса приобретает новые символические смыслы, переходит на более высокий уровень: «Что приносим мы в дар Богу? Запах ладана, пламя свечей и молитвы – самое чистое выражение нашей благоговейной любви. Но разве всё то, что мы предлагаем Богу, не было заключено в этой лучезарной поэме цветов, которые без устали нашептывали сердцу сладкозвучные слова любви, пробуждая скрытые желания, невысказанные надежды и светлые грёзы, что вспыхивают и гаснут, как светляки в тёплую весеннюю ночь?»³

² «Les couleurs et les feuillages avaient une harmonie, une poësie qui se faisait jour dans l'entendement en charmant le regard, comme les phrases musicales réveillent mille souvenirs au fond des coeurs aimants et aimés. Si la couleur est la lumière organisée, ne doit-elle pas avoir un sens comme les combinaisons de l'air ont le leur?» [11, p. 89].

³ «Que donne-t-on à Dieu ? des parfums, de la lumière et des chants, les expressions les plus

¹ «Rudement éprouvée par les tourmentes révolutionnaires, la duchesse de Verneuil avait pris, dans les derniers jours de sa vie, une teinte de pythé passionnée qui versa dans l'âme de son enfant chéri la lumière de l'amour céleste et l'huile de la joie intérieure, pour employer les expressions mûres de Saint-Martin.» [11, p. 42–43].

У Бальзака всё предстаёт в виде любовной игры, выполненной в языке цветов. Его сравнения букетных значений и цветовых смыслов с музыкой и молитвой, которая пропитана ладаном, – своего рода фигура речи. А у Тургенева эти знаки – ладан и музыкальные звуки – становятся живым выражением искренней эмоции. Музыка – не просто знак любви, в ней вся квинтэссенция чувств Лаврецкого, и музыка будто сама пишется его сердцем. Запах ладана говорит о молитвенной повседневности Лизы, прочно соединяясь с её образом.

Образы главных героев – Фёдора Ивановича Лаврецкого и Феликса де Ванденеса – также имеют немало общего. Перед читателем предстаёт тип замкнутого, сосредоточенного и серьёзного человека, высоко ценящего и понимающего дружбу, любовь и простое участие. Главное отличие в образах героев, как нам видится, заключается в их личностном развитии и в самом наполнении характеров. Это принципиальный аспект, который различает двух писателей, как мы считаем. Отличие даёт о себе знать и в вопросе, который касается степени влияния веры героинь на их возлюбленных. Примечательно, что у Бальзака религиозное чувство не передаётся от Анриетты к её другу. В начале романа Феликс не сетовал на свою жизнь, а делал, что мог, старался совершенствоваться и помогать более слабым. Но в конце

йpuries de notre nature. Eh ! bien, tout ce qu'on offre a Dieu n'ait-il pas offert a l'amour dans ce royaume de fleurs lumineuses qui bourdonnait incessamment ses mélodies au coeur, en y caressant des voluptés cachées, des espérances inavouées, des illusions qui s'enflamment et s'iteignent comme des fils de la vierge par une nuit chaude» [11, p. 90–91].

романа он утратил зарождавшуюся при дружбе с Анриеттой веру и оказался целиком во власти сомнений, не знал, как ему жить, потерял ценностные ориентиры: «Я долго размышлял о своей судьбе, спрашивая себя, что же я буду делать после того, как безжалостная смерть скосила все цветы моей души. И я решил посвятить себя политике и науке, вступить на извилистый путь честолубия»¹. Как отмечает Л.А. Симонова, Бальзак развенчивает положительный образ героя, открывая ему путь «вниз» – «путь социального успеха, но духовного поражения, утраты внутренней сути» [8, с. 118].

Лаврецкий же, наоборот, в результате общения с Лизой и во многом под влиянием её искренней религиозности приобрёл необходимую духовную опору. И если в начале романа он не знает, как ему пережить боль, страдания от измены жены, то в конце становится очевидным, что жизненный путь для него проясняется. Герой Тургенева меняется «от сосредоточенности на себе и своём счастье-наслаждении к приятию любви-долга, любви-самопожертвования» [3, с. 365]. Человек обречён переживать вечный разлад между небесным и земным, долгом и чувством. Осознание этого дуализма является неотъемлемым свойством природы человека. И таков тургеневский Лаврецкий. Но Лиза своими простыми словами, что нужно прощать – для того, чтобы тебя простили, и любить – всех, а прежде всех «одного Бога» [9, с. 113], предлагает Лаврецкому простой и яс-

¹ «Je m'iditai longuement sur moi-même, en me demandant ce que j'allais faire après un coup qui fauchait toutes mes fleurs. Je résolus de m'élancer vers la politique et la science, dans les sentiers tortueux de l'ambition» [11, p. 300].

ный взгляд на, казалось бы, совсем померкшую жизнь. Лаврецкий «имел право быть довольным» [9, с. 157], он нашёл себя как личность. Не случайно последние строки романа говорят о его самоотречении, но ввиду пережитой и до сих пор важной для героя любви к Лизе, в то время как Феликс де Ванденес рассуждает о своей карьере и чувственном наслаждении.

Остановимся отдельно на метафоре «лилия долины», значимой в обоих романах. «Перед отъездом Михалевич ещё долго беседовал с Лаврецким, прощил ему гибель, если он не очнётся, умолял его серьёзно заняться бытом своих крестьян, ставил себя в пример, говоря, что он очистился в горниле бед, – и тут же несколько раз назвал себя счастливым человеком, сравнил себя с птицей небесной, с **лилией долины...**» [9, с. 78]. Речь героя содержит немало реминисценций из Евангелия, что отмечено в комментариях к ПССиП Тургенева. Упомянутая Михалевичем лилия, несомненно, евангельский образ: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. ... И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! ... Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф, гл. VI, 26, 28–30, 32–33). Михалевич призывает Лаврецкого к простому труду и вере,

беспрестанному движению и развитию. Для него лень является самой разрушительной силой, поражающей не только тело, но и дух. Поэтому для него неотделимы друг от друга идеи «религии, прогресса и человечности» [9, с. 79]. И Михалевич пытается вселить жизнь в своего друга, встряхнуть, помочь, для чего и прибегает к евангельским образам «лилии долины» и «птиц небесных», пребывающих в благобытии, поскольку они не «маловеры», в отличие от Лаврецкого.

Бальзак даёт своему роману название «Лилия долины». В тексте постоянно повторяется эта метафора, причём также в евангельском ключе. Она вкладывается в уста повествователя и персонажей и сопутствует образу главной героини. Так обнаруживается одно из символических её значений – метафора подчёркивает душевную чистоту и непорочность Анриетты, неспособность её совершить грех, поддаться искушению. Второй смысл тесно переплетается с первым. Если вновь обратиться к Евангелию от Матфея, то становится понятно, что сравнение с лилией говорит не только о прекрасной душе, но и о сложности следованию всем христианским заповедям. «Трава полевая, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь», – говорится о непростой жизни в метафорическом смысле. И Анриетта борется каждый день за физическое здоровье своих слабых детей, за душевное равновесие своего нервного мужа, за свою чистоту и нравственную стойкость. Бог не оставляет её, и она подарком судьбы считает встречу с Феликсом, которая приносит отраду для неё и позволяет забыть обо всех невзгодах хотя бы ненадолго. «Ищите

же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» – такого завета придерживается Анриетта, это её путь, выбранный сердцем. Она старается и возлюбленному передать свои убеждения и ценности. Этот путь выбран и Лизой Калитиной, которая так же «втайне надеялась привести его (Лаврецкого. – А. Е.) к Богу» [9, с. 103].

Судьба главных героинь у Тургенева и Бальзака различна. Анриетта умирает и в разгар болезни сожалеет о былой сдержанности, о том, что осталась верна мужу и не предалась страсти. Чувство Анриетты определяется как нравственное падение, слабость перед искушением, почти преступление перед близкими людьми. Присутствующие осуждают её естественное желание принадлежать любимому. В итоге она умирает от нервной болезни, вызванной невыносимой жизнью с мужем и ударом, который нанёс ей её единственный друг Феликс. «Скорбь заменила удар кинжала. ... Госпожа де Морсоф умирает от какого-то неведомого горя»¹.

Лиза Калитина не умирает, а уходит в монастырь, причём не столько из-за личных невзгод, сколько по внутренним причинам: это закономерный итог её глубокого религиозного чувства. Исполнение долга героиня ищет в прощении, любви и служении Богу. Лиза не порывает связи с миром, оставаясь в жизни Лаврецкого хотя и не физически рядом, но духовно.

Проблема долга и чувства, трагиче-

ское содержание образов главных героев, неразрешимость трагедийной коллизии сближают романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины», которые оба восходят к жанру классического романа-испытания. «Согласно концепции М.М. Бахтина, роман-испытание возникает на “античной почве” и в своей первой разновидности строится на “испытании любовной верности”, а во второй разновидности, восходя к именам мучеников и святых, – на испытании “страданиями и соблазнами”» [6, с. 61]. Заметим, что оба писателя воплощают идею «трагической» любви, но делают это по-разному. Герои Бальзака остаются неизменны, а любовь приносит им лишь несчастье, в то время как герои Тургенева меняются, развиваются. Как справедливо отмечает И.А. Беляева, «ни разлука, ни расстояния не способны лишить Лаврецкого и Лизу того душевно-духовного опыта, который они приобрели в чувстве» [4, с. 14]. Любовь заставляет их пробудиться и встать на новую ступень деятельного саморазвития. Бальзак хотел показать несостоятельность запретов и догм, наложенных христианским учением, а роман Тургенева, наоборот, свидетельствует о том, как они благотворно влияют на людей, если идут непосредственно из человеческого сердца, а не налагаются моральным принуждением. В этом, как нам представляется, заключается принципиальная разница в художественном воплощении схожих сюжетов и тем в романах Тургенева и Бальзака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыкова Л.А. Тургенев-читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орёл: Орловская литература и книгоиздательство, 2005. 234 с.

¹ «Le chagrin a fait l'office du poignard. Madame de Mortsauf meurt de quelque peine inconnue» [11, p. 273].

2. Бальзак О. де. Лилия долины // Собрание сочинений: В 24 т. Т. 8. Этюды о нравах. Сцены провинциальной жизни. М.: Правда, 1960. 440 с.
3. Беляева И.А. «Лишний человек» в поэтике повести и романа И.С. Тургенева // Восьмые международные Виноградовские чтения. Проблемы истории и теории литературы и фольклора. Материалы конференции 23–25 марта 2004 г. / ред.-сост. И.А. Беляева, М.Б. Лоскутникова, И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2004. 483 с.
4. Беляева И.А. Только ли «трагическое значение...»? (К вопросу о философии любви в романах Тургенева) // Спасский вестник. 2013. Вып. 21. С. 8–15.
5. Гроссман Л.П. Театр Тургенева. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1924. 176 с.
6. Евдокимова О.В. Эволюция романа-испытания в творчестве И.С. Тургенева («Дворянское гнездо» – «Дым») // Спасский вестник. 2013. Вып. 21. С. 58–65.
7. Лоскутникова М.Б. Особенности великого национального стиля И.С. Тургенева (на материале романа «Дым») // Тургеневские чтения. 2009. Вып. 4. С. 27–47.
8. Симонова Л.А. Жанровая природа романа О. де Бальзака «Лилия в долине» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 112–120.
9. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. 496 с.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 3. 705 с.
11. Balzac O. Le lys dans la vallée. Paris: Editions Jacques Vautrain, 1927. 306 p.

REFERENCES

1. Balykova L.A. *Turgenev-chitatel'. Po stranitsam memorial'noi biblioteki* [Turgenev as a reader. On the pages of the memorial library]. Orel, Orlovskaya literatura i knigoizdatel'stvo Publ., 2005. 234 p.
2. Balzac H. de. [The Lily of the valley]. In: *Sobranie sochinenii. T. 8. Etyudy o nraakh. Stseny provintsial'noi zhizni* [Collected works. Vol. 8. Sketches of the manners. Scenes of provincial life]. Moscow, Pravda Publ., 1960. 440 p.
3. Belyaeva I.A. [The “odd man” in the poetics of the story and novel of I. Turgenev]. In: *Vos'mye mezhdunarodnye Vinogradovskie chteniya. Problemy istorii i teorii literatury i fol'klora. Materialy konferentsii* [8th international Vinogradov's readings. Problems of history and theory of literature and folklore. The proceedings of the conference]. Moscow, MCPU Publ., 2004. 483 p.
4. Belyaeva I.A. [Is it only “tragic meaning...”? (To the question about philosophy of love in the novels of Turgenev)]. In: *Spasskii vestnik* [Spassky herald], 2013, no. 21, pp. 8–15.
5. Grossman L.P. *Teatr Turgeneva* [Turgenev's Theatre]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1924. 176 p.
6. Evdokimova O.V. [The evolution of novel-test in the works of I. Turgenev (“Noble Nest” – “The Smoke”)]. In: *Spasskii vestnik* [Spassky herald], 2013, no. 21, pp. 58–65.
7. Loskutnikova M.B. [Features of the Grand national style of I. Turgenev (based on the novel “Smoke”)]. In: *Turgenevskie chteniya* [Turgenev's readings], 2009, no. 4, pp. 27–47.
8. Simonova L.A. [The genre nature of the novel of H. de Balzac “Lily in the valley”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2014, no. 4, pp. 112–120.
9. Turgenev I.S. [Noble Nest]. In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Sochineniya: V 12 t.* [Complete works and letters. Works: In 12 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 6. 496 p.

10. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Pis'ma: V 18 t.* [Complete works and letters. Letters: In 18 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1987, vol. 3. 705 p.
11. Balzac O. *Le lys dans la vallée.* Paris, Editions Jacques Vautrain, 1927. 306 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимова Анастасия Андреевна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, младший научный сотрудник ГБУК «Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева»;
e-mail: tryamromashka@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Evdokimova – postgraduate student at the Department of the Russian Literature, Moscow City Pedagogical University; junior researcher of State Budget Cultural Institution «Library-reading room of I. Turgenev»;
e-mail: tryamromashka@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евдокимова А.А. Художественный спор И.С. Тургенева с О. де Бальзаком: романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 107-115

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

FOR CITATION

Evdokimova A.A. Art dispute of I. Turgenev with H. de Balzac: novels «Noble nest» and «The lily of the valley». In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 107-115

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-116-123

«МОЛИТВА В КАМЕРЕ» Л.И. БОРОДИНА КАК ФОРМА ЛИРИЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ АВТОРА

Еремеева Ю.А.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестное стихотворение Л.И. Бородин «Молитва в камере». С помощью герменевтического подхода выявляются особенности лирического психологизма автора в поэтическом тексте, художественные средства выразительности. Прослеживаются традиции стихотворной молитвы в литературе. Особое внимание автора статьи уделено главным жизненным ценностям писателя, заявленным в произведении, а также его религиозному видению, оказавшему влияние на мировоззрение и творчество. Делается вывод о продолжении Л.И. Бородиным молитвенного жанра в литературе.

Ключевые слова: Леонид Бородин, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН), стихотворная молитва, автор, самовыражение.

“PRAYER IN THE CHAMBER” BY L. BORODIN AS A FORM OF THE AUTHOR’S LYRIC SELF-EXPRESSION

J. Eremeeva*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with L. Borodin’s little-known poem “Prayer in the Chamber”. With the help of the hermeneutical approach, features of the lyrical psychology of the author in the poetic text and artistic means of expression are revealed. Traditions of poetic prayer in literature are traced. Particular attention is paid to the writer’s main life values, mentioned in the work, as well as to his religious vision, which influenced the worldview and creativity. A conclusion is drawn that L. Borodin continues the genre of a prayer in literature.

Key words: L. Borodin, All-Russian Social-Christian Union for the Liberation of the People, poetic prayer, author, self-expression.

«Вся русская литература представляет собой непрекращающийся процесс богоискания, стремление к духовному прозрению. Путь человека к Богу сокрыт от посторонних глаз, и у каждого он свой» [7]. Автор этих строк имеет в виду и «всю русскую литературу», и путь конкретного человека, в данном случае писателя В.П. Астафьева, к «духовному прозрению». Эти слова можно отнести и к Леониду Ивановичу Бородину (1938–2011).

Становление Л.И. Бородин как писателя пришлось на период брежневского правления, когда из-за антикоммунистических взглядов и действий советская власть не только не допускала автора до читателя, но и дважды сажала за железную проволоку. Свой первый срок он получил за активное участие во Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа (ВСХСОН). Платформа «антиправительственного объединения середины XX в. была потенциально связана с идейными воззрениями Белого движения 1917–1922 гг.» [5]. Она унаследовала «патриотическую традицию, основанную на православном мировоззрении и национальной русской культуре» [6, с. 37]. Организация была раскрыта, а её члены осуждены. Л.И. Бородин получил 6 лет политлагерей по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда»). Попав в заключение, он начал писать стихи, позже обратился к прозе.

В своих произведениях Л.И. Бородин пытался осмыслить исторические события, собственное бытие, его мировосприятие было устремлено в Горний мир, к познанию Истины, ибо сказано было Христом в Евангелии: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам» (Мф. 7:7). Среди поэтических произведений, созданных узником за колючей проволокой, есть стихотворение, обращённое к Богу, написанное в жанре молитвы. Оно не было напечатано ни в одном издании полностью. Нет его и в архиве писателя, хранящегося в РГБ. Произведение так и осталось бы неизвестным для широкого круга читателей, если бы не прозвучало в записи на вехере, посвящённом памяти Л.И. Боро-

дина, в исполнении самого автора под гитару [2].

Религиозное направление в словесном искусстве «выработало свои устойчивые способы и виды творчества. Все они основаны на духовном, личном общении человека с Богом» [10, с. 53]. Так к жанру поэтической молитвы устремлялись писатели разных эпох¹. А.С. Пушкин за год до смерти в стихотворении «Отцы-пустынники и жёны непорочны ...» обратился к великопостной молитве сирийского святого, христианского поэта Ефрема Сирина, её же переложил на язык стиха и поэт-изгнанник XX в. В.А. Сумбатов. З.Н. Гиппиус обращается к Богу в произведении «Возьми меня» в 1904 г. У А.А. Ахматовой тоже есть «Молитва», написанная в годы Первой мировой войны, в ней чувствуется страх за Родину, за судьбу России. В солженицынской «Молитве» звучит смирение, философское осмысление Божественной любви.

Анализируя молитвы разных писателей, нельзя не отметить, что общение с Богом в религиозном понимании преобразуется у каждого автора в собственную модель художественного переживания религиозной ситуации и отражается в индивидуальном характере духовных поисков. В молитвенном поэтическом жанре больше, чем в каком-либо другом, проявляется внут-

¹ В.А. Котельников в статье «О христианских мотивах у русских поэтов» отмечает: «Потребность “говорить к Богу”, открываться Всевышнему в том или ином жизненном положении, душевном состоянии присуща едва ли не всем русским поэтам. Среди их мирских речей нередко возникает слово, восходящее, или воспаряющее, или рвущееся из души ввысь, к Творцу, как ответ на тихий, но внятный христианскому слуху зов Его» [8].

ренне «я» писателя, которое соединяет его с Творцом и с его учением: «Отче наш, Ты в нас».

Молитва в поэзии Л.И. Бородина – это в первую очередь выражение внутренних переживаний лирического героя¹ (которым является сам автор), надежд на Божью помощь, успокоение тревоги в душе. Его стихотворная молитва строится как монолог:

*О, Боже², мне не спится.
Сквозь сумеречный дым
Войди в мою гробницу
Сиянием златым.*

*Моёму посвящению
Лишь не хватило дня, –
Любви и всепрощению
Ты научи меня.*

*Мне б не устать на смене,
Мне б уловить момент –
Молю глазами в тени,
Коленями в цемент.*

О том, что благ дороже

¹ За основу понятия «лирический герой» в статье берётся суждение Л.Я. Гинзбург, считавшей что «в подлинной лирике всегда присутствует личность поэта, но говорить о лирическом герое имеет смысл тогда, когда она облекается устойчивыми чертами – биографическими, сюжетными. ... Лирический герой не существует в отдельном стихотворении. Это непременно единство если не всего творчества, то периода» [3, с. 144–145].

² В художественной литературе нередко встречается запятая между словами О и Боже (Господи): «Сердечным разбуженный стуком, // О, Боже, твержу я, о, Боже!» (Д. Самойлов «Похожи – стремленьем к разлукам...»); «Встрепнулась и сложила руки, // Зашептав: “О, Боже, где же ты?”» (А.А. Ахматова «По полу лучи луны разлились»); «Ужели в том таиться должен ропот? // Ужели тот, о, Боже! не страдал!» (А.Н. Апухтин «Моё оправдание»). См. [11].

Доныне не просил, –

Откройся мне о, Боже...

Уж больше нету сил. (Курсив и орфография во всех катренах кроме первого мой. Первый катрен см. [12] – Ю. Е.)

Ведущим в этом тексте является лейтмотив «живого», непосредственного общения автора с Господом, выраженный при помощи местоимения *меня*. Произведение начинается с обращения «О, Боже!» – основное объединяющее название трёх ипостасей «Владыко», «Царь» и «Господь». «Молитва» Л.И. Бородина состоит из четырёх катренов. В ней присутствует два мира – внешний и внутренний. Вначале перед нами мир камеры, метафорично названный его гробницей. Важную роль в первых двух строфах играет использованная автором антитеза: в «сумеречный дым» он просит Бога войти «сиянием златым», т. е. осветить этот сумрак.

В изображаемой картине сумерек просматривается отсылка к «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины» [4, с. 43]. И действительно, первый срок Л.И. Бородина выпал на годы, в которые согласно Данте человек подходит к важному жизненному рубежу, когда наступает время подводить первые итоги. Но в отличие от героя поэмы автор молитвы, оказавшись в «сумраке» камеры, за колючей проволокой не утратил «правый путь во тьме» и, осмысливая произошедшее, остался верен собственной дороге и с этой мыслью обратился к родителям: «... верьте, не было другого пути кроме того, который привёл меня к финишу ... Очень хотел бы убе-

дить Вас в том, что Вам не нужно стыдиться меня. Я жил так, как подсказывала мне моя совесть»¹. Л.И. Бородин передал эти строки из камеры на волю через Валерия Нагорного², записавшего их из тюрьмы со стука узника.

Исключительную важность в «Молитве в камере» (со слов дочери Леонида Ивановича, Елены Бородиной, название этого произведения звучит именно так) приобретают как пространственно-временные координаты (сумрак обители-«гробницы» после лагерной смены), так и их описание («глазами в тени», «коленями в цемент»), а также отношение автора к Божественному («войди ... сиянием златым»). Золотой свет в христианстве символизирует откровение, золотое сияние воплощает вечный божественный свет. За ним закреплена своя символика: это и Фаворский свет Преображения, и Свет Божественной славы Иисуса Христа, и свет чистоты Богородицы, и свет милости, благодати, любви, мира, тишины. В Священном писании слово «сияние» употребляется в просьбах человека просветить его относительно Божьей воли: «Освети нас лицом Твоим, дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое» (Пс. 66:2), «Осияй раба Твоего светом лица Твоего и научи меня уставам Твоим» (Пс. 118:135). В добавлен-

¹ Письмо к Бородиным Ивану Захаровичу и Валентине Иосифовне // Арх. РГБ. Ф. 926. Картон. 4. Ед. хр. 16. Л. 1.

² Валерий Нагорный, один из членов ВСХСОН, в 1968 г. был соседом Л. Бородина «по стенке». В своём автобиографическом повествовании «Без выбора» Л. Бородин так вспоминает историю переправки письма: «... отстучал я через стенку коротенькое письмо, которое Валерий намеревался тайно всучить отцу, советскому генералу, для переправки моим родителям» [1, с. 278–279].

ных Л.И. Бородиным эпитетах видна позиция автора. Для писателя «златое сияние» – источник истины, способный рассеять «сумеречный дым», укрепить, закалить веру, прозрение души – «Любви и всепрощенью / Ты научи меня ... откройся мне о, Боже».

В основе всех строк стихотворения лежит трёхстопный ямб. Но в каждом катрене появляются длинные четырёхсложные (сумеречный, сиянием) и пятисложные (посвящению, всепрощения) слова, которые меняют соотношение ударных и безударных слогов, что приводит к пропуску ударения и замедляет ритмический строй. Присмотревшись к схеме, увидим отсутствие регулярности и симметрии в употреблении пиррихий. По-видимому, Л.И. Бородину важно было сделать логическое ударение на том или ином слове или строке в ущерб гармоничному движению строф, выделить их из ряда других, обратить внимание на их дополнительные смысловые значения, библейский стиль. Стихотворная молитва писателя не только обладает глубоким содержанием, но и имеет стройную форму. Душевное состояние лирического героя, его страстное обращение к Господу, искренняя интонация мольбы выражается лексически: употребляются глаголы повелительного наклонения, расположенные в восходящей градации – «войди», «молю», «научи», «откройся», выражающие не тихую просьбу, а страстную мольбу.

Автор использует и синтаксические средства выразительности: односоставные предложения, обращения, придающие впечатление взволнованности и живой речи. Приём аллитерации рождает особый фонетический эффект: частое повторение сонорных

согласных, их стечение (мн / н / сн / см / н / мн / л / м / нт) образует симбиоз с лексической анафорой (мне б / мне б / молю / моему), придаёт лирическому тексту особую мелодичность, повышает эмоциональный характер звучания.

Смысловая нагрузка отдельных слов достигается за счёт согласного *р*, который в первой строфе встречается в единицах языка, наиболее ярко характеризующих камеру: *сумеречный, гробницу*, а далее только в третьем и четвёртом катрене в словах, обращённых к Господу, – *всепрощенью, дорожке, просил, откройся*, также происходит стечение согласных в т. ч. за счёт редукции (*мр / гр / др / пр / ткр*). Исползованные языковые приёмы придают стихотворению энергичную насыщенность и музыкальность, подчёркивают особую выразительность. Таким образом, лексический строй, синтаксис, ритм служат аккомпанементом произведения Л.И. Бородина.

В очерке «Россия, которой не знают» Александра Петрова-Агапова¹ вместе с фрагментами из других лирических произведений Л.И. Бородина есть и первые шесть строк рассмотренной молитвы:

*О, Боже, мне не спится.
Сквозь сумеречный дым*

¹ Александр Александрович Петров-Агапов (настоящая фамилия Петров, 1921–1986) – поэт, прозаик, диссидент. «В 1968 г. за самиздатовский сборник религиозных стихов Петров получил срок ... “за антисоветскую агитацию и пропаганду”. Из зоны строгого режима в Мордовии он сумел переправить на Запад очерк «Россия, которой не знают» – о деятельности антисоветской организации “Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа”» [12, с. 582].

*Войди в мою гробницу
Сияньем золотым.
Любовь твоя пусть множит
Страдания мои ...* [7] (Сохранена, предположительно, орфография составителя).

Приведённые Петровым-Агаповым две последние строки, которых нет в основном тексте молитвы, позволяют судить о том, что Л.И. Бородин не только не отступил от христианской веры, но и молится тому, чтобы через страдания просветиться и теснее соединиться с Господом. Осознавая себя несовершенной богозданной личностью, во время самозабвенного общения с Мудростью Господа он стремится с любовью, смиренно исполнить высший Промысел, потому, как сказано в Евангелие: «Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Матф. 5:18).

Доктор филологических наук, председатель оргкомитета конференции «Икона в русской словесности и культуре» В.В. Лепахин отмечает, что «православные защитники Истины подняли богословие на уровень богословно-поэтического творчества, а поэзии указали её призвание и истинное предназначение – в порыве вдохновения свыше стать богословием. Ибо всё от Бога: и вдохновение, и мысли, и слова, и ритм, и форма. Всё от Него, и всё к Нему» [9]. В статье «Богословие и поэзия» он утверждает, что в противном случае «поэзия не исполняет своего истинного высшего призвания» [9]. Это суждение созвучно позиции автора «Молитвы в камере», считающего, что «для подлинно воцер-

ковлённого человека главная истина о мире – вся в нескольких текстах. Всё прочее он [человек] рассматривает как попытки (удачные или не очень) комментария и толкования Творения» [1, с. 413].

В 2002 г. Л.И. Бородину была оказана честь, он был награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени Русской Православной Церкви. В ходатайстве её представителей на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II содержалась высокая оценка деятель-

ности писателя: «Дважды репрессированный безбожной коммунистической властью в период с 1967 по 1987 г., [он] мужественно нёс свой крест, находясь в тюрьмах и лагерях за Святую православную Русь, за возрождение русского самосознания».

Итак, анализ молитвы как поэтической формы выражения авторского лиризма позволяет утверждать, что писатель с помощью духовного наполнения слова выражал истинное служение Господу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин Л.И. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Москва, 2013. Т. 6. 592 с.
2. Вечер памяти Леонида Бородина [Электронный ресурс] // YouTube : [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2146&v=-seQf0Ev1A (дата обращения: 10.01.2018)
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 407 с.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. 768 с.
5. Еремеева Ю.А., Щедрина Н.М. Мировоззренческое credo автора в стихотворении Л. Бородина «Психическая атака» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 66–71.
6. Иванов И. Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения. М.: Традиция, 2015. 376 с.
7. Карасева Э.Л. Православные мотивы в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 176–181.
8. Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов // Литература в школе. 1994. № 3. С. 3–10.
9. Лепахин В.В. Богословие и поэзия [Электронный ресурс] // Международный клуб православных литераторов «Омилия»: [сайт]. URL: <https://omiliya.org/article/bogoslovie-i-poeziya-valeriy-lepakhin> (дата обращения: 27.01.2018).
10. Моторин А.В. Теория русской словесности. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2013. 300 с.
11. Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус [Электронный ресурс]. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=poetic&sort=gr_tagging&ext=10&nodia=1&req=%EE%20%E1%EE%E6%E5&p=1 (дата обращения: 02.02.2018).
12. Петров-Агапов А.А. Россия, которой не знают // Посев. 1971. № 3. С. 20–27.

REFERENCES

1. Borodin L.I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Moskva Publ., 2013. Vol. 6. 592 p.
2. [An evening in memory of Leonid Borodin]. In: *YouTube*. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2146&v=-seQf0Ev1A (accessed: 10.01.2018).
3. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Moscow, Intrada Publ., 1997. 407 p.
4. Dante Alighieri. *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 768 p.
5. Eremeeva J.A., Shchedrina N.M. [Ideological credo of the author's poem L. Borodin's "Psychic Attack"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 2, pp. 66–71.
6. Ivanov I. *Russkoe podpol'e. Puti i sud'by sotsial-khristianskogo dvizheniya* [The Russian underground. The path and fate of the Social-Christian movement]. Moscow, Traditsiya Publ., 2015. 376 p.
7. Karaseva E.L. [The Orthodox motifs in the novel by V. Astafiev "Damned and killed"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2010, no. 3, pp. 176–181.
8. Kotel'nikov V.A. [On Christian motives in the Russian poetry]. In: *Literatura v shkole* [Literature at school], 1994, no. 3, pp. 3–10.
9. Lepakhin V.V. [Theology and poetry]. In: *Mezhdunarodnyi klub pravoslavnykh literatorov "Omiliya"* [The international club of Orthodox writers "Amelia"]. Available at: <https://omiliya.org/article/bogoslovie-i-poeziya-valeriy-lepakhin> (accessed: 27.01.2018).
10. Motorin A.V. *Teoriya russkoi slovesnosti* [The theory of Russian literature]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2013. 300 p.
11. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. Poeticheskii korpus* [National corpus of the Russian language. Poetic case]. Available at: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=poetic&sort=gr_tagging&ext=10&nodia=1&req=%EE%20%E1%EE%E6%E5&p=1 (accessed: 02.02.2018).
12. Petrov-Agapov A.A. [Russia, which they do not know]. In: *Posev* [Sowing], 1971, no. 3, pp. 20–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Еремеева Юлия Александровна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: yul.eremeewa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia A. Eremeeva – postgraduate student at the Department of the Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University,
e-mail: yul.eremeewa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Еремеева Ю.А. «Молитва в камере» Л.И. Бородин как форма лирического самовыражения автора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 116-123

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-116-123

FOR CITATION

Eremeeva J.A. "prayer in the chamber" by L. Borodin as a form of the author's lyric self-expression. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 116-123

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-116-123

УДК 821.161.1.09Чехов

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-124-137

ВЗГЛЯДЫ А.П. ЧЕХОВА НА ВОСПИТАНИЕ И РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХАРАКТЕРА РЕБЁНКА

Кеклюдже Нури*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается отношение А.П. Чехова к проблеме воспитания детей и воспитательной роли художественной литературы. На базе биографических данных и воспоминаний близких писателя показано, как сформировались взгляды Чехова на воспитание, как собственные детские впечатления писателя повлияли на его отношение к религиозному воспитанию и применению в воспитании телесных наказаний. Автор прослеживает, как писатель пытался найти баланс между развитием личности ребёнка и воздействием на воспитание окружающей среды, прежде всего семейной. Дан краткий анализ произведений Чехова для детей и о детях, его дневниковых записей и писем, посвящённых воспитанию. В результате анализа определены основные черты, которыми, по мнению Чехова, должны обладать произведения для детей. Отмечено, насколько важную роль в воспитании детей отводил Чехов приключенческой литературе и произведениям о животных.

Ключевые слова: Чехов, воспитание, воспитанный человек, детская литература, воспитание детей.

ANTON CHEKHOV'S VIEWS ON EDUCATION AND THE ROLE OF LITERATURE IN CHILD'S UPBRINGING

N. Kokluce*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the attitude of Chekhov to the problem of the upbringing of children and the educational role of literature. Based on the biographical data and memoirs of his relatives and friends, it is shown how Chekhov's views on education formed, how his own childhood impressions influenced his attitude to religious education and the use of corporal punishment in education. The author traces how the writer tried to find a balance between the development of the child's personality and the impact on the upbringing of the environment, especially the family environment. A brief analysis of Chekhov's works for children and about children, his diaries, and letters devoted to education is given. As a result of the analysis there have been identified the main features that, according to Chekhov, the works for children should have. It is shown that Chekhov assigned a very important role in the upbringing of children to adventure literature and works about animals.

Key words: Chekhov, upbringing, education of children, educated person, children's literature.

В отечественном и зарубежном литературоведении тема воспитательной силы литературы широко обсуждается на протяжении нескольких веков. В.Г. Белинский считал художественную литературу важнейшим средством всестороннего воспитания личности, Чернышевский и Добролюбов придавали большое значение идейности автора, считая, что литература должна быть проводником идей, стимулировать умственную и нравственную жизнь человека. Не остался в стороне от проблем воспитания и А.П. Чехов. Несмотря на большую популярность воспитательной тематики, наследие Чехова как просветителя и гуманиста не было в полной мере оценено его современниками, так как оно намного опередило своё время. Воспитательные аспекты творчества Чехова, проблемы взаимоотношений отцов и детей не раз поднимались в литературоведении, например, их анализ представлен в работах исследователей и чеховедов Л.П. Громова, И.П. Лыкова, Н.А. Тимофеева, А.П. Чудакова, Л.Е. Бушканец, А.К. Базиливской, Р. Гржибковой, В.Т. Романенко, Е.А. Серебрякова, В.О. Германова, В.П. Альбова, В.Я. Линкова и др. Однако исследования носят, в основном, этико-психологический характер, не затрагивая анализ проблемы воспитания в рассказах с учётом личных воспоминаний писателя и не учитывая социальный ракурс воспитательного потенциала произведений А.П. Чехова. Недостаточно также исследованы новаторские взгляды писателя на гендерные аспекты воспитания и роль самовоспитания в развитии личности. Даже в наше время некоторые взгляды писателя на проблемы воспитания можно считать передовыми, поэтому данную тему нельзя считать исчерпанной.

Рассмотрим три аспекта проблемы воспитания при изучении жизни и творчества А.П. Чехова: взгляды Чехова на воспитание и воспитанность, выраженные им в личных письмах и дневниковых записях; воспитательный потенциал произведений писателя, созданных им как для детей, так и для взрослых; отношение А.П. Чехова к роли литературы в процессе воспитания и, в частности, к роли детской литературы.

Именно в собственной семье в раннем детстве человек получает тот незаменимый опыт, который закладывает основы его поведения как родителя и его отношения к детям. А.П. Чехов воспитывался в традиционной патриархальной семье, построенной по домостроевскому образцу. По канонам «Домостроя» детей предписывалось воспитывать с помощью физического воздействия и в страхе перед богом [7, с. 29–30]. Отец Антона Павел Егорович был человек строгий, авторитарный и до фанатичности религиозный.

Основными занятиями юного Чехова и его братьев была работа в лавке отца и пение в церковном хоре, которым руководил отец. В письме литератору Щеглову 9 марта 1892 г. Чехов рассказывает, что он и его братья получили в детстве религиозное воспитание, ходили в церковь и пели в церковном хоре, что вызывало у окружающих умиление и зависть к его родителям, а сами они чувствовали себя «маленькими каторжниками». В результате такого воспитания Чехов писал, что собственное детство представляется ему довольно мрачным, а религии теперь у него нет [13, т. 5, с. 20].

Чехов признавал нравственно правильными ценностные приоритеты

христианства. Брат Чехова вспоминал, что ни одну Пасхальную ночь писатель не провёл дома, был на Пасхальных службах, в Мелихово был инициатором богослужений с участием всех жителей деревни. Однако, испытав на себе суровый образец семейного воспитания вместе со строгостью и формальностью гимназии, Чехов и в своём творчестве, и в личной жизни решительно выступал против любых проявлений деспотизма и излишней религиозности в воспитании детей, считая, что всё это не даёт ребёнку свободно развиваться и утверждаться как личность. Сам писатель так писал о детях в письме своему брату Александру: «Дети святы и чисты ... Нельзя безнаказанно похабничать в их присутствии ... нельзя делать их игрушкой своего настроения ...» [13, т. 3, с. 120]. В письме А.С. Суворину от 17 марта 1892 г. он отмечает, что «в так называемом религиозном воспитании не обходится дело без ширмочки, которая недоступна оку постороннего. За ширмочкой истязуют, а по сю сторону её улыбаются и умиляются. Недаром из семинарий и духовных училищ вышло столько атеистов» [13, т. 5, с. 25].

В своём творчестве А.П. Чехов пытался найти баланс между самостоятельностью, развитием личности ребёнка и воздействием на это развитие окружающей среды, прежде всего семейной. Именно в семье, считал Чехов, формируется характер ребёнка. В некоторых произведениях проблема ответственности отцов за воспитание своих детей и проблема почтения детьми своего отца представлены не только на социальном, но и на духовном уровне. Положительные и гармоничные отношения между отцами и деть-

ми представлены Чеховым в рассказах «Анна на шее», «Отец», «Старый дом», «Чёрный монах».

Чехов очень высоко ценил родительский труд и детолюбие, именно за это он был чрезвычайно благодарен собственным родителям: «Отец и мать единственные для меня люди на всём земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дела их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни» [13, т. 1, с. 24–26].

Часто взгляды родителей на воспитание детей основаны на их собственном опыте. Например, в семье самих Чеховых отец Павел Егорович был сторонником телесных наказаний. Но откуда взялся такой образец воспитания? В очерке «Антон Павлович Чехов-лавочник» брат Антона – Александр Чехов – писал, что по природе их отец был вовсе не злой, а, скорее, добрый человек, «но его жизнь сложилась так, что его с самых пелёнок драли и в конце концов заставили уверовать в то, что без лозы воспитать человека невозможно» [15, с. 31]. В воспоминаниях об А.П. Чехове Вл.И. Немирович-Данченко упомянул, что Антон Павлович не мог простить отцу постоянную порку, считал это недопустимым в воспитании детей [11, с. 15]. Кстати, и сам Павел Егорович жалел об этом в пожилом возрасте, когда жил на содержании у своего сына Антона [15, с. 31].

Психологи считают, что модель поведения как супруга и родителя человек строит на основе модели семьи своих родителей и воспитания в собственной семье. При этом он либо

полностью копирует данную модель и воспроизводит её в собственной семье, либо полностью её отрицает. Чехов, скорее, отрицает домостроевскую модель воспитания, показывая в нелюбимом свете образы авторитарных отцов-самодуров. Например, образец домостроевской семьи по типу семьи в детстве самого писателя можно увидеть в рассказах «Отец семейства» (1885) и «Тяжёлые люди» (1886). В рассказе показаны образы авторитарных властных отцов, тихих незаметных матерей, бесправных несчастных детей. Несмотря на описание различных сословий, в «Отце семейства» показана дворянская семья, в «Тяжёлых людях» – семья мещан, поведение глав семей в обеих семьях одинаково по своей эгоистичности и давлению на домочадцев. В «Тяжёлых людях» сын вынужден выпрашивать у отца деньги на дорогу к месту учёбы, отец не даёт деньги, оскорбляет и попрекает сына, ему нравится, что все члены семьи находятся в его власти, материально зависят от него. Аналогично ведёт себя герой рассказа «Отец семейства» (1885), который после неудачного дня вымещает свою злобу на домочадцах, в том числе терроризирует своего семилетнего сына, угрожая высечь его, а на следующий день ведёт себя как ни в чем не бывало, предлагает ему обнять своего отца [14, т. 4, с. 114].

Исследователи творчества Чехова, в том числе зарубежные, отмечают необыкновенную «пессимистичность» Чехова в изображении семей и семейной жизни, образ «несчастной семьи», «неудачного супружества» стал нарицательным при упоминании имени писателя. В несчастной семье очень проблематично дать детям достойное воспитание [19].

Тема воспитания, прежде всего семейного, тема передачи опыта от поколения поколению всегда интересовала А.П. Чехова. Его первая крупная литературная работа – пьеса «Безотцовщина», написанная ещё в гимназические годы в 1877–1878 гг. Уже само название пьесы говорит о том, что речь в ней пойдёт в русле тургеневской тематики отцов и детей. Действительно, юный Антон попытался объединить мотивы классических сюжетов о дворянских усадьбах, страсти шекспировских трагедий с тогдашней реальностью. В «Безотцовщине» показана деградация семейных отношений в новых экономических условиях, духовный разлад, апатия, подмена истинных семейных ценностей либеральной идеологией [1, с. 230]. Это пьеса об одиночестве и духовном «сиротстве», о сострадательном и всепрощающем женском воспитании, «непротивлении злу», отсутствии отцовской суровой требовательности.

На молодого Чехова повлияло творчество Ф.М. Достоевского, который в дневниках 1876–1877 гг. писал о молодых людях из так называемых либеральных семейств, об отсутствии «общей связующей общество и семейство идеи»: «... эти ленивые, если только богаты, исполняют даже всё как следует: одевают детей хорошо, кормят хорошо, нанимают гувернанток ..., но... отца тут не было, семейства не было ... Дети вспоминают до глубокой старости малодушие отцов, ссоры в семействах, споры, обвинения, горькие попреки и даже проклятия на них, на лишние рты, ... подлость отцов, низкие поступки из-за достижения мест, денег, гадкие интриги и гнусное раболепство» [8, с. 210–211].

О себе Чехов говорил, что написал для детей только пару сказок из собачей жизни («Каштанка» и «Белолобый») и вообще писать для детей он не умеет и так называемой детской литературы не любит и не признаёт [6]. Под «так называемой детской литературой» Чехов имел в виду поучающие сентиментальные произведения того времени для детей, на которые он даже написал пародию в 1882 г. под названием «Сборник для детей», где со свойственным ему остроумием высмеял фальшь и лицемерие, излишнюю навязчивую поучительность низкопробной детской литературы: «Милые и дорогие дети! Только тот счастлив в этой жизни, кто честен и справедлив. Мерзавцы и подлецы не могут быть счастливы, а потому будьте честны и справедливы ...» [14, т. 2, с. 280].

Нелепые сюжеты многих произведений детской литературы пародируются Чеховым и в юмореске «Сапоги всмятку» (1886). В этом рассказе описывается жизнь семьи с четырьмя детьми. Изображение «самого лучшего сына» Гриши даётся Чеховым в духе пародии на буржуазную детскую литературу: «Самый лучший мальчик был Гриша, который слушался папу и маму, хорошо учился и помогал бедным ... За это он не в пример прочим раскрашен здесь. Если, дети, и вы будете хорошо вести себя, то и вас будут раскрашивать красками» [14, т. 18, с. 17].

Чехов был солидарен в вопросах воспитания с Белинским, который считал, что вместо моральных поучений детям нужно давать конкретные образцы поведения без пошлой морали: «... заставляйте их любить добро для самого добра, а не из награды, не

из выгоды быть добрыми ... Покажите им хорошее, не называя его даже хорошим, но так, чтоб дети сами, своим чувством, поняли, что это хорошо ...» [3, с. 113]

В письме своему однокурснику и другу психологу Г.И. Россолимо от 21 января 1900 г. Чехов пишет, что для детей не обязательно сочинять отдельные произведения, а надо выбирать из уже существующих художественных произведений для взрослых. В качестве примера он приводит сказки Андерсена, произведения Гоголя, приключенческий роман «Фрегат Паллада». По мнению писателя, «уметь выбрать лекарство и дозировать его – это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребёнок» [13, т. 9, с. 19].

Важным в воспитании детей Чехов считал наличие рядом с ними животных. Не случайно героями его произведений, которые он сам считал написанными специально для детей, выступают животные. Куприн в воспоминаниях о Чехове пишет: «Антон Павлович очень любил всех животных ... Собаки же пользовались его особым расположением. О покойной Каштанке, о мелиховских таксах Броне и Хине он вспомнил так тепло и в таких выражениях, как вспоминал об умерших друзьях» [9, с. 424]. Воспитательная роль животных, по мнению Чехова, заключается в том, что они учат бескорыстной и преданной любви и верности. В рассказе «Событие» есть авторское размышление: «В воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благотворную роль ... Мне даже иногда кажется, что терпение,

верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребёнка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации ...» [14, т. 5, с. 425].

Рассказы о животных воспитывают в детях любовь к ним, показывают ценность преданности и дружбы, учат детей состраданию. К тому же сказочные антропоморфные сюжеты очень привлекательны для детей, в них занимательность сочетается с ёмким моральным и воспитательным содержанием. Не менее значимым было для Антона Павловича разнообразить детские произведения красочными иллюстрациями, ведь дети воспринимают всё визуально, рассматривая картинки. Поэтому к выпуску рассказа «Каштанка» отдельной книгой с иллюстрациями он привлёк художника Степанова.

Кроме «сказок из собачьей жизни», написанных Чеховым специально для детей, отдельные его рассказы о детях также могут представлять интерес для детского чтения, хотя читать их детям трудно, так как они слишком сложны, слишком «психологичны» и полны намёков. Всего Чеховым написано около двадцати рассказов, где главными героями являются дети. Но написаны эти рассказы, скорее, для взрослых, чтобы привлечь внимание общества к нелёгкой судьбе обездоленных детей, особенно детей-сирот, ведущих тяжёлую и совсем «недетскую» жизнь («Ванька» (1886), «Спать хочется» (1888), «Степь» (1888), «Устрицы» (1884), «Беглец» (1887) и др.). Хотя во всех рассказах присутствует доля юмора, что облегчает их чтение, всё-таки сама фабула некоторых рассказов слишком мрачная. Другое дело – юмористические рассказы писателя, такие как «Пересолил»

(1885), «Мальчишки» (1887), «Хирургия» (1884), «Лошадиная фамилия» (1885), «Злоумышленник» (1885), «Хамелеон» (1884), «Толстый и тонкий» (1883), которые дети читают с удовольствием.

В рассказе «Мальчишки» (1887) показана страсть к приключениям и романтике. Чехов писал в статье, посвящённой умершему в 1888 г. путешественнику Н.М. Пржевальскому: «Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или в Африку совершать подвиги – это шалость, но не простая ... это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига». В публицистической статье мы видим размышления Чехова о «людях подвига, веры и ясно сознанной цели», о «громадном воспитательном значении» их деятельности и о том, что в современном обществе «подвижники нужны, как солнце ..., такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребёнка» [14, т. 16, с. 236].

Чехову был очень важен аспект романтики в воспитании, он считал это необходимым для каждого ребёнка. И в этом, по мнению писателя, несомненно может помочь приключенческая литература. Хорошо, когда в детстве человек мечтает о чём-то великом, необыкновенном, о приключениях и поисках сокровищ, строит планы. Жаль, что обычно эти мечты разбиваются о реальную жизнь. Но главное, хотя бы попытаться, ведь взрослые часто из-за страха или лени отказываются от своих стремлений. Чехов уважал людей, имеющих в жизни высокие цели и

идеалы, стремящихся к чему-то новому, а не просто лениво проживающих жизнь в безделье, сидя в мещанском «болоте».

В рассказах Чехова о детях мы видим детей разного возраста, писатель попытался выяснить, какие особенности воспитания необходимы для каждого из периодов развития ребёнка [18, с. 159–168]. В воспитании детей, по мнению Чехова, необходимо учитывать своеобразие внутреннего мира ребёнка. Детский взгляд на мир – это специфическое представление, яркие картины, краткие события. Мышление у детей скорее образное, чем логическое. Победа образного над логическим, сказки над реальностью показана Чеховым в рассказе «Дома» (1887). Отцу удаётся достучаться до семилетнего сына, только рассказав ему сказку о царевиче, который курил, от чего умер и сделал несчастным своего отца царя и брошенным государство. Мир ребёнка, сказочный, живой и красочный отличается от мира взрослых с его правилами и принципами [2, с. 13].

Особенно интересовал Чехова младший школьный возраст, когда детям семь–десять лет. Именно такого возраста большинство его героев-детей. Этот возраст писатель считал переломным в формировании детского характера. Ребёнок уже достаточно взрослый и способен понимать многие вещи, он выходит из семейной среды и впервые сталкивается с влиянием на него общественной среды, например, в учебном заведении. Его уже не нужно повсюду водить за руку, он сам может пойти и в церковь, как, например, герой рассказа «На страстной неделе» (1887), и даже трудиться как настоящий взрослый, как в рассказе «Ванька» (1886).

В рассказах Чехова мы видим, как воздействует на детей семейная среда и та бытовая обстановка, в которой им выпало жить. Чехов на собственном опыте убедился в том, как крепко оседают в душе ребёнка изо дня в день повторяющиеся впечатления. Недаром прочные навыки, создаваемые под влиянием традиционного мещанского быта, Чехов называл духовным «рабством». Для Чехова воспитание, полученное людьми в раннем детстве в семье, причём даже в очень богатых семьях, часто оказывается бесполезным, несмотря на все усилия родителей, о чём он писал в записных книжках: «Отец генерал известный, хорошие картины, дорогая мебель; он умер; дочери его получили воспитание, но нечистоплотны внешне, читают мало, ездят верхом, скучны» [14, т. 17, с. 95]. «Воспитание. “Жуйте как следует”, – говорил отец. И жевали хорошо, и гуляли по два часа в сутки, и умывались холодной водой, всё же вышли несчастные, бездарные люди» [14, т. 17, с. 76]. В пьесе «Три сестры» есть размышления автора о жизни богатых семей, вложенные в уста Андрея Прозорова: «Только едят, пьют, спят, потом умирают, рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь гадкой сплетней, водкой, картами. Неотразимо пошлое влияние гнетёт детей, и искра божия в них гаснет, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери ...» [14, т. 13, с. 182]. В рассказе «Несчастье» Чехов показывает, что воспитание (семейные основы, роль в обществе) мало дало героине: «... рождение, воспитание и жизнь не дали ей ничего, на что бы она могла опереться»

[14, т. 5, с. 258], он демонстрирует беззащитность человека перед равнодушным, бессмысленным миром [12].

Таким образом, в своих произведениях Чехов поднимает проблемы воспитания детей, показывая социальный ракурс этих проблем. Во всех сословиях воспитание детей имеет свои проблемы. В бедных крестьянских семьях дети не обучаются грамоте, не ходят в школу, так как с малых лет начинают трудиться в полях или на фабриках или же отсылаются на так называемое «обучение» к мастеровым, по сути попадая в рабство, подвергаясь постоянным унижениям и побоям, при этом особенно тяжело детям-сиротам из бедных семей. В семьях буржуазии (мещан) господствует домострой, диктат отца, сытая однообразная жизнь подавляет в ребёнке всякие устремления. В дворянских семьях воспитание детей отдано нянькам и гувернёрам, родители заняты своими делами, иногда детей отсылают к родственникам (дядюшкам, тётям) в другой город или в пансион и воспитательные дома (последнее было особенно характерно для незаконнорожденных детей, каких в дворянской среде было немало). Хотя в богатых семьях дети редко подвергались физическому насилию, но есть ещё и насилие психологическое или просто недостаток внимания и равнодушие. В этом случае неблагополучие в семейной жизни выражается не в притеснении, издевательствах, а в отчуждении, равнодушии и взаимном непонимании [10, с. 87].

Самое лучшее воспитание – это воспитание собственным примером. Ведь дети склонны копировать поведение родителей, мальчик Серёжа («Дома») не просто так закурил, а потому что

курил папа. О важности «воспитание примером» писал Чехов в письме брату Александру в октябре 1883: «Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. Чистое бельё, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу... – всё это погубит девочку в первые же годы. На ребёнка прежде всего действует внешность, а вами чертовски унижена бедная внешняя форма» [13, т. 1, с. 89].

На Чехова оказывали влияние идеи западных просветителей, например, он был в восторге от книги английского философа Г. Спенсера «Воспитание умственное, нравственное и физическое» [5]. В 1883 г. он писал брату Александру: «... воспитание мешает природе. Отличная статья Спенсера» [13, т. 1, с. 66]. Спенсер критиковал современное воспитание, заключавшееся в навязывании догм и норм поведения, говорил о «естественном методе», «самовоспитании», о чрезмерной родительской власти, необходимости дружеских отношений между детьми и родителями.

Л.Е. Бушканец в своём исследовании отмечает, что на мировоззрение Чехова в вопросах воспитания оказала влияние литературная традиция «воспитательного романа» [4], которая предполагала два пути воспитания человека: становление личности под руководством учителя, наставника, ментора или воспитание на основе жизненного опыта, школа жизни. Воспитательная традиция, в том числе литература о воспитании, рассматривала детство, отрочество и юность человека. Считалось, что в зрелом возрасте человек как уже сложившаяся личность не способен к перевоспитанию.

Чехов пересматривает концепцию воспитания, приходя к выводу, что зрелость также является важным возрастом для воспитания и самовоспитания человека, особенно если в детстве человек не получил достаточного внимания и воспитания. В противоположность традиционным взглядам просветителей, развитие человека по Чехову строится в результате сознательной работы личности над собой, при этом толчком к такому самовоспитанию может стать кризис, пережитый в детстве и молодости. Зрелость для Чехова не является периодом подведения итогов жизни, а остаётся таким же активным периодом для становления и развития личности, как и детство, отрочество, юность. Главное преимущество зрелости – сознательное поведение человека в стремлении к самовоспитанию.

Некоторые критики обвиняли Чехова, что он в своих произведениях не рисует полной картины процесса перевоспитания человека жизнью, эволюции нравственного чувства, а даёт только слабые намёки на душевные движения [16, с. 233].

Известный чеховед А.П. Чудаков отмечает равнозначность для художественной системы Чехова внутреннего и внешнего облика человека, «изображение в человеке всей совокупности его предметного и духовного, тесное взаимодействие идеи с вещным миром» [16, с. 267]. Равноценность духовного и физического для образа воспитанного человека постоянно подчёркивается в монологах героев Чехова, например, самый известный из них, ставший крылатым выражением, – монолог доктора Астрова в пьесе «Дядя Ваня»: «В человеке должно

быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» [14].

В монологе Пети Трофимова из «Вишнёвого сада» среди отрицательных характеристик некоторых представителей интеллигенции перечислены как духовные, так и материальные: «Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят “ты”, с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьёзно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало ..., живут как дикари: ... спят в грязи, в духоте, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота ...» [14, т. 13, с. 223]

Чехов часто обсуждал проблемы воспитания со своими братьями, иногда даже «воспитывал» своих старших братьев, Николая и Александра, указывая им на недостатки в их поведении, недостойные, по его мнению, воспитанного человека. Например, обеспокоенный излишне беспорядочным образом жизни старшего брата Николая, Антон Павлович написал ему в марте 1886 г. письмо, где перечислил черты воспитанного человека. Хотя Чехов адресует перечень конкретно брату Николаю, недовольный его поведением, но практически все черты можно рассматривать как универсальные характеристики воспитанности, среди которых: уважать человеческую личность, быть снисходительным, мягким, вежливым, уступчивым; быть сострадательным, помогать близким; платить долги; не лгать даже в пустяках; не рисоваться, держать себя на улице, как дома; не уничивать себя с целью вызвать в другом сочувствие; уважать свой талант, не разменивать его на женщин, вино, суету, знаком-

ства со знаменитостями; воспитывать в себе эстетику (не жить в грязи, не спать в одежде); укротить половой инстинкт; не злоупотреблять спиртным [13, т. 1, с. 223–224].

Чехов отмечал, что только хорошего образования человеку недостаточно. Чтобы воспитывать в себе культуру и нравственность, необходима постоянная работа над собой, стремление к новым достижениям, нежелание останавливаться на достигнутом: «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля ... Тут дорог каждый час ...» [13, т. 1, с. 225].

Своей жизнью и творчеством А.П. Чехов показал пример постоянного самовоспитания, нравственного и творческого совершенствования. К.И. Чуковский вспоминал: «“Дрессировать”, воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные требования и строго следить за тем, чтобы они были выполнены, – это основное содержание его жизни, и эту роль он любил больше всего – роль собственного своего воспитателя. Только этим путём он и добыл нравственную свою красоту – путём упорного труда над собой» [17, с. 54]. В Чехове мы видим человека, победившего собственную природу и инстинкты, издержки авторитарного, подчас деспотичного семейного воспитания, видим человека, воспитавшего самого себя не только ради себя самого. В самовоспитании он видел «долг каждого человека перед всеми другими людьми, так как общее благо, по его убеждению, в значительной мере зависит от личного благородства людей» [17, с. 57].

Чехов был безусловным новатором в вопросах воспитания, даже для

нашего времени некоторые его идеи о воспитании кажутся чрезвычайно прогрессивными, что говорить о восприятии этих идей современниками писателя. В качестве примера можно привести мнение писателя о недостатках женского воспитания. В позднем периоде творчества А.П. Чехов видит причины гендерного неравенства не в биологической и физической природе мужчин и женщин, а в отсутствии равных возможностей и доступа к образованию. Так, в рассказе «Ариадна» писатель критикует систему воспитания девушек в семьях привилегированных классов, рисуя образ героини, внешне обаятельной, но морально порочной. Отрицательные черты характера Ариадны явились результатом паразитического существования и специфического женского воспитания в дворянско-буржуазном обществе. В рассказе утверждается мысль о необходимости коренных изменений в воспитании женщин: «Внушайте девочке с пелёнок, что мужчина прежде всего не кавалер и не жених, а её ближний, равный ей во всем», «не уверяйте её, что её мозг весит меньше мужского и что поэтому она может быть равнодушна к наукам, искусствам, вообще культурным задачам ...», в том числе прогрессивная и утопическая для того времени мысль о совместном обучении мальчиков и девочек, о равноправии полов в бытовой жизни: «если мужчина подаёт даме стул или поднимает оброненный платок, то пусть и она платит ему тем же» [14].

Не только гендерное неравенство можно преодолеть образованием и воспитанием, культурным развитием и совершенствованием, но и неравенство социальное, сословное. Один из героев

рассказа «Три года» выражает чеховскую мысль о воспитании: «Вследствие разности климатов, энергий, вкусов, возрастов, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человек может сделать это неравенство безвредным так же, как он уже сделал это с болотами и медведями. Достиг же один учёный того, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми. Жизнь идёт всё вперёд и вперёд, культура делает громадные успехи на наших глазах, и, очевидно, настанет время, когда, например, нынешнее положение фабричных рабочих будет представляться таким же абсурдом, как нам теперь крепостное право, когда меняли девок на собак» [14].

Мы видим, что Антон Павлович всю жизнь пытался найти ответ на вопрос, который извечно интересовал писателей – вопрос о воспитании молодого поколения и той роли, которую должна играть в этом воспитании художественная литература. Чехов затрагивал проблемы воспитания детей не только в своих произведениях и в пародиях на детскую литературу того

времени, но и в своих письмах, а также в дневниках и записных книжках. В произведениях для детей Чехов ценил занимательность, красочность иллюстраций, сказочность сюжета, простой и понятный язык, отсутствие навязчивой назидательности. Большую роль писатель отводил приключенческой литературе и произведениям о животных. В воспитании детей А.П. Чехов выступал против деспотизма и жестокости, он также был противником излишней религиозности. Новаторской идеей писателя была поддержка гендерного равенства в образовании и воспитании, он выступал за совместное равноценное обучение и воспитание независимо от пола. Чехов не ограничивал период воспитания только детским возрастом и юностью, считая, что и в зрелом возрасте человек способен к самовоспитанию и самосовершенствованию. Основными чертами воспитанного человека писатель считал честность, вежливость, уважительное отношение к другим людям, сострадательность, готовность помочь более слабым, стремление к творчеству и к высшим идеалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина И.В. Человек и действительность в пьесе А.П. Чехова «Безотцовщина» // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1(51) С. 226–234.
2. Базилевская А.К. Тема детства в рассказах А.П. Чехова: этико-психологические аспекты // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 6–15.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959. Т. 2. 766 с.
4. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и традиции европейского романа воспитания // Филология и культура. 2013. № 4 (43). С. 162–168.
5. Головачева А. Спенсер и Чехов [Электронный ресурс] // Литература. 2001. № 18(450): [сайт]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200101806> (дата обращения: 01.12.2017).

6. Громов Л.П. Чехов и детская литература [Электронный ресурс] // Культурно-просветительский интернет-портал «Антон Павлович Чехов». URL: <http://www.anton-chehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html> (дата обращения: 01.12.2017).
7. Домострой. Серия «Литературные памятники» / подг. В.В. Колесовым, В.В. Рождественской. 3-е изд. СПб.: «Наука», 2007. 400 с.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Июль–Август // Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 206–213.
9. Куприн А.И. Памяти Чехова // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 9. М.: Правда, 1964. С. 403–434.
10. Лысков И.П. А.П. Чехов в понимании критики. (Материалы для характеристики его творчества). М.: Типография Гатцука, 1905. 260 с.
11. Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М.: Кукушка, 2003. 368 с.
12. Тимофеев Н.А. Эволюция героя в прозе А.П. Чехова 1890–1900-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 217 с.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1988.
14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1974–1988.
15. Чехов Ал.П. Из детских лет А.П. Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1960. С. 29–74.
16. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2016. 701 с.
17. Чуковский К.И. О Чехове. Человек и мастер. М.: Детская литература, 1971. 206 с.
18. Asma B, Gıkcı S. Zehov ve Memduh Şevket Esenal'ın hikayelerinde zocuk // Batman Bniversitesi Yaşam Bilimleri Dergisi. 2012. № 1. pp. 159–168.
19. Purves M.R. Marriage in the Short Stories of Chekhov [Электронный ресурс] // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2014. Vol. 16. Iss. 3. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol16/iss3/9> (дата обращения: 01.12.2017).

REFERENCES

1. Alekhina I.V. [Person and reality in the play of A. Chekhov “Fatherless”]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2013, no. 1(51), pp. 226–234.
2. Bazilevskaya A.K. [The theme of childhood in the stories of Anton Chekhov: the ethical-psychological aspects]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2010, no. 4(82), pp. 6–15.
3. Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13-ti tomakh*. [Collected works: in 13 vol.]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1953–1959. Vol. 2. 766 p.
4. Bushkanets L.E. [A. Chekhov and the tradition of the European upbringing novel]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2013, no. 4(43), pp. 162–168.
5. Golovacheva A. [Spencer and Chekhov]. In: *Literatura* [Literature], 2001, no. 18(450). Available at: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200101806> (accessed: 01.12.2017).
6. Gromov L.P. [Chekhov and children's literature]. In: *Kul'turno-prosvetitel'skii internet-portal "Anton Pavlovich Chekhov"* [Cultural and educational Internet portal “Anton

- Pavlovich Chekhov"]. Available at: <http://www.anton-chehov.info/leonid-gromov-chexov-i-detskaya-literatura.html> (accessed: 01.12.2017).
7. *Domostroi. Seriya "Literaturnye pamyatniki"* [Domostroy. Series: "Literary monuments"]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 400 p.
 8. Dostoevskii F.M. [Diary of a writer. 1877. July–August]. In: *Sobranie sochinenii v 15 tomakh* [Collected works in 15 volumes]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. Vol. 14. pp. 206–213.
 9. Kuprin A.I. [Memory of Chekhov]. In: *Sobranie sochinenii v devyati tomakh*. [Collected works in nine volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1964. Vol. 9. pp. 403–434.
 10. Lyskov I.P. *A.P. Chekhov v ponimanii kritiki (Materialy dlya kharakteristiki ego tvorchestva)* [A. Chehov in understanding of criticism (Materials for the characterization of his work)]. Moscow, Hatsuk's printing house, 1905. 260 p.
 11. Nemirovich-Danchenko V.I. *Iz proshlogo* [From the past]. Moscow, Kukushka Publ., 2003. 368 p.
 12. Timofeev N.A. *Evolutsiya geroya v proze A.P. Chekhova 1890–1900-kh gg.v: diss. ... kand. filol. nauk* [The evolution of the hero in the prose of A. Chekhov 1890–1900s.: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2014. 217 p.
 13. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t* [Complete works and letters: In 30 vol. Letters: in 12 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1988.
 14. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t*. [Complete works and letters: In 30 vol. Works: in 18 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1988.
 15. Chekhov A.P. [From childhood of A. Chekhov]. In: *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A. Chekhov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1960. pp. 29–74.
 16. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie* [The poetics of Chekhov. The world of Chekhov. The emergence and adoption]. Moscow, Azbuka-Attikus, Azbuka Publ., 2016. 701 p.
 17. Chukovskii K.I. *O Chekhove. Chelovek i master* [About Chekhov. Man and master]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1971. 206 p.
 18. Asma B, Gökçeli S. [Çehov ve Memduh Şevket Esendal]. In: *Batman Üniversitesi Yaşam Bilimleri Dergisi*, 2012, no. 1. pp. 159–168.
 19. Purves M.R. [Marriage in the Short Stories of Chekhov]. In: *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2014, vol. 16, iss. 3. Available at: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol16/iss3/9> (accessed: 01.12.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кеклюдже Нури – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nuri Kokluce – postgraduate student at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kokluce_69@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кеклюдже Н. Взгляды А.П. Чехова на воспитание и роль художественной литературы в формировании характера ребёнка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 124-137
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-124-137

FOR CITATION

Kokluce N. Anton Chekhov's views on education and the role of literature in child's upbringing. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 124-137
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-124-137

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-138-144

ОБРАЗ АВТОРА В СТАТЬЕ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «ЖИЗНЬ, ИСКУССТВО И АМЕРИКА»

Козлова А.В.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу образа автора в публицистической работе Т. Драйзера – «Жизнь, искусство и Америка» (*Life, Art and America*, 1917). Изучение публицистики помогает определить позицию писателя относительно политических, исторических, эстетических и других явлений современности. Поэтому особое внимание в данной статье уделяется тому, как авторское «я» раскрывается на композиционном и проблемно-тематическом уровнях, что особенно важно при рассмотрении проблемы судьбы искусства в Америке рубежа XIX-XX вв. Подобный подход к образу автора в публицистике позволяет найти новые параллели и смыслы при последующем обращении к художественным произведениям писателя.

Ключевые слова: Т. Драйзер, тема искусства, художник, писательская публицистика, образ автора.

THE AUTHOR'S IMAGE IN THE ESSAY «LIFE, ART AND AMERICA» BY THEODOR DREISER

A. Kozlova*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the image of the author in Theodor Dreiser's essay «*Life, Art and America*». The study of writer's journalistic work helps to determine Dreiser's opinion on political, historical, aesthetic and other aspects of his life. That is why special attention in the article is paid to the way how the author's self is revealed at the compositional and problem-thematic levels which is especially important when considering the problem of the art's fate in the US at the turn of 19-20th centuries. Such approach to the author's image and publicist works allows finding new parallels and in the future appeal to other works of the writer.

Key words: T. Dreiser, art, artist, publicist, author.

Важное место в творчестве Теодора Драйзера занимают статьи, очерки и выступления. В публицистическом произведении автор всегда «раскрывается перед читателем с той мерой откровенности, какая только возможна» [2, с. 143], поэтому анализ образа автора в публицистике даёт представление об этических и эстетических взглядах писателя, о его мировоззрении. В отличие от романа

или рассказа в статье автор выражает мнение прямо, используя художественные приёмы и образы-факты, для иллюстрации своей позиции, а не для её выражения. Таким образом, анализ публицистики помогает более точно выделить проблемно-тематический комплекс, который с разной мерой откровенности воплощается и в художественной литературе.

Определяя публицистику как «открытую авторскую речь, обращённую к читателю и до предела насыщенную социальной информацией», Л.Г. Кайда отмечает, что «автор-публицист в каждом своём выступлении предстаёт как личность с определёнными морально-нравственными принципами, и поэтому его позиция неизбежно становится стилиобразующим компонентом содержательной структуры всего текста» [3, с. 58]. Добавим, что «авторская позиция – это оценка автором всего происходящего, его отношение к описанным событиям, его переживания и чувства, перенесённые на бумагу» [5, с. 125].

Категория «образ автора» предполагает переосмысление, оценку отображаемого предмета и создание контекстуального образа, через призму которого описываются, анализируются все реальные события. Отметим, что образ автора является частью образной системы, поэтому создаётся не менее продуманно, чем образы других героев: «Образ публициста воспринимается как автопортрет художника – перед нами и социальный человек, и яркая талантливая личность со всеми своими неповторимыми чертами» [6, с. 118–127].

В связи с этим, на наш взгляд, особого внимания заслуживает публи-

цистика, посвящённая теме искусства и анализу личности художника. Эти фундаментальные для мировоззрения Т. Драйзера вопросы присутствуют почти в каждом художественном произведении и потому требуют пристального внимания. Среди публицистического наследия Драйзера особый интерес представляет статья «Жизнь, искусство и Америка» (*Life, Art and America*, 1917).

Статья, как и романы Драйзера, посвящена изображению духовной и общественной жизни американцев начала XX в. Причиной для её написания стали запреты книг, пьес, выставок и усиление цензуры в сфере искусства, связанные с деятельностью различных обществ по «борьбе с пороком». Драйзер не только был знаком с работой подобных организаций, но и попал в их «чёрный список». О судьбе собственных произведений автор в статье не упоминает, однако начинает её с ироничного замечания: «Я не претендую на то, чтобы дать исторический или социологический анализ моральных, а следовательно, и критических взглядов американцев, хотя, быть может, имею некоторое представление о том, как они сложились ...» [1, с. 325]

Писатель всегда интересовался вопросами искусства, работал театральным критиком в газете *Globe-Democrat* в Сент-Луисе, редактором музыкального журнала *Every Month*, а также был главным редактором в издательстве *Batterik Publications*, выпускавшем журналы для женщин. Этот опыт позволил ему познакомиться со многими писателями, художниками, актёрами и другими деятелями искусства.

Авторское «я» в статье наиболее активно выражается на двух уровнях:

в выборе проблемно-тематического комплекса (Драйзер как социально ориентированный писатель быстро откликался в своём творчестве на актуальные вопросы современности) и в построении композиции статьи, так как именно способ выстраивания диалога с читателем позволяет добиться убедительности и доказать свою точку зрения.

Композиция статьи продумана таким образом, чтобы показать причинно-следственные связи, приведшие к формированию типа современного американца. В соответствии с этой целью Драйзер ведёт читателя от общего к частному: прослеживает тесную связь между историческими, политическими, общественными и культурными процессами в США. Название статьи – «Жизнь, искусство и Америка» – отражает эту мысль: именно современная жизнь и современная Америка сформировали культурную ситуацию и новый тип искусства. Исторические особенности освоения Америки и её дальнейшего развития создали тип «стандартного американца» [1], для которого творчество и искусство не являются выражением собственного «я», а потому избыточны и оцениваются с точки зрения общественной морали, а не эстетического чувства. Обращение Драйзера к теме судьбы искусства и свободы личности в стране характеризует его как активного гражданина и социально ориентированного писателя.

Для композиции статьи свойственна ретардация, связанная с включением в текст рассуждений автора, а также необходимых справочных сведений из разных областей жизни Америки [4, с. 175]. Драйзер отмечает противоре-

чивость своих примеров: колледжи – среда по определению творческая, направленная на развитие человека, – спонсируются богачами, которые не разбираются ни в науке, ни в искусстве; преподаватели вынуждены обучать по шаблону, а не помогать саморазвитию личности; в области законодательства и юриспруденции действуют люди, которые должны менять свои решения в зависимости от того, кто оказался на скамье подсудимых, а сами служители закона не обладают знаниями вне своей области (биологии или физики, даже истории). В вопросах истории автор останавливается на несоответствии между действиями первых переселенцев (истреблением коренного населения) и строгостью религиозных взглядов (в отношении к женщине). То же несоответствие и в печати: автор замечает, что любители театра не читают рецензии, так как их пишут те, кто не разбирается в искусстве.

Тема судьбы искусства в американском обществе раскрывается через конфликт практицизма и творчества. Автор эксплицитно определяет свою позицию по отношению к конфликту: «Но я в ссоре с Америкой не потому, что жизнь здесь течёт в деловой, деятельной обстановке, способствующей коммерции, а потому, что только этим всё и ограничивается ...» [7, с. 342]. Отсутствие интеллектуального и творческого развития для большинства людей ведёт к непониманию искусства, проблем, которые художники осмысляют через образы, в то время как, уверен автор, «жизнь – это, прежде всего, то, что нужно наблюдать, изучать, истолковывать» [1, с. 350].

Задача автора – вовлечь читателя в дискуссию, поэтому Драйзер с помо-

щью многочисленных риторических вопросов и восклицаний, прямых обращений предлагает ему задуматься над тем, может ли искусство нанести вред и как без собственного мнения человек сможет ориентироваться в обществе: «Предоставим художнику свободу, и тогда мы сможем довериться ему – правильности его наблюдений, умению обобщать и передавать накопленные людьми познания в наиболее выразительной форме» [1, с. 351]. Автор статьи приходит к выводу, что искусство, и в частности литература, могут стать теми ориентирами, которые позволят человеку сформировать своё представление о жизни, а такие люди могут влиять на общество, делая его более гармоничным.

Для Драйзера художник – тот, кто познает мир, кто всегда находится в поиске. Такой человек представляет собственное восприятие жизни, не навязывая другим своё мнение, а поэтому не может принести вреда. Иметь возможность свободно выражать личную позицию относительно явлений и событий – вот к чему, по мнению писателя, должно стремиться общество. Драйзер воспринимает искусство как источник знаний о мире и человеке: «Я думаю, что жизнь познаётся из книг и произведений искусства, быть может, ещё в большей мере, чем из самой жизни. Искусство – это нектар души, собранный в трудах и муках» [1, с. 351]. Можно сказать, что для автора творческое мышление – это высшая форма мышления, свидетельствующая о высоком интеллекте, хотя нельзя не отметить некоторую наивность восприятия искусства писателем, – вбирая в себя все стороны жизни, искусство не может заменить ни одну из них.

Характер аргументации в статье подчёркивает личную значимость проблемы судьбы искусства в Америке, что подтверждают многочисленные примеры из жизни писателя. Драйзер считает, что американцу бывает трудно составить «правильное или хотя бы приблизительно правильное представление о том, что может быть названо элементарными основами всякой интеллектуальной жизни» [1, с. 326], так как в детстве писателя не было учебников, предлагавших ребёнку научную картину мира, – только религиозную. Также автор подчёркивает, что у него, как у сына католика, не было возможности избежать религиозного образования и утверждает несостоятельность такого знания: «Читать полагалось только хорошие книги – значит, такие, в которых, прежде всего, не содержалось ни единого намёка на плотскую любовь; само собой разумеется, что в них не было ни правдивых жизненных характеров, ни живых человеческих страстей» [1, с. 327]. Драйзер заключает, что такое воспитание было тем не менее весьма эффективным, но давало человеку неверное представление о мире, в котором успех, «обыкновенный деловой успех», человека приравнивается к «душевному величию» [1, с. 329].

Творческая индивидуальность автора и его заинтересованность выражены через речевой дискурс статьи, в котором преобладают личные местоимения *я* и *мы*. Автор выступает не только против запрета и изъятия художественных произведений в Америке, но отмечает значимость этой проблемы для соотечественников. Не случайно поэтому частое употребление «мы, американцы», «мы, как нация»,

«мы жалуемся», «у нас в Америке» и др. Выражая несогласие с принципами, сложившимися в обществе, такими конструкциями, как «я не в ладах с Америкой», «мне больно видеть», «что касается меня, то я протестую», «я боюсь» [1], Драйзер, тем не менее, осознаёт себя частью общества. Это проявляется в тексте в многочисленных прямых обращениях к читателю: «если вы зададитесь вопросом», «если вы мне не верите – посмотрите вокруг и убедитесь», «если вы со мной не согласны – ознакомьтесь ...», а также во вставных конструкциях: «Если вас интересует, о каком колледже идёт речь, напишите, я сообщу» [1, с. 334].

Особенностью публицистического стиля Драйзера является использование приёмов из арсенала художественной литературы, обуславливающих создание особого эмоционального пафоса произведения. Так, отмечая значимость запрета произведений искусства для всех писателей, кто пострадал от работы «Нью-Йоркского общества борьбы с пороком» и других обществ по всей стране, автор описывает членов обществ иронически: «Но вот родился новый крестоносец – Каратель Греха» (*“the Vice Crusader was bred”*) [8, р. 24], «Затем появляется м-р Комсток, непоколебимый, мстительный и с таким пристрастием и нюхом ко всему нечестивому и эротическому, какими не обладал до него ещё ни один смертный» [1, с. 342]. Отмечая, что их целью становится желание попасть в центр внимания общественности, а в искусстве они не разбираются, автор

акцентирует внимание на метафорах «каратель греха» и «новый крестоносец», имеющих явную сатирическую коннотацию. Аналогичную функцию имеют используемые автором вводные конструкции, эпитеты. Так, с целью создания выразительного образа, он проводит развёрнутую аналогию между Америкой и царством шекспировского ткача Основы: «Основа, на мой взгляд, – это делец, наживший состояние усердной торговлей румянами или пудрой, молотилками или углём и оказавшийся вследствие этого, а также вследствие случайно выпавших на его долю привилегий, предоставляемых демократией, в положении советчика и даже диктатора, призванного решать вопросы, которые не только не всегда ему по плечу, но в которых он чаще всего ничего не смыслит, как, например, вопросы искусства, науки, философии, морали и общественных отношений» [1, с. 341].

Искусство воспринимается Драйзером как важная часть общественной жизни, а потому автор в своей программной статье рассматривает их во взаимодействии и взаимовлиянии. Искусство воспринимается им не только как объект творения художника, но и как сила, влияющая на сознание человека. Статья «Жизнь, искусство и Америка» важна для понимания творческого кредо Т. Драйзера, она свидетельствует о непрерывных поисках методов и тем, которые смогут вывести американское искусство XX в. на новый уровень развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка // Собрание сочинений Т. Драйзера: в 12 т. М.: Правда, 1986. Т. 12. С. 325–352.

2. Ермолин Е.А. Публицистика Джона Фаулза // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 143–147.
3. Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции к декодированию: учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 208 с.
4. Кройчик Л.Е. Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 171–175.
5. Михайловская К.В. Способы выражения индивидуально-авторского стиля в публицистических текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 3. С. 124–128.
6. Почкай Е.П. Языковое выражение образа автора в публицистике // Журналист. Пресса. Аудитория: Межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. Вып. 3. С. 118–127.
7. Якимов О.Д., Скрыбыкина Д.А. Роль авторского «Я» в материалах публицистических жанров // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам LIV международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2015. № 11(54). С. 202–209.
8. Dreiser Th. *Life, Art and America*. New York: The Seven Arts, 1917. February. Vol. 1. no. 4. 122 p.

REFERENCES

1. Dreizer Th. [Life, Art and America]. In: *Sobranie sochinenii T. Draizera: v 12 t.* [Collected works of Th. Dreiser: in 12 vol.]. Moscow, Pravda, 1986. Vol. 12. pp. 325–352.
2. Ermolin E.A. [Publicism of John Fowles]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii Philological Bulletin], 2015, no. 1, pp. 143–147.
3. Kaida L.G. *Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii k dekodirovaniyu* [Stylistics of the text: composition theory for decoding]. Moscow, Flinta Publ., 2004. 208 p.
4. Kroichik L.E. [Publicistic genre: nature and development strategy]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2013, no. 2, pp. 171–175.
5. Mikhailovskaya K.V. [Ways of expressing an individual-author's style in journalistic texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2009, no. 3, pp. 124–128.
6. Pochkai E.P. [The linguistic expression of the author's image in journalism]. In: *Zhurnalist. Pressa. Auditoriya: Mezhdunarskii sbornik* [Journalist. Press. Audience: Interuniversity collection]. Leningrad, Leningrad University Publ, 1986. no. 3. pp. 118–127.
7. Yakimov O.D., Skrybykina D.A. [The role of the author's self in the materials of the journalistic genres]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statei po materialam LIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [In the world of science and art: questions of philology, art criticism and cultural studies: collection of articles on the materials of the LIV International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, SibAK, 2015, no. 11(54), pp. 202–209.
8. Dreiser Th. *Life, Art and America*. New York, The Seven Arts Publ., 1917. February. Vol. 1. no. 4. 122 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Анастасия Владимировна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: crazy.nosok@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya V. Kozlova – postgraduate student at the Department of History of Foreign Literature, Moscow Region State University;
e-mail: crazy.nosok@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козлова А.В. Образ автора в статье Теодора Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 138-144
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-138-144

FOR CITATION

Kozlova A.V. The author's image in the essay «Life, art and America» by Theodor Dreiser. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 138-144
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-138-144

УДК 82–1/–9

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153

РОМАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ: О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Литвиненко Н.А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность выработки новых подходов к изучению проблемы взаимодействий с романтизмом литературных направлений разных эпох – с учётом процессов, протекающих «на границе», «возвращения», перекодировки или разрушения традиций. Доказывается методологическая актуальность сложившегося в современной науке историко-генетического, телеологического подхода и сформировавшегося на основе постмодернистской парадигмы метода «деконструкции» органической модели, нового понимания процессов взаимодействия в литературе – «концов» и «начал».

Ключевые слова: романтизм, взаимодействие, переходность, символизм, традиции, историко-генетический подход, деконструкция.

ROMANTICISM IN THE LITERATURE: ON SOME APPROACHES TO THE STUDY OF LITERARY INTERACTIONS

N. Litvinenko*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article proves the relevance of developing new approaches to the study of the problem of interactions with the romanticism of literary trends of different epochs – taking into account the processes happening «at the border», «return» of transcoding or destruction of traditions. It proves the methodological importance of the historic-genetic, teleological approach and the method of “deconstruction” of the organic model that was formed on the basis of postmodern paradigm and which is a new way of understanding the processes of the «ends» and the «beginnings» – in the literature.

Key words: romanticism, interaction, transitivity, symbolism, traditions, historical-genetic approach, deconstruction.

Романтизм XIX в. был мощным по масштабам и продуктивности социокультурным феноменом, аккумулировавшим в своём художественном пространстве литературные традиции, импульсы, идеи разных направлений и эпох: средневековья и Возрождения, барокко и классицизма, сентиментализма и реализма, литературной готики, поэзии, драматургии, прозы... На протяжении всего столетия как культура, как литературное направление он формировал свой худо-

жественный язык, разнообразные художественные миры. Традиции, импульсы, идущие от романтизма, сохраняют живую актуальность в литературном процессе последующих эпох. Разумеется, в каждой новой философско-эстетической системе эти элементы и традиции подвергаются трансформациям, по-разному участвуя в выработке новых ценностных представлений. В последующие эпохи – не только на рубеже XIX и XX, но и на протяжении всего XX в. – элементы и структуры романтической мифологии, романтического дискурса, «романтического бессознательного», поэтики – явственно или скрыто – продолжают заявлять о себе.

Эпистемологические сдвиги, происходящие «на границе» исторических эпох, не означают «окончательного» разрыва с традициями предшествующих периодов литературного развития. В пограничном пространстве переходности возникают разнообразные векторы смещения и смещения, пародирования, «переосмысления», эстетических взаимодействий; границы между литературными направлениями остаются или становятся по-новому «проницаемыми». Это усложняет литературоведческую рефлексию и рождает различные концепции подхода к проблемам эволюции литературных направлений, межлитературных связей – в условиях «неравномерности» или «ускоренного» развития, взаимодействия литератур, процессов национально-эстетической идентификации или глобализации культурного пространства, в условиях стремительно меняющейся реальности, меняющейся или «распадающейся референциальности» (выражение А. Зверева [11]). В

рамках небольшой статьи мы попытаемся обозначить только некоторые из затронутых здесь проблем.

Парадигма преемственности литературных направлений в каждую эпоху складывается по-новому, продуцируя – на основе тех или иных методологических построений – филологические концепции переходного времени [10; 7]. Переходные эпохи создают новые контексты не только взаимосвязей романтизма с барокко и классицизмом, с сентиментализмом и символизмом, как и с реализмом, натурализмом, неоромантизмом, но и взаимодействий между ними. Возникают новые объекты исследования, обладающие особым синкретизмом. Так, в ряду, казалось бы, далёких от современности традиций литература XX в., стремящаяся преодолеть катастрофизм распадающегося на осколки мира, стала вновь актуализировать, обнаруживать художественные модели романтического мышления, его «следы», интертекстуальные связи со стратегиями романтического письма.

Сложное переплетение разнообразных векторов литературно-эстетического развития, свойственное культурному опыту человечества обозначил С. Аверинцев, подчёркивавший роль романтических тенденций, возникающих в литературе на основе отталкивания от эстетики реализма: «Как только реализм переходил грань “литературности” и принимал вид натурализма, бытового или физиологического очерка и т. п., вступали в силу романтические тенденции, порождая декоративность модерна, импрессионизм с его иллюзией эстетической самооценности случайного поэтического образа, символизм, прибегающий к усложнённой

технике обобщений и т. д.» [1]. В то же время, замечает С. Аверинцев, в XX в. оппозиция романтизма и реализма «перестает быть всеохватывающей и определяющей». Литературный процесс, по словам ученого, дробится на множество школ и направлений (футуризм, экспрессионизм, сюрреализм, неоклассицизм, необарокко, мифологический реализм, документализм, постмодернизм, концептуализм и т. д.), которые и в своей новизне, и в преемственности отталкиваются от самых разнородных и разновременных традиций» [1]. Каждое из возникающих направлений содержит свои модификации и структуры эстетической переходности.

Сложность функционирования и осмысления «переходных» феноменов, не утративших связей с романтизмом, отличающихся эстетическим эклектизмом или синкретизмом, полемической трансформацией сложившихся традиций, нашла воплощение, в частности, в разнообразных концепциях и практиках символизма. Г.К. Косиков полагал, что «символическое жизнечувствование коренится в самой природе романтизма и рано или поздно рождается из него почти с той же необходимостью, с какой дитя появляется на свет из материнского лона» [6, с. 13]. Генезис, очевидно, восходит не только с жизнечувствованию, и символизм – в бесконечном своеобразии своих индивидуальных, жанровых и национальных модификаций – был полемически связан с романтизмом, сочетал, подобно Ш. Бодлеру, устремленность в идеальное царство духа и предощущение катастрофы, бездны. Полисемантика эстетических импульсов и мотивов, идущих от романтизма,

преломлялась в пространстве новых межлитературных, семиотических связей в произведениях Метерлинка и Верлена, Роденбаха и А. Белого...

Привлекая широкий историко-литературный и культурологический контекст, В.М. Толмачёв, пишет о переходе символизма из декадентской позы, эксперимента, в стиль и идею, «не знающую точных хронологических границ эпохи», из эпохи – самой культурой в «брожении», символизм стал «обозначением того, что вроде бы утрачено, но так, вопреки всем усилиям, и не обретено» [10]. Видя в символизме «итог прошлого и проект будущего», способность «возвращаться на новых основаниях», литературовед полагает, что символизм «открыт как в XIX, так и в XX в.», называет модификации символизма, связавшие себя с образом «конца века» (импрессионизм, «символизм», неоромантизм, неоклассицизм), и те, которые принадлежат эпохе модернизма 1910–1920-х гг. (экспрессионизм, имажизм, сюрреализм, футуризм). В более широком философско-эстетическом масштабе названы романтическо-платоновский символизм, феноменальный (импрессионизм, эстетизм), неоромантизм [10]. Такой подход формирует представление о многовекторном конгломерате, целостности, распадающейся на множество сходно и разноосновно организованных моделей художественного творчества. И, однако, возникает осторожный вопрос: не утрачивает ли символизм свои «берега»? В то же время очевиден масштаб обозначенной литературоведом проблемы, изучение связей символизма с романтизмом в современной науке затрагивает различные сферы

семиозиса и культуры, вплотную приближает исследователя к стратегиям междисциплинарного подхода [13].

Актуальна в данном контексте концепция неоднolineйности, пересмотра методологии телеологического подхода к процессам литературного развития, открытости каждого из литературных направлений, их разомкнутости по отношению к явлениям синхронно развивающихся художественных систем, а также – предшествующих и последующих эпох, ведь разнообразные связи затрагивают все элементы поэтики литературных произведений, направлений и жанров. Так, романтизм Жорж Санд, автора диологии «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» открыт в мир сентименталистского романа, романа рококо, раннеромантического романа, готических традиций, музыкального, оперного искусства, романтического романа о художнике, наследует и формирует традиции реалистического и сатирического письма, утопической социалистической мысли, символического искусства, популярного массового романа. Те или иные признаки, черты, заложенные в структуре и поэтике произведений, актуализирует исследователь, выявляя и в то же время формируя разнообразные векторы и смыслы новых литературных взаимодействий. На современном этапе развития литературоведения – всё менее продуктивной становится традиция дихотомического мышления, «иссушающей альтернативности» (выражение А. Компаньона [5]).

Действительно, генетическое родство лежит в основе преемственных связей, диалога символизма с романтизмом. Присущее символизму ми-

стическое чувство уходило корнями в «творческие интуиции романтиков», не только русский символизм, «имел за собой «великое и богатое мистическое предание» [4, с. 9], символизм с романтизмом связывал не только феномен эстетического двоемирия, характеризующий каждое из названных литературных направлений. Отношения преемственности включали векторы альтернативности, смены «дискурсивных практик» (термин М. Фуко [12]).

На рубеже XIX и XX в. в связи с «крахом» антропоцентристской цивилизации изменилась философско-эстетическая парадигма «колебания между сознанием и бессознательным» [11], историческим и универсальным. Эстетическое мышления символистов – с опорой на Ницше, Шопенгауэра, Бергсона – стало принципиально отличаться от художественной практики романтизма, с его опорой на философские системы Фихте, Шеллинга, Гегеля. Процессы символизации – на экзистенциальном и эстетическом уровнях в модернистском и романтическом тексте культуры протекали по-разному – в эпоху созидания мира личностной романтической утопии – и в эпоху расставания с нею и мифом о прекрасной душе, погружения на новой основе в глубины «бессознательного и трансцендентного» [См.: 16], в эпоху «невиданного взрыва новаторских идей и форм» [9, с. 54].

Изучение комплекса обозначенных проблем связано с общеметодологическими аспектами филологического подхода к пониманию литературных направлений, взаимодействия между ними и границами, соединяющими и разъединяющими их; с почти омонимической семантикой используемых

терминов, когда под тем же романтизмом понимают не только литературное направление, но и эпоху, стиль, эстетическую систему или тип культуры; когда хронологические границы литературных направлений подвергаются концептуальному пересмотру.

Наряду с традиционным исторически конкретным подходом к романтизму, закрепившимся в отечественной науке (В.М. Жирмунский, Н.Я. Берковский и др.), литературоведы высказывают идеи, имеющие другой – измерительный масштаб, в основе которого – мышление эпохами, высказывается не утратившая телеологизма мысль о том, что эра романтизма, начавшись Французской революцией, завершается постмодернизмом [15]. О генетической структуре историографии романтизма, а соответственно и осмысления процессов его взаимодействия с литературными направлениями предшествующих и последующих эпох пишет американский литературовед Поль де Манн в работе «Аллегории чтения»: романтизм «может показаться вершиной, периодом величия, а последующее столетие медленным отступлением прилива, упадком, способным принять апокалиптические размеры». В то же время он может рассматриваться как «мгновение крайнего заблуждения, от которого мало-помалу избавлялось XIX столетие, пока не освободилось вполне, утверждая новую современность». Учёный противопоставляет таким концепциям критическую «деконструкцию» органической модели, которая «разрывает линейность временного процесса до такой степени, что никакое следствие действительных событий или никакой особенный субъект не могут сами по

себе приобрести полное историческое значение. Они все становятся частью процесса, который они не содержат и не отражают, но моментом которого они оказываются» [7, с. 100–101]. Очевидно, что предложенная Полем де Манном научная парадигма «генетической тотализации», сформировавшаяся на почве постмодернистского мышления, не отменяет историко-генетической, но дополняет её, открывая в то же время новые научные перспективы.

Генетическая тотализация порождает собственные стратегии, порой основывается на изучении «транс-исторических констант» (Ж. Жанетт), закономерно порождает продуктивный поиск литературных канонов и «предвосхищений» [2]. Так, Г. Блум, американский литературовед и теоретик культуры, исследует шекспировский канон и, обращаясь к своему писателю-современнику, принципиально меняет традиционное понимание соотношения новаторства и традиций: «В сравнении с ним ты устарел, потому что он *содержит тебя в себе*, тебе его не вобрать» [2, с. 37] (курсив Г. Блума). Этот подход перекликается с делезовским высказыванием: «Нельзя сказать – прошлое было. Оно больше не существует, уже не существует, но упорствует, оно содержится, оно *есть*. Оно упорствует своим прошедшим настоящим, оно содержится в актуальном или новом настоящем» (курсив Ж. Делеза) [3, с. 103].

Автор одного из основополагающих исследований XX в. «Слова и вещи. Археология гуманитарного знания» (1966) М. Фуко пишет о разрывах между эпохами, формами и этапами познания: «В великих непрерывностях

мысли, в целостных или однозначных проявлениях духа и ментальности, в упорном сопротивлении науки, заявляющей права на существование и пытающейся завершиться с момента зарождения, в явлениях жанра, формы, дисциплины, теории, мы пытаемся раскрыть феномены прерывания» [12]. Однако в глубине и основании этих «прерываний» лежит универсальный принцип преемственности эстетического развития. И потому правы литературоведы, которые пишут о необходимости пересмотра традиционной модели изучения эволюции литературы и искусства как череды разрывов, каждый из которых определяет школу или авангардное движение: романтизм, реализм, символизм, сюрреализм, новый роман и т. д. Настало время, полагают они, осмыслить вопреки общепринятой телеологии то, что скрывается в глубине: непрерывность и возвращение, традиции и «арьергард», которые вписываются в эти системы (*les marges*): «Скрытый позади современности арьергард может быть ключом, способным открывать новые научные перспективы...», в том числе при изучении и романтизма, и модернизма, и постмодернизма. Путь к таким открытиям учёные связывают с углублением и расширением междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов, позволяющих в ином свете, в ином социокультурном масштабе увидеть данную проблему [13; 14; 15], переосмыслить эстетическую семантику некорректно или искусственно воздвигаемых между направлениями и эпохами границ. При этом не может остаться незамеченной опасность размывания границ между дисциплинами, направлениями гума-

нитарной мысли.

Такая интерпретация литературного авангарда и арьергарда, как ни парадоксально, согласуется с самой природой романтизма, который, в соответствии с суждением Гегеля и вслед за ним Поля де Мана, обнаруживает «взаимозависимость и возможное тождество конца и начала, характерные для генетической концепции времени: «Результат только потому тождествен началу, что *начало* есть *цель*» [7, с. 99] (курсив Гегеля). Рефлексия над соотношением художественных и аналитических смыслов, своеобразной амбивалентностью «концов» и «начал», понимание того, что в романтизме каждое явление чревато своей противоположностью, создаёт дополнительную перспективу при изучении этого литературного направления, его места и роли в мировом литературном процессе.

Научная парадигма, трансформирующая историко-генетическую методологию, позволяет глубже осмыслить явления эстетической переходности, взаимосвязи между литературными направлениями; процессы, обнаруживающие эстетическую полисемантику – синкретизм, накопление, полемизму, перекодировку, разрушение традиций; возвращает нас к рефлексии над разнообразными феноменами «прото», «пред», «нео», «пост», «пост-пост» (необарокко, неоклассицизма, предромантизма, неоромантизма, неореализма, неоакмеизма, постмодернизма ...), их различными соотношениями и модификациями – бытие «между забвением и Возвратом», между прошлым и настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. [Электронный ресурс] // Кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_CategoriesPoetics.htm (дата обращения: 30.01.2018).
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
4. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1914. 207 с.
5. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / пер. с франц. С. Зенкина М.: Издательство имени Сабашниковых 2001, 336 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (дата обращения: 30.01.2018).
6. Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М.: Издательство Московского государственного университета, 1993. С. 5–62.
7. Манн П. де. Аллегории чтения. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 268 с.
8. «На границах». Зарубежная литература от Средневековья до современности. Сборник работ / под ред. Л.Г. Андреева. М.: ЭКОН, 2000. 256 с.
9. Рейнгольд Н.И. Модернизм в английской литературе. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2017. 557 с.
10. Толмачев В.М. Типология символизма. Зарубежная литература конца 19–начала 20 века [Электронный ресурс] // Литература Западной Европы 20 века: [сайт]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-19-20-veka-tolmachev/tipologiya-simvolizma.htm> (дата обращения: 30.01.2018).
11. Фролов Г.А., Хабибуллина Л.Ф. К смене литературных эпох на Западе: Теоретический аспект // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 187–194.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания [Электронный ресурс] // ModernLib.Ru. Электронная Библиотека. URL: http://modernlib.ru/books/fuko_mishel/arheologiya_znaniya/read_1/ (дата обращения: 30.01.2018).
13. Baetens J. Une défense «culturelle» des études littéraires [Электронный ресурс] // Fabula LHT. «Le partage des disciplines». 2011, mai. no.°8 : [сайт]. URL: <http://www.fabula.org/lht/8/baetens.html> (дата обращения: 01.02.2018).
14. Jeannelle J.-L. Pourquoi faut-il être absolument moderne? [Электронный ресурс] // Les Arrière-gardes au XXe siècle. L'autre face de la modernité esthétique. URL: https://www.fabula.org/actualites/w-marx-dir-les-arriere-gardes-au-xxe-s-l-autre-face-de-la-modernite-esthetique_8501.php (дата обращения: 1.02.2018).
15. Réévaluations du romantisme. 1860–1940. Colloque ANR – HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012 [Электронный ресурс] // Fabula. Le Recherche en Littérature : [сайт]. URL: https://www.fabula.org/actualites/reevaluations-du-romantisme-1860-1940_48817.php (дата обращения: 1.02.2018).
16. Todorov T. Symbolisme et interprétation. Paris: Éditions du Seuil, 1978. 167 p.

REFERENCES

1. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. [The category of poetry in the changing literary eras]. In: *Kafedra istorii zarubezhnoi literatury filologicheskogo*

- fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova* [The Department of History of Foreign Literature, Philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. Available at: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_CategoriesPoetics.htm (accessed: 30.01.2018).
2. Blum G. *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vsekhn vremen* [The Western Canon. The books and school of all time]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 672 p.
 3. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p.
 4. Zhirmunskii V.M. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and the modern mysticism]. St. Petersburg, Typography of A.S. Suvorin's partnership "Novoe vremya", 1914. 207 p.
 5. Kompagnon A. *Demon teorii. Literatura i zdravnyi smysl* [The demon theory. Literature and common sense]. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/072009/demon.html> (accessed: 30.01.2018).
 6. Kosikov G.K. [Two ways of the French postromanticism: symbolists and Lautréamont]. In: *Poeziya frantsuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora* [The poetry of the French symbolism. Lautréamont. Songs of Maldoror]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993. pp. 5–62.
 7. Mann P. de. *Allegorii chteniya* [Allegories of reading]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1999. 268 p.
 8. Andreev L.G., ed. "Na granitsakh". *Zarubezhnaya literatura ot Srednevekov'ya do sovremennosti* ["At the borders". Foreign literature from the Middle Ages to the present]. Moscow, EKON Publ., 2000. 256 p.
 9. Reingold N.I. *Modernizm v angliiskoi literature* [Modernism in English literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 557 p.
 10. Tolmachev V.M. [The typology of symbolism. Foreign literature of the late 19th–early 20th century]. In: *Literatura Zapadnoi Evropy 20 veka* [Literature of Western Europe of the 20th century]. Available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/literatura-19-20-veka-tolmachev/tipologiya-simvolizma.htm> (accessed: 30.01.2018).
 11. Frolov G.A., Khabibullina L.F. [To change the literary eras in the West: Theoretical aspect]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 3(37), pp. 187–194.
 12. Foucault M. [Words and things. The archaeology of the Humanities]. In: *ModernLib.Ru. Elektronnyaya Biblioteka* [ModernLib.Ru. E-Library]. Available at: http://modernlib.ru/books/fuko_mishel/arheologiya_znaniya/read_1/ (accessed: 30.01.2018).
 13. Baetens J. [Une défense «culturelle» des études littéraires]. In: *Fabula LHT. «Le partage des disciplines»*. 2011, mai. no.°8. Available at: <http://www.fabula.org/lht/8/baetens.html> (accessed: 01.02.2018).
 14. Jeannelle J.-L. [Pourquoi faut-il être absolument moderne?]. In: *Les Arrière-gardes au XXe siècle. L'autre face de la modernité esthétique*. Available at: https://www.fabula.org/actualites/w-marx-dir-les-arriere-gardes-au-xxe-s-l-autre-face-de-la-modernite-esthetique_8501.php (accessed: 1.02.2018).
 15. [Réévaluations du romantisme. 1860–1940. Colloque ANR – HIDIL. Montpellier, 26 et 27 avril 2012]. In: *Fabula. Le Recherche en Littérature*. Available at: https://www.fabula.org/actualites/reevaluations-du-romantisme-1860-1940_48817.php (accessed: 1.02.2018).
 16. Todorov T. *Symbolisme et interpretation*. Paris, Éditions du Seuil, 1978. 167 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н.А. Романтизм в литературе: о некоторых подходах к изучению литературных взаимодействий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 145-153
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153

FOR CITATION

Litvinenko N.A. Romanticism in the literature: on some approaches to the study of literary interactions. *In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no.2, pp. 145-153*
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-145-153

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-154-163

ФЕМИНИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В ИРАНЕ (КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФЕМИНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ШАХРНУШ ПАРСИПУР)

Норузи М.*Государственный университет имени Алламе Табатабаи**1997967556, Тегеран, Бозорграх-е шахид Чамран, пол-е модириат,**ул. Алламе джонуби, ул. шахид Хагталаб, Иран*

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу влияния феминизма на современную персидскую женскую прозу. В статье рассматриваются основные признаки феминизма в творчестве иранской писательницы Шахрнуш Парсипур, в центре произведений которой находится тема незащищённости женщины перед угнетением и несправедливостью патриархального общества. Анализируя произведения писательницы, автор сделал вывод о том, что она явно отражает свои собственные феминистские взгляды и часто призывает женщину к самоидентификации и индивидуализации, к бунту против устаревших традиций, к размышлению о том, кто есть она на самом деле.

Ключевые слова: персидская литература, современная женская проза, феминизм, Шахрнуш Парсипур.

FEMINISM AND THE MODERN FEMALE PROSE IN IRAN (A CRITICAL LOOK AT FEMINISM IN THE WRITING OF SHAHRNUSH PARSIPUR)

M. Norouzi*Allameh Tabataba'i University**Bozorgrahe shahid Chamran, pole Modiriat, str. Allame Gonoobi, str. shahid Haghtalab,**Tehran, 1997967556, Iran,*

Abstract. This article is devoted to the influence of feminism on the contemporary Persian female prose. The article examines the main features of feminism in the work of Iranian writer Shahnush Parsipur, whose focus is on the issue of women's vulnerability to oppression and injustice of the patriarchal society. By analyzing the writer's works, the author concluded that she clearly reflects her own feminist views and often encourages a woman to identify and individualize herself, to revolt against outdated traditions, to think about who she really is.

Key words: Persian literature, modern female prose, feminism, Shahnush Parsipur.

Введение

В XX в. в результате политических, социальных и культурных перемен во многих странах мира появилась женская проза как новое течение в современной

литературе. Одной из главных перемен в этой сфере считается возникновение феминистских движений, на основе которых зарождались новые идеи об уравнивании в правах женщин с мужчинами. В социальном пространстве феминизм как гуманитарное явление отыскал новые подходы к проблеме взаимодействия языка и пола. Такой подход бытовал в литературе и, главным образом, проявился в отборе новых возможностей всестороннего изображения образа женщины. В связи с этим постмодернизм как в литературе, так и в искусстве подготовил подходящую почву для осуществления феминистской деятельности в борьбе против мужского шовинизма.

Считается, что термин «феминизм» был изобретён Александром Дюма (сын) в конце XIX в., когда это общественно значимое явление уже давно заинтересовало критиков и общественных деятелей. В 1873 г. во Франции этот термин, считавшийся политическим, перешёл в культуру. Итак, феминистское движение как культурное явление постепенно формировалось и выступало за равноправие женщины с мужчинами. В ходе этого процесса появился целый ряд групп и течений под влиянием разных общественных отношений. В качестве примеров можем привести такие известные феминистские движения, как социалистическое, марксистское, либеральное, радикальное, постмодернистское и др.

В связи с возникновением феминизма в западноевропейских странах многие писательницы проявляли интерес к данной теме. Большое влияние на развитие этого движения оказала книга «Второй пол» (1948 г.), написан-

ная Симоной де Бовуар (1908–1986). Как известно, её зачисляют в ряды классиков феминистской литературы. Основным направлением в феминистских взглядах де Бовуар является тенденция к философскому течению экзистенциализма.

Борьба за социальные права женщины и её свободы была отражена в эссе «Своя комната» (1928 г.) Вирджинии Вулф (1882–1941). Это произведение является ярким примером стремления женщины к новым ощущениям, к самопознанию в начале XX в.

Другой представитель классиков феминистской литературы – это Дорис Мэй Лессинг (р. 1919 г.), являющаяся лауреатом Нобелевской премии по литературе 2007 г. Она написала роман «Золотая тетрадь» в 1962 г. По её собственному мнению, главная тема данного романа – «права личности в обществе», а не только изображение места и роли женщины в нём. Дорис Мэй Лессинг не собиралась писать «библию для феминисток», а лишь постаралась показать женщинам, как надо думать и жить в обществе, в котором отсутствует социальное равенство. Писательница в интервью журналу «Шпигель» в 2004 г. сказала: «Меня до сих пор поражает, что многие люди воспринимают это как попытку совершить революцию» [3]. По словам русской исследовательницы Н. Габриэлян, «в современном феминизме (то есть движении, направленном против дискриминации женщин по признаку пола) можно условно выделить две тенденции: эгалитарный феминизм, утверждающий, что никаких принципиальных отличий, кроме анатомических и физиологических, между мужчиной и женщиной не существует (то

есть не существует половых отличий на уровне психики и менталитета), и так называемый феминизм отличий, утверждающий, что мужчина и женщина равноценны, но различны (психически и ментально)» [1, с. 37].

Феминизм в Иране и персидская женская проза

В Иране во время конституционного движения (1906–1911 гг.) появился феминизм с исламской ориентацией. Это движение заинтересовало всех, особенно женщин, требовавших уравнивания их в правах с мужчинами и прежде всего, освобождения от патриархального общества.

Эта новая идеология сначала была воспринята весьма негативно, но со временем относиться к ней стали более снисходительно и интеллигентно. Женщины, склонные к феминизму, искали способы быть более эффективной и динамичной силой в обществе наряду с мужчинами. И наиболее заметной деятельностью в этом отношении были труды писательниц в разных культурных областях.

Уже при правлении династии Каджаров (1795–1925) общественная и идеологическая мысль западных стран проникает в иранское общество. Путешествие Насер-ед-Дин-шаха в Европу было ещё одним фактором в ознакомлении иранской среды с западными идеями. Стиль жизни и поведения европейских женщин, приехавших в Иран, однозначно оказали влияние на мысли и поступки иранских женщин, в особенности на их манеру одеваться. Итак, во время династии Пехлеви, при Реза-хане, женщинам было запрещено появляться в хиджабе в обществе,

а затем началась пропаганда свободы женщины.

В течение нескольких лет в ходе разрешения «женского вопроса» в иранском обществе проводилось реформирование в области образования женщин и их общественной деятельности. Всё это закончилось тем, что женщины стали более осведомлёнными и лучше понимали роль своей личности в жизни общества.

Поворотным пунктом в самореализации и самоопределении иранских женщин считается как раз Исламская революция 1979 г. и не иначе. В до-революционное время иранская поэтесса Форуг Фаррохзад (1935–1967), следовавшая феминистским взглядам, сочиняла прекрасные стихи о свободе и равноправии женщины.

В одном из своих стихотворений «Зелёный кошмар» («زبس منو») (из сборника стихотворений «Новое рождение» رگید ی دلوت, 1963) о неравноправии женщин с мужчинами она пишет о бесправии личности в целом:

*«Целый день, целый день я плакала,
глядя в зеркало.*

*Весна хлынула в мои окна
зелёным кошмаром деревьев,
и тело уже не уместится в коконе
одинокства,
и пожухла моя бумажная корона
в этой поверженной стране
без солнца.*

<...>

*Где мой приют?
Неужели все дороги,
как бы ни петляли они,
всё равно приводят
в пропасть?» [10]*

В этом отрывке, как и в остальных стихотворениях Форуг Фаррохзад, читатель ощущает чувство безысходно-

сти и отчаяния. Она хотела бы родиться в другое время и в другом месте, где могла бы иметь личные права, но мечты её никак не сбылись. Она ищет свободу в другом, потустороннем мире. Поэтесса так и не успела в реальности устроить свою личную жизнь.

Весь народ, в том числе женщины, активно участвовали в ходе революции и событиях после неё, в частности в войне Ирана с Ираком. Сегодня в современном обществе Ирана взгляд на женщину имеет совсем иной статус и призвание. Многочисленные грамотные женщины участвуют в социальной, политической, общественной и экономической жизни общества и знают свои права. Очевидно, что современное общество создало новые возможности для социальной реализации женщины, но, тем не менее, в иранском обществе до сих пор существует дух патриархальности.

Данная тема вызывает большой интерес выдающихся авторов, в том числе писательниц. В современной персидской женской прозе тема незащитности женщины и вопросы её положения в личной жизни и обществе нашли отражение в произведениях Симин Данешвар, Махшид Амиршахи, Газале Ализаде, Голи Тарраги, Шахрнуш Парсипур и др. В настоящее время в Иране женская проза действительно активно заявила о себе и завоевала у читателей огромную популярность, даже проложила дорогу для новых авторов.

Проблема поиска собственной личности женщиной впервые была отражена в романе «Савушун» (1969 г.) Симин Данешвар. Это произведение считается первым реалистическим романом, в котором и автор, и рассказчик, и главный герой – женщина.

В романе мужчины не дают возможности главной героине – Зари – проявить себя как члена общества в политической борьбе. Действие романа происходит при Реза-шахе во время второй мировой войны. Муж героини – Юсуф – старается держать свою жену подальше от политики и общественной деятельности. Зари в романе всегда думает о своей личности, о сущности женщины и приходит к выводу: «О, если бы мир был в руках женщины! Женщины сами рожают, т. е. создают ... если бы мир был в руках женщины, тогда не было бы войны!» [2, с. 193]. Юсуф погибает на пути своей борьбы, и Зари самоотверженно и решительно продолжает дело покойного мужа. Образ Зари становится символом женственности. В ней Данешвар рисует замечательный образ женщины-матери с сильным характером, которая думает также о месте человека в этом мире. В действительности образ Зари может считаться рассветом нового дня на пути к изображению цельной личности женщины в современной персидской литературе.

Следующие произведения Данешвар – «С кем поздороваюсь» («يك مې باي», 1980) и «Остров блуждания» («بين ادرگرس ريزج», 1993) – так и не смогли привлечь внимание критиков и читателей. В них через героев и героинь были выражены как её собственные феминистические мысли, так и показаны обычные проблемы женщин. Но, следует сказать, что феминизм в Иране, в отличие от Западных стран, не способен так повлиять на судьбу женщины, и имел несколько иное и понимание, и значение. Политические и социальные факторы оказали гораздо большее влияние на раз-

витие самоопределения женщины, чем феминизм.

Надо отметить, что 60-е гг. XX в. в персидской литературе являются периодом появления целого ряда женщин-писателей и их произведений, ориентированных на освещение женских проблем в патриархальном обществе.

Несмотря на то что можно наблюдать феминистские тенденции в современной персидской женской прозе, никого среди персидских писательниц невозможно назвать феминисткой. В этом отношении обычно лишь просматриваются феминистские рассуждения в их творчестве. Шахрнуш Парсипур является одной из популярных писательниц современной женской прозы и «феминизм» служит одной из тем, активно дискутируемых исследователями её произведений. Она говорит о женской судьбе с печалью и жалостью. Она, как любая женщина, в своих историях ищет «свою собственную личность» и мечтает ощущать себя ценным членом общества. Другими словами, «литература позволяет проследить, как этот феномен воспринимался современниками, и, очевидно, это восприятие оказывало влияние на темп и направленность этого процесса» [4, с. 503].

Шахрнуш Парсипур и её литературная деятельность

Ш. Парсипур – одна из самых популярных современных писательниц в Иране. Она родилась 17 февраля 1946 г. в Тегеране. Её отец был адвокатом, а мать – домохозяйкой. Мать происходит из знаменитого тегеранского рода, и именно она развивала интерес

к чтению у маленькой Шахрнуш. Писательница в совсем юном возрасте, когда ей было только 13 лет, уже начала писать рассказы. В последующие годы она сотрудничала с разными журналами и газетами. В 1967 г. она вышла замуж за Насера Тагваи, известного иранского кинорежиссёра, и через год у них родился сын Али. Парсипур окончила тегеранский университет по специальности «социология» в 1973 г. и через некоторое время развелась с мужем. Успешно развивалась её профессиональная карьера, она вела собственную радиопрограмму «Сельские женщины» («يياتسور ناز»). В то же время она занималась литературой и опубликовала несколько сборников рассказов. Она была активной женщиной не только в литературной, но и в социальной, и политической деятельности. Нередко у неё возникали серьёзные конфликты с государством, как до Исламской революции, так и после. Четыре раза власти сажали её в тюрьму, но она не могла молчать, посвящая свои рассказы и романы вопросам протеста против мужского господства и подавления женской сексуальности. Итак, «в начале 1990-х гг., оказавшись на свободе после последнего ареста, Шахрнуш Парсипур покидает родину и через некоторое время получает статус беженца в США, где и проживает до сих пор. После переезда она много путешествует с лекциями и выступлениями, ведёт передачи на радио «Замане» в Амстердаме. Шахрнуш Парсипур является почётным доктором университета Брауна в городе Провиденс и лауреатом нескольких литературных премий» [11, с. 143].

Писательница создала замечательные произведения, такие как сборни-

ки рассказов «Хрустальные подвески» («رولب ياهمزيوآ», 1977) и «Свободные опыты» («دازآ ياهمبرجت», 1978), романы «Собака и долгая зима» («ناتسمز و گس», 1976) и «Туба и сущность ночи» («بش يانعم و ابوط», 1989), сборники рассказов «Женщины без мужчин» («نادره نودب نانز», 1990) и «Чайная церемония в присутствии волка» («بادا», 1993), роман «Разум голубого цвета» («يبآ لقع», 1994), «Тюремные мемуары» («تارطاخ», 1996), роман «Простые и короткие истории духа дерева» («ياهارجام», 1999), сборник рассказов «Шива» («اويش», 1999), роман «На крыльях ветра» («لاب رب», 2002), «Жара в нулевом году» («رفص لاس رد امرگ», 2003), роман «Асией между двух миров» («هي سآ», 2009) и др. Парсипур также владеет китайским языком и перевела много книг с китайского, в том числе «Историю Китая» в 4-х томах.

Признаки феминизма в творчестве Шахрнуш Парсипур

Магический реализм занимает ведущее место в творчестве Ш. Парсипур. Этот художественный метод помогает автору изображать в мире чудес и фантазий то, что она мечтает видеть в реальном мире. Стремление женщины к переменам не только в личной, но и в общественной жизни, присутствует почти во всех произведениях Ш. Парсипур. Женщины в творчестве Парсипур, бунтуя против отживших социальных традиций, выражают своё недовольство униженным положением в обществе с патриархальным строем. Героини Парсипур несчастливы. Это объясняется тем, что «счаст-

ливые женщины никогда не бунтуют». В романе «Туба и сущность ночи» ещё больше обостряется мотив бунтующей женщины. Мунес (سنوم) – это женщина прогрессивных взглядов, которая работает в каком-то учреждении, что значит «вне дома», выходит замуж два раза и делает аборт. По её мнению, женитьба является неприятным обычаем, который ставит женщину в определённые рамки.

В первом романе Парсипур «Собака и долгая зима» отражены жизнь и драматическая судьба девушки из среднего класса. Картины реальной жизни в сочетании с нереальными явлениями и сумбурными мыслями представлены в самом известном произведении писательницы «Туба и сущность ночи». В этом романе писательница смотрит на иранскую женщину сквозь другую призму.

Туба, главная героиня романа, – отверженная женщина, которая стремится к самосовершенствованию и самопознанию через мистическое воображение и в этом пути страдает меланхолической депрессией. В романе Ш. Парсипур бесчувственные и немилосердные мужчины не ценят любви женщины в своих отношениях. Они смотрят на женщину как на лишнее, бесполезное существо. Например, отец Тубы на самых первых страницах романа говорит об основной теме данного произведения. Он сильно ненавидит женщин и про себя думает, что «женщины мыслят и скоро потеряют свою чистоту, а это непоправимо» [9, с. 17]. Отец, как и остальные мужчины романа, является представителем патриархального общества и не уважает женщину как человека и считает её бесильным, беззащитным существом –

«заифе». Именно с этим прозвищем мужчины часто обращались к женщинам в иранском обществе того времени.

В творчестве Ш. Парсипур героини, непрестанно занимающиеся поисками личного счастья, являются одинокими женщинами. Они стремятся к раскрытию своей внутренней сущности, к эмансипации.

В сборнике рассказов «Женщины без мужчин» и романе «Туба и сущность ночи» писательница решила сосредоточить всё своё внимание на личности женщины и её душевных изменениях с точки зрения мифологического и мистического мышления. Женщины Ш. Парсипур способные, но беспомощные, как ребёнок, и потому в постоянном недоумении ищут своё место как в собственной жизни, так и в обществе. По мнению самого автора женщина «ищет свою современную личность» [6, с. 9]. Крупный критик современной персидской литературы, Хасан Мирабедини подтверждает, что «стремление женщин к самоидентификации является основным мотивом женской прозы» [5, с. 1110].

В произведениях Ш. Парсипур повествование чаще всего идёт от первого лица, являющегося преимущественно женщиной. Основная черта характера её героинь – это одиночество. Но одинокие женщины Парсипур одиноки по-особенному. Именно одиночество героинь подталкивает их к жестоким, а иногда циничным поступкам. Находящаяся в вечной борьбе с общественными нормами и религиозными традициями, женщина по-своему ищет свободу, свою индивидуальность.

Путь от традиции, которая всегда смотрит на женщину как на вещь, к обновлению нередко лежит через преодо-

ление догмы. Именно это мы явно видим в поступках и характерах героинь у Парсипур. Например, в её романах «Собака и долгая зима» или «Туба и сущность ночи» изображаются женщины, которые желают быть человеком и жить вне всяких традиционных условностей, т. е. жить «свободно». В романе «Мужчины против женщин» читаем: «ну, что ж, теперь настала очередь женщин. Проклятые, двигаются вперёд. Скоро, наверное, будут министром и адвокатом» [7, с. 87]. Женщины Ш. Парсипур считают себя узниками в железной патриархальной тюрьме. Интересно то, что такая ситуация часто подталкивает женщину к свободным отношениям, чаще всего жёстко запрещённым.

Ш. Парсипур в одной из своих статей «Зачем я пишу?» говорит: «Я пишу, ибо как будто выгляжу человеком, но кто я на самом деле? Хочу знать, как могу представить себе образ Бога? Хочу знать, до какой степени приближается ко мне Дьявол? Мне хотелось обдумать всё это самой, я не хочу, чтобы думали за меня» [6, с. 20]. Она хочет внушить своим читателям мысль, что зависит от тебя самой, какой становиться женщиной, как замечательно об этом сказала Симона де Бовуар: «Женщиной не рождаются, ею становятся».

Явными признаками феминизма в творчестве Шахрнуш Парсипур являются нарушение традиций и популярных общественных обычаев, протест против угнетения женщин патриархальным укладом и капиталистической системой, сражение с суевериями и необоснованными поверьями, критика господствующих законов в патриархальном обществе, борьба против осознанного принятия зла женщинами, изображение исторического унижения

женщины, отстаивание прав женщины, изображение женщин, продающих себя из-за их страха, незащищённости и опасного положения, побуждение женщин к образованию, мышлению и т. п.

Хури (يروح), одна из героинь романа «Собака и долгая зима», говорит, что «устала от того, чтобы быть только вещью, которая ждёт своего мужа. Хотелось мне быть человеком, личностью. Не понимаю, почему нельзя быть человеком. Должно избавиться от такого определения. Мне ..., мне хотелось, что опозорится. Уже давно сильно была утомлена этой честью. Потому что именно эта честь связала мои руки и ноги, как барана в стаде» [8, с. 246].

Самым феминистическим произведением Парсипур является роман «Женщины без мужчин». Как пропагандист феминизма, автор борется с традиционными поверьями. Она смело выражает мысли и тревоги свои и других женщин в образах героинь, желающих утверждать свою человеческую сущность и личность, стремящихся к самоидентификации и индивидуализации. Автор осуждает существующий негативный взгляд на гендерное равенство.

Заключение

Подводя итоги анализа произведений Шахрнуш Парсипур, следует отметить, что в её творчестве преобладает сосредоточенность на женских проблемах, бунт женщин против традиций и общественных порядков, призыв людей, и особенно женщин, к изменению в стиле жизни, призыв всех к равноправию, равенству и внегендерному взгляду. Она ставит перед женщиной важный вопрос: кто есть она на самом деле? С её точки зрения, женщина – это жертва деспотии мужчины и патриархального общества, а иногда женщина сама принимает зло осознанно. По мнению писательницы, переход от традиции к современности требует мыслить по-новому. Мыслить – это именно то, к чему призывает писательница своих героинь и женщин во всём мире. Наблюдая явные признаки феминизма в жизни и творчестве Шахрнуш Парсипур, допустимо сделать вывод о том, что, несмотря на незначительное место феминизма как социального явления в обществе и литературе Ирана, Ш. Парсипур возможно назвать писательницей-феминисткой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриэлян Н. Ева – это значит «жизнь»: проблема пространства в современной русской женской прозе // Вопросы литературы. 1996. Вып. 4. С. 31–71.
2. Данешвар С. Савушун. Тегеран: Харазми, 1970. 307 с.
3. Дорис Лессинг скончалась в возрасте 94-х лет [Электронный ресурс] // Циркуль: [сайт]. URL: <http://cirkul.info/article/doris-lessing> (дата обращения: 07.01.2017).
4. Маг А. Новая Ева и прежний Адам // История женщин на западе. Возникновение феминизма: от Великой Французской революции до мировой войны / под ред. Женевьева Фрассе. СПб.: АЛТЕИЯ, 2015. 503–522 с.
5. Мирабедини Х. Сто лет художественной прозы Ирана: в 4 ч. Тегеран: Чешме, 2016. Ч. 3. 1608 с.
6. Парсипур Ш. Зачем я пишу? // Мир слова (Донйайе сохан), 1998. № 17. С. 8–10.
7. Парсипур Ш. Мужчины против женщины. Тегеран: Ширин, 2004. 303 с.
8. Парсипур Ш. Собака и долгая зима. 3-ий выпуск. Тегеран: Эспарк, 1990. 240 с.

9. Парсипур Ш. Туба и сущность ночи. Тегеран: Алборз, 1993. 413 с.
10. Полищук В. Стихи из книги «Новое рождение» [Электронный ресурс] // Журнальный зал: [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/farro.html> (дата обращения: 05.07.2017).
11. Сухоруков А.Н. Поэтика романа Шахрнуш Парсипур «На крыльях ветра» // Культура и текст. 2017. № 4. С. 142–150.

REFERENCES

1. Gabrielyan N. [Eve means “life”: the problem of space in the modern Russian women’s prose]. In: *Voprosy literatury* [Russian studies in literature], 1996, no. 4, pp. 31–71.
2. Daneshvar S. *Savushun* [Savushun]. Tehran, Kharazmi Publ., 1970. 307 p.
3. [Doris Lessing died at the age of 94 years]. In: *Tsirkul’* [Compass]. Available at: <http://cirkul.info/article/doris-lessing> (accessed: 07.01.2017).
4. Mag A. [New Eve and old Adam]. In: *Istoriya zhenshchin na zapade. Vozniknovenie feminizma: ot Velikoi frantsuzskoi revolyutsii do Mirovoi voiny* [The history of women in the West. The emergence of feminism: from the French revolution to World War II]. St. Petersburg, ALETHEIA Publ., 2015. pp. 503–522.
5. Mirabedini Kh. *Sto let khudozhestvennoi prozy Irana* [One hundred years of Iranian prose]. Tehran, Cheshme, 2016. Vol. 3. 1608 p.
6. Parsipur Sh. [Why do I write?]. In: *Mir slova (Doniaie sokhan)* [The world of the word (Donjaye Sohan)], 1998, no. 17, pp. 8–10.
7. Parsipur Sh. *Muzhchiny protiv zhenshchiny* [Men vs women]. Tehran, Shirin Publ., 2004. 303 p.
8. Parsipur Sh. *Sobaka i dolgaya zima* [The dog and the long winter]. Tehran, Espark Publ., 1990. 240 p.
9. Parsipur Sh. *Tuba i sushchnost’ nochi* [Tuba and essence of the night]. Tehran, Alborz Publ., 1993. 413 p.
10. Polishchuk V. [Poems from the book “the New birth”]. In: *Zhurnal’nyi zal* : [The magazine room]. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/farro.html> (accessed: 05.07.2017).
11. Sukhorukov A.N. [Poetics of the novel Shahrnush Parsipur. “On the wings of the wind”]. In: *Kul’tura i tekst* [Culture and Text], 2017, no. 4, pp. 142–150.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке государственного университета имени Алламе Табатабаи. Проект № 102/۱۰۲ «Сравнительный анализ элементов композиции художественной прозы в творчестве русских и персидских писателей (На основе художественных произведений Виктории Токаревой и Зои Пирзад, Людмилы Улицкой и Шахрнуш Парсипур)».

ACKNOWLEDGMENTS

The article was implemented with the financial support of the State University. Allama Tabatabai. Project No. 102 / ۱۰۲ “Comparative analysis of the elements of the composition of artistic prose in the works of Russian and Persian writers (Based on the works of Victoria Tokareva and Zoe Pirzad, Lyudmila Ulitskaya and Shahnush Parsipur)”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норузи Махназ – кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета персидской литературы и иностранных языков, университета имени Алламе Табатабаи;

e-mail: mah.norouzi@atu.ac.ir

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mahnaz Norouzi – PhD in Philological sciences, assistant professor, Faculty of Persian Literature & Foreign Languages, Allameh Tabataba'i University;

e-mail: mah.norouzi@atu.ac.ir

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Норузи М. Феминизм и современная женская проза в Иране (критический взгляд на феминизм в творчестве Шахрнуш Парсипур) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 154-163

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-154-163

FOR CITATION

Norouzi M. Feminism and the modern female prose in Iran (A critical look at Feminism in the writing of Shahrnush Parsipur). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 154-163

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-154-163

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТА

Ян Юньлу*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация.*

Аннотация. Статья посвящена вопросу воззрений Лермонтова на мир человека и мир природы, которые выражаются в его пейзажной лирике. Обобщён материал по рассматриваемой теме, исследуются характеристики трёх основных состояний человека («жизнь», «смерть», «сон») и воплощение этих состояний в образах природы в лирике поэта. Автор стремится проследить за проявлением личности Лермонтова в его пейзажной лирике. Выделяются и описываются особенности взаимосвязи мира человека и природы в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: природа, жизнь, смерть, сон, Лермонтов, лирика.

REFLECTION OF M. LERMONTOV'S PERSONALITY IN POET'S NATURE POETRY

Yang Yunlu*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is based on Lermontov's views on the human world and the world of nature, which are expressed in his landscape lyric poetry. The article generalizes the material related to the subject, analysis three basic human conditions ("life", "death", "dream") and their embodiment in the images of nature in Lermontov's lyrics. The paper seeks to trace the reflections of Lermontov's personality in the nature poetry. The features of the relationships between the human world and world of nature in Lermontov's poetry are described.

Key words: nature, life, death, dream, Lermontov, lyrics.

В структуре лермонтовского миропонимания выделяются три компонента, представляющие основные состояния человека и конституирующие его художественный мир, – *жизнь, смерть и сон*. Отмеченная триада неизменно находит отражение в восприятии человеком природы, что, в свою очередь, выражается в его творчестве. В настоящей статье мы обращаемся к изучению художественного воплощения миров человека и природы и их взаимосвязи в пейзажной лирике Лермонтова.

Единство названных миров обуславливает появление в творчестве М.Ю. Лермонтова проблемы смысла жизни, которая традиционно в лермонтоведении рассматривается в связи со страстной жадой бытия и жизнедеятельности поэта¹. Характерно, что уже в ранней лирике мотивы воли, жажды деятельности у поэта сочетаются с описанием бурных состояний природы, волнений её олицетворённых образов и сил, например: «Источник страсти есть во мне/ Великий и чудесный / Песок серебряный на дне, / Поверхность – лик небесный. / Но беспрестанно быстрый ток / Воротит и крутит песок» («Поток», 1830–1831) [8]²; «Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой ... / А он, мятежный, просит бури» («Парус», 1832). В.С. Соловьёв ещё в 1901 г. в начале статьи «Лермонтов» высказывает мысль, которую можно перенести на самого поэта: «Человеку естественно хотеть быть больше и лучше, чем он есть в действительности» [14, с. 380], тем самым объясняя тягу Лермонтова к мощным, исполненным жизни природным феноменам. Точно так же Н.Л. Бродский утверждает в 1941 г., что самопознание поэта, «связанное с ... “бореньем дум”, на его высшем подъёме проявлялось в стремлении человека к совершенствованию, к улучшению его моральной природы»

¹ В своих работах этой позиции придерживаются В.Г. Белинский («Стихотворения Лермонтова», 1841), В.Ф. Саводник («Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева», 1911), П.Н. Сакулин («Земля и небо в поэзии Лермонтова», 1914), В.Ф. Асмус («Круг идей Лермонтова», 1941) и др.

² Здесь и далее текст Лермонтова цитируется по: Лермонтов М.Ю. Соч. В 6-ти т. М.-Л.: АН СССР, 1954–1957. Т. 1–2 [8].

[3, с. 23–24]. Лермонтову, обладающему «непримиримым» духом (В.Ф. Асмус [2]), свойственно стремиться к возвышенному, и только в этом случае жизнь для него имеет смысл. Непрерывно действовать и стремиться к совершенству очень важно, хотя и нелегко, – для юного М.Ю. Лермонтова праздная жизнь невозможна. «Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?» («Я жить хочу! хочу печали ...», 1832). Параллельное изображение миров человека и природы образует у Лермонтова особое лирическое пространство: природа способна воздействовать на душу поэта потому, что чувство природы, по мнению В.Ф. Саводника, «органически связано со всем строем его душевной жизни, со всем складом его характера и миро-созерцания» [12, с. 87]. И именно этот аспект жизни и творчества поэта позволил И.А. Киселевой утверждать, что «поэтические пейзажи, созданные Лермонтовым, выражают и его внутренний мир, и открывают объективный смысл “тайн природы”» [6, с. 113].

Поэзия Лермонтова наполнена жадой действия и бытия, однако в то же время поэт помнит о несовершенстве реального мира: звёзды невозможно ясны как «счастье мое», человек «жалкий», люди «бездушные», так как «несовершенства существуют с тех пор, как существует человек» [4, с. 6]. Несмотря на это, природа у Лермонтова – «великая зиждительная сила», ей присуща «божественная гармония» [12, с. 127–129], следовательно, этот разрыв между человеком и природой очевиден и, по словам О.П. Попова, даже «неизбежен», «безусловен» [11, с. 152]. Следует отметить, что чувство разрыва так же

безусловно усиливает трагическую интонацию лирики поэта.

Признавая, что на свете совершенства нет и человек никогда не сможет его достигнуть, Лермонтов в позднем периоде своего творчества («Когда волнуется желтеющая нива ...» (1837), «Из альбома С.Н. Карамзиной» (1841) и «Родина» (1841)) прибегает к описаниям природы, свидетельствующим о более спокойном настроении поэта и его размышлениях о простой жизни: согласно Ю.И. Айхенвальду, Лермонтов «понял и принял жизнь в её земной сущности» [1, с. 98]. В этом плане мы замечаем несогласие между Д.С. Мережковским и Ю.И. Айхенвальдом по вопросу, смирился ли поэт с несовершенством мира в последние годы жизни. Однако Лермонтову был свойственен не пессимизм (точнее сказать, не «пессимизм отчаяния»), а «могущественный протест против всего низменного в жизни» [7, с. 63]. В этом смысле факт отсутствия совершенства не противоречит поискам идеала Лермонтовым. Поэтому до конца жизни поэт не отказывался от прежних убеждений, он не переставал стремиться к идеалу, в соответствии с концепцией В.Ф. Асмуса, для поэта понятие совершенства позитивно, оно воспринимается оптимистически, только как «идея, способная стать действительностью», и постижение жизни для Лермонтова означает «деятельность» [2, с. 87–88]. Вследствие этого после строк «Он не позволил бы искать, / В себе и в мире совершенства, / Когда б нам полного блаженства / Не должно вечно было знать» у поэта в следующей строфе появляются более светлые мысли: «Но чувство есть у нас святое, / Надежда, бог грядущих дней». Разде-

ляет позицию Кропоткина и Асмуса и исследователь С.Г. Семенова, полагая, что переживание несовершенства порождает у Лермонтова не лишь «жалобную ноту», а «жажду бытия» [13, с. 89]. Соответственно, пейзаж в ряде поздних стихотворений отмечен не пессимистическими, а спокойными, гармоничными оттенками.

Если воплощение жизни у Лермонтова постоянно связано с дневными образами природы, то смерть часто ассоциируется с ночными пейзажами. В ночном цикле и в ряде стихотворений, озаглавленных «Смерть» (1830, 1830–1831), «Оставленная пустынь предомной ...» (1830), «Завещание» («Есть место: близ тропы глухой ...», 1831) мы читаем: «не серое, не голубое небо», «мрачные воды», «Высоких лип стал пасмурней навес, / Когда луна взошла среди небес», «Закат горит огнистой полосой» и т. д. Тут опять появляется параллельное изображение мира природы и человека. И притом, когда поэт размышляет о смерти, из-за «горечи личных испытаний и обид», его пейзажи всегда «окрашены субъективным тоном» [12, с. 134].

В вышеупомянутых стихотворениях Лермонтова смерть связывается, прежде всего, не с заунывным страхом, а с боязнью потерять нечто бесценное, что для поэта является не жизнью, а «бессмертным» бытием. Согласно В.Ф. Асмусу, Лермонтов боится лишиться возможности стать «плодотворным и живым в результатах своего творческого труда» [2, с. 97]. Иными словами, для него «концом света» оказывается «развоплощение личности, отрыв души от тела» [13, с. 57]. Косвенным подтверждением этого положения могут служить строки из

стихотворения «Выхожу один я на дорогу ...» (1841): «Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь», – представляющие идеал жизни для поэта. Всё живое постоянно рождается и увядает, но плоды творчества могут жить в веках. По сравнению с брэнной жизнью, красота человеческой души и ума, выраженная в творчестве, намного ближе к вечности. Именно такие значимые, достойные плоды своего творчества Лермонтов желал бы оставить после себя в мире. И следует заметить, что наряду с этим он уже предчувствовал возможность своего вечного бытия, – «Никто не чувствовал так ясно, что смерти нет» [9, с. 47]. Поэт осознаёт мощь своей духовности: «Ужели также вдохновение / Умрёт невозвратно с ним? / ... / Нет, нет, – мой дух бессмертен силой, / Мой гений веки пролетит / И эти ветви над могилой / Певца-страдальца освятит».

Таким образом, смерть не пугает Лермонтова, и в 1837 г. поэт пишет, что «я без страха жду довременный конец» («Не смейся над моей пророческой тоской ...», 1837). В связи с этим исследователь С.В. Шувалов замечает, что смерть для поэта является «лишь переходом к другому бытию» [16, с. 139], возле которого ветви дерева освятят гений или тёмный дуб будет вечно зеленеть, склоняться и шуметь.

Наряду с отмеченными состояниями «жизни» и «смерти» в структуре миропонимания Лермонтова присутствует ещё мир сна, одной из особенностей изображения которого является реалистичность. Например, в стихотворениях «Сон» («Я видел сон: прохладный гаснул день ...», 1830–1831), «11 июля» (1830–1831), «Видение» (1831), «Сон» («В полдневный

жар в долине Дагестана ...», 1841) и др., поэт настолько достоверно описывает сновидения, что граница между реальной жизнью и сном как будто стирается. Но в конечном итоге для Лермонтова сон остался отделённым от жизни, и мы определяем его скорее как «третье состояние существования человека», в соответствии с концепцией Г.В. Москвина [10, с. 87]. В этом состоянии, согласно мировоззрению Лермонтова, сон смешивается не только с реальной жизнью, но и со смертью. К этой группе стихотворений относятся лирические произведения «Ночь I» (1830), «Ночь II» (1830), «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами ...», 1830–1831) и «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана ...», 1841). И наконец, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу ...» (1841) пересекаются все эти три состояния: «Но не тем холодным сном могилы ... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь; / Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел». В этом особом сочетании состояний человека также участвует природа: «Надо мной чтоб, вечно зелёная, / Тёмный дуб склонялся и шумел». Природа своим образом участвует и отвечает поэту. К.Н. Григорьян так характеризует взаимодействие между природой и человеком: «Природа порождает в впечатлительной, высоко восприимчивой натуре поэта неизъяснимые эмоции, тончайшие душевные движения, которые не легко выразить при помощи слов, придать им более или менее осязаемые, определённые очертания» [5, с. 204].

Перед тем как мы перейдём к обсуждению вопроса об отношении

между человеком и природой в состоянии *сна*, интересно привести одну древнюю аллгорию, упомянутую в произведении китайского философа Чжуан-Цзы: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в своё удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу» [15, с. 73].

Чрезвычайно важным моментом в этой аллгории является закон отождествления: двум субъектам («бабочка» и «я») одновременно снится один и тот же сон. Граница между ними исчезает, бабочка и философ легко превращаются друг в друга. По такому же закону, согласно концепции И.Р. Эйгеса в 1914 г., был устроен метафизический мир сна в поэзии Лермонтова: в стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана ...», 1841), которое известно нам как «сновидение в кубе» (по В.С. Соловьёву), описывается «тождество субъектов всех трёх сновидений»; в стихотворении «Утёс» (1841) поэт «видит себя тучкой, видит себя утёсом», тучка и утёс отождествлены «в едином акте созерцания в душе творца их как субъекте сновиде-

ния, отождествляются и между собой»; в стихотворении «Русалка» (1832) в «сновидческий» образ русалки таким же образом превращаются «игры волны, озарённой луной» [17, с. 513–515, 523]. Следовательно, у Лермонтова в мире сна образы *человека и человека, природы и природы, человека и природы* всегда отождествляются и перетекают друг в друга.

В результате анализа концептов *жизни, смерти и сна* как основных состояний человека и мира природы в контексте поэзии Лермонтова можно сделать следующие выводы: мир природы мыслится как самостоятельный, отдельный от мира человека, однако между ними существует параллелизм, состояния человека и природа переключаются друг с другом. В художественном творчестве поэта бытие человека (то есть жизнь, смерть и сон человека) взаимодействует с природой. Помимо того, природа приобретает уникальное значение в сновидениях, описанных в лирике Лермонтова. В состоянии сна природа и человек отделены друг от друга, но граница между ними отсутствует – душа поэта и душа природы отождествляются, и лишь природа способна так чётко выразить душевные чувства поэта, которые порой трудно описать словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю.И. Лермонтов // Силуэты русских писателей. Выпуск 1. 5-е исп. изд. М.: Мир, 1917. С. 82–100.
2. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. Т. 43/44. Кн. I. С. 83–128.
3. Бродский Н.Л. Философские основы поэзии Лермонтова // Литература в школе. 1941. № 4. С. 23–32.
4. Гершензон М.О. Видение поэта. М.: 2-я Тип.–Лит. МГСНХ, 1919. 80 с.
5. Григорьян К.Н. Лермонтов и романтизм. М.–Л.: Наука, 1964. 300 с.
6. Киселева И.А. «Тайны природы» в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Рус-

- ский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 109–114.
7. Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе / единств. изд., разреш. для России автором, пересм. и доп. им / пер. с англ. В. Батуриного под ред. автора. СПб.: Знание, 1907. 367 с.
 8. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1828–1831. Т. 2. Стихотворения 1832–1841. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1954–1957.
 9. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб.: Пантеон, 1909. 88 с.
 10. Москвин Г.В. Концепты «Смерть», «Сон», «Любовь» в лирике М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2009. СПб.: Лики России, 2010. С. 84–89.
 11. Попов О.П. «С природой одною он жизнью дышал ...» // Русь. 1996. № 5. С. 151–158.
 12. Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М.: С.П. Яковлев, 1911. 211 с.
 13. Семенова С.Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. 440 с.
 14. Соловьёв В.С. Лермонтов // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–398.
 15. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 59–286.
 16. Шувалов С.В. Религия Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Издательство товарищества «В.В. Думнов, наследники братьев Салаевых», 1914. С. 135–164.
 17. Эйгес И.Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. Т.1. С. 512–534.

REFERENCES

1. Aikhenval'd Yu.I. [Lermontov]. In: *Silueti russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Mir Publ., 1917. Iss. 1. pp. 82–100.
2. Asmus V.F. [Lermontov's range of ideas]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 43/44. no. 1, pp. 83–128.
3. Brodskii N.L. [Philosophical foundations of Lermontov]. In: *Literatura v shkole* [Literature at school], 1941, no. 4, pp. 23–32.
4. Gershenzon M.O. *Videnie poeta* [The vision of a poet]. Moscow, 2nd Type.–Lit. MSNH Publ., 1919. 80 p.
5. Grigor'yan K.N. *Lermontov i romantizm* [Lermontov and romanticism]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 300 p.
6. Kiseleva I.A. ["Secrets of nature" in the art world of M. Lermontov]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and modernity: collection of scientific papers]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. pp. 109–114.
7. Kropotkin P.A. *Idealy i deistvitel'nost' v russkoi literature* [Ideals and reality in the Russian literature]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1907. 367 p.
8. Lermontov M.Yu. *Sochineniya: v 6-ti tomakh*. Т. 1. *Stikhotvoreniya 1828–1831*. Т. 2. *Stikhotvoreniya 1832–1841* [Works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems 1828–1831. Vol. 2. Poems 1832–1841]. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1954–1957.

9. Merezhkovskii D.S. *M. Yu. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva* [M. Lermontov. The poet of superhumanity]. St. Petersburg, Panteon Publ., 1909. 88 p.
10. Moskvina G.V. [The concepts of "Death", "Dream", "Love" in the lyrics of M. Lermontov]. In: *Lermontovskie chteniya – 2009* [Lermontov readings – 2009]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2010. pp. 84–89.
11. Popov O.P. ["With nature alone he breathed the life..."] In: *Rus'* [Rus], 1996, no. 5, pp. 151–158.
12. Savodnik V.F. *Chuvstvo prirody v poezii Pushkina, Lermontova i Tyutcheva* [The feeling of nature in the poetry of Pushkin, Lermontov and Tyutchev]. Moscow, S.P. Yakovlev Publ., 1911. 211 p.
13. Semenova S.G. *Preodolenie tragedii: "Vechnye voprosy" v literature* [Overcoming tragedy: "Eternal questions" in the literature]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 440 p.
14. Solov'ev V.S. [Lermontov]. In: *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. pp. 379–398.
15. Chzhuan-tszu. *Le-tszy* [Le-Tzu] Moscow, Mysl' Publ., 1995. pp. 59–286.
16. Shuvalov S.V. [Religion of Lermontov]. In: *Venok M. Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik* [Wreath for M. Lermontov: Anniversary collection]. Moscow, Petrograd, Izdatel'stvo tovarishchestva "V. Dumnov, the heirs of the Salaev brothers", 1914. pp. 135–164.
17. Eiges I.R. [On Lermontov (To the metaphysics of the dreaming)]. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra. Antologiya* [Lermontov: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg, Publishing house of Russian Christian Academy for the Humanities, 2013. Vol. 1, pp. 512–534.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ян Юньлу – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: lyubayyl@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yang Yunlu – postgraduate student at the Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lyubayyl@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ян Юньлу. Отражение личности М.Ю. Лермонтова в пейзажной лирике поэта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 164-170
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170

FOR CITATION

Yang Yunlu. Reflection of M. Lermontov's personality in poet's nature poetry. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 164-170
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-164-170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-171-177

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Шарыпина Т.А.

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “NATIONAL CODES IN LANGUAGE AND LITERATURE. LITERARY CRITICISM”

Sharypina T.A.

*Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
23, Gagarina ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation*

1–3 декабря 2017 г. в Институте филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского проходила Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе». С 2013 г. конференции, посвящённые изучению национальных кодов в западноевропейской и русской словесности («Национальные коды в европейских литературах XIX–XXI вв.»), ежегодно проводит кафедра зарубежной литературы. В 2017 г., как и в 2014 г., Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» была организована и проведена совместно с кафедрой современного русского языка и общего языкознания, что позволило осветить поставленную проблему всесторонне, комплексно.

В 2017 г. работа литературоведческих секций конференции определялась глобальной темой «Феномен революции в мировом литературном сознании», связанной со 100-летием революции 1917 г. в России. На пленарном заседании профессором Института филологии и журналистики ННГУ имени Н.И. Лобачевского И.С. Юхновой был прочитан доклад «Мир Востока в эпоху революционных преобразований в произведениях М. Швердина», в котором ярко освещены вопросы соотношения художественных и политико-идеологических смыслов восточного восприятия русской революции. В выступлении доцента

кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета А.И. Кузнецовой «Образ Ленина в дадаизме и постдадаистическом нарративе» проанализированы причины и обстоятельства генезиса устойчивого фикционального сюжета мировой литературы и искусства XX–XXI вв., связанного с возможным знакомством Владимира Ленина и Тристана Тцара (П. Вайс, Т. Стоппард, А. Кодреску и др.), а также одна из первых литературных обработок этого диалога – пьеса П. Вайса «Троцкий в изгнании». Доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета А.А. Стрельникова в докладе «Миф о “новом человеке” в творчестве И.Р. Бехера» рассмотрела названную проблему в широком контексте эстетических воззрений писателя.

Литературоведческая часть конференции была продолжена секционными заседаниями, которые проходили по следующим направлениям: «Феномен революции в мировом литературном сознании: мифы и реальность», «Революционный дискурс в мировом культурно-историческом и художественном пространстве», «Осмысление динамики интерпретаций русской и зарубежной литературой революционных контекстов».

Работа секции «Феномен революции в мировом литературном сознании: мифы и реальность» была посвящена рассмотрению многообразия революционных идеологических моделей и особенностям их трактовки зарубежным литературным сознанием. Доклад профессора И.Б. Казаковой (Самара, СГСПУ) был посвящён

анализу темы Великой французской революции в творчестве Уильяма Водсворта. В частности, была прослежена определённая динамика в восприятии английскими романтиками глобального катаклизма исторической эпохи. Гражданская война 1861–1865 гг. в литературе «южной» традиции 1930 гг. стала предметом анализа в сообщении профессора И.Б. Архангельской (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород). Формированию национальных рецептивных континуумов революционного феномена был посвящён целый ряд выступлений. В докладе профессора Т.А. Шарыпиной (Нижний Новгород, ННГУ) анализировалась тема Крестьянской войны в Германии и феномен революционного сознания в пьесах Фридриха Вольфа «Бедный Конрад» (1923) и «Томас Мюнцер, человек со знаменем радуги» (1953). Речь шла не только о том, что проблемой развития и становления героя и народной массы в борьбе за свои права Ф. Вольф занимался всю жизнь, но и о самой специфике феномена революционного сознания в Германии. В докладе А.А. Ольковой (Нижний Новгород, ННГУ) рассмотрено своеобразие воплощения революционного кода в драматургии Ирландии. В сообщении Л.А. Мельниковой (Балашов, Балашовский институт СГУ), посвящённом особенностям изображения революционной действительности в пьесе Э. Толлера «Человек–масса», выявляется центральный конфликт произведения, представляющий собой противостояние Человека и Массы.

Тема философского осмысления истории в драматургии Хайнера Мюллера (1970–1990-х гг.) стала предметом анализа в сообщении А.С. Фроловой (Нижний Новгород, ННГУ), в част-

ности, докладчик констатировал, что в мировоззрении Хайнера Мюллера история больше не предстаёт перед нами как непрерывный логический процесс, а, следовательно, форма привычного драматического нарративного повествования в таком случае становится невозможной. Особенно-стям зарубежных трактовок утопических смыслов русской литературы был посвящён доклад польской исследовательницы Эвы Козак, кандидата гуманитарных наук Естественного-гуманитарного университета (Седльце, Польша). В нём рассматривались два облика революции в романе известного современного польского писателя Яцека Дукая «Ксаврас Выжрын».

Два доклада были посвящены осмыслению проблем Германии эпохи объединения и падения Берлинской стены. В сообщении М.В. Мазеновой (Нижний Новгород, ННГУ) о традициях Т. Фонтане в повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» делается вывод о том, что сама художественная структура этого произведения способствует изображению атмосферы смены философских, социально-политических ориентиров в эпоху перелома, позволяя воспроизвести различные оттенки отражения происходящих событий в зависимости от исторического опыта героев и повествователей. В докладе польской исследовательницы Адрианы Погода-Колодзаяк, кандидата гуманитарных наук Естественного-гуманитарного университета (г. Седльце) рассматривалась животрепещущая проблема пересмотра нравственных ценностей и итогов второй мировой войны в современном немецком киноискусстве эпохи объединения.

В работе секции «Революционный дискурс в мировом культурно-историческом и художественном пространстве» приняли участие восемь докладчиков. В докладе профессора Н.Э. Сейбель (Челябинск, ЮУрГГПУ) обозначены основные векторы обсуждения предложенной темы. Рассматривая роман Ф. Верфеля «Барбара, или благочестие» (1929) в контексте экспрессионизма, докладчик отметил зафиксированную в этом направлении «готовность к тотальной жестокости», свойственную эпохе первой трети двадцатого века. Доклад профессора Г.И. Родиной (Арзамас, АфННГУ) представляет политические взгляды Г. Зудермана. Тема русской революции как квинтэссенции переходной эпохи связана с социальными и этическими проблемами рубежа веков, раскрытыми немецким писателем в его творческом наследии.

В контексте революционных идей первой трети XX в. В.И. Кравченко (Ростов-на-Дону, ДГТУ) рассмотрел творчество английского писателя Д.Г. Лоуренса. Он напомнил об утверждении английского писателя, что «большевизм – новое величайшее заблуждение человечества». В центре исследования здесь роман «Пернатый змей» (1929), художественный мир которого связан с историей Мексиканской революции. Картину общественного самосознания Европы, воплощённого в творчестве писателей разных стран, удачно дополнил доклад Е.Э. Овчаровой (Санкт-Петербург, СПбГУ) о социальных прозрениях Анатоля Франса.

Современной литературе, связанной с проблемами революционного дискурса, были посвящены доклады,

представляющие литературу Великобритании. Художественное воплощение «тотальной жестокости» эпохи в романе современного английского писателя Д. Мика «Декрет о народной любви» (2005), созданном на основе исторических материалов гражданской войны в России, рассмотрено в докладе В.Г. Новиковой (Нижний Новгород, ННГУ). М.С. Дроздова (Москва, МГПУ) представила «поэзию в эпоху социальных потрясений» на материале книги Д. Фаулза «Аристос» и его сборника стихов «Избранное». Она останавливается на идее, которую всемерно поддерживал этот современный английский классик: социальное развитие состоит из личных вкладов ярких личностей, особенно личностей поэтов.

В связи с разочарованием, характерным для эпохи социальных потрясений, закономерно появление антиутопий. К очень яркой в этом отношении диалогии С. Таунсенд, посвящённой крушению британской королевской семьи, обращён доклад Ю.Г. Ремаевой (Нижний Новгород, ННГУ). А.А. Липинская (Санкт-Петербург, СПбГУ) вновь работала с литературным материалом первой половины XX в., достаточно неожиданным в контексте конференции. Её доклад посвящён готической новелле Э. Норткопа. Следует отметить, что А.А. Липинская не только переводчик, но и один из самых заметных отечественных специалистов в области современной литературной готики, что и позволило ей убедительно связать готику и революцию.

В докладах, заслушанных на заседании секции «Осмысление динамики интерпретации европейской литерату-

рой революционных контекстов», рассматривалось, как осознавалась тема революции и революционных преобразований в литературе и фольклоре. В докладе Н.А. Федосеевой (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ) было показано, как в марийской поэзии XIX в. представлена тема революции. Это событие соотносится поэтами с природными образами грозы, молнии. Революция преобразует мир, озаряет его новой идеей. Преобладание природных образов объясняется системой верований марийцев, у которых сохраняется язычество. А ритмику и строфику они переняли у русских поэтов, воспевавших революцию (в частности, часто используют «лесенку» В.В. Маяковского).

В центре внимания Альдоны Борковской (Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце, Польша) оказался роман Владимира Зазубрина «Щепка». В докладе было показано, что писатель воспринимает революцию как механизм, как машину, и такое восприятие определило художественные особенности произведения: преобладание сенсорных метафор, ориентация на зрительное восприятие. Подробно была рассмотрена цветовая символика: отмечено преобладание красного, чёрного, белого цветов, которые связаны с идеей смерти, крови, образом апокалипсиса. О.И. Плешкова (Барнаул, АлтГПУ) обратилась к творчеству Бориса Акунина. Она рассмотрела два произведения писателя – роман «Пелагея и Красный Петух» и новеллу «Материя первична». В первом произведении докладчица прокомментировала мистические коннотации и библейские аллюзии. Во втором раскрыла аналогию «коммунизм – вампиризм» и объяснила оформление первого изда-

ния книги, в которую включена данная новелла.

В докладе О.С. Сухих (Нижний Новгород, ННГУ) «Революция как путь обречённых в романе Л. Юзефовича “Зимняя дорога”», во-первых, была раскрыта историческая основа произведения, во-вторых, сопоставлены судьбы генерала Пепеляева и анархиста Строда. Революционные контексты в произведениях Юрия Олеши выявила и проанализировала А.Н. Ушакова (Нижний Новгород, Нижегородский филиал УРИО), показав, что понимание сущности революции писателем оказалось наиболее близко европейскому читателю. Л.Х. Насрутдинова (Казань, КФУ) представила доклад, выполненный совместно с Н.Г. Махиной, «Образ игрушечного мира в детской литературе 1920-х гг. как отражение реальности революции и гражданской войны». Авторы доклада выявили генезис сюжета, обозначили круг произведений, в которых он представлен, проанализировали его пропагандистско-воспитательное значение.

Доклад А.А. Смолянской (Санкт-Петербург, СПбГУ) был обращён к целому ряду произведений: «Холстомеру» Л. Толстого, «Путешествию Гулливера ...» (4-я часть) Дж. Свифта, «Скотному двору» Дж. Оруэлла, «Скотскому бунту» Н. Костомарова и «Бунту» В. Реймонта. Автором убедительно доказано, что между ними существует текстовая омонимия, а главным основанием для рассмотрения этих произведений в едином контексте для неё стало использование одного художественного приёма – показано общество людей с точки зрения животного (неантропоморфный

взгляд на общество). Особый интерес вызвал доклад Ю.М. Шеваренковой (Нижний Новгород, ННГУ) «Нижегородские частушки о Ленине в записях 20–30-х гг. XX в.». Ценность данного исследования и в материале (политические частушки, как правило, боялись записывать, потому они ушли из коллективной памяти), и в характере его интерпретации. Докладчица показала, как, сохраняя традиционную форму, народ сумел выразить своё отношение к новой власти и её вождям.

Завершал научное мероприятие круглый стол «Русская революция в западном литературном сознании XX–XXI вв.», организованный Научно-исследовательской лабораторией «Изучение национально-культурных кодов русской идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв.» Института филологии и журналистики ННГУ имени Н.И. Лобачевского и Отделом теории, Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ имени А.М. Горького РАН в рамках межинституционального международного проекта «Русская литература – революция – Россия в зарубежном воображении XX в.» ИМЛИ РАН. Большая часть выступлений была посвящена осмыслению особенностей зарубежного восприятия и понимания мира революционной России в контексте процессов зарубежной рецепции русской литературы. В центре внимания также было взаимодействие зарубежной русской литературы и идей русского анархизма, марксизма и т. д. (труды П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина, Г.В. Плеханова, А.В. Луначарского, Л.Д. Троцкого). В частности, М.Ф. Надъярных (Москва, ИМЛИ РАН) была рассмотре-

на история создания и уничтожения книги «Красные ритмы» Х.Л. Борхеса, а Е.Э. Юрчик (Москва, МГУ) проанализировала освещение испанской либеральной прессой (1917–1918) октябрьских событий 1917 г. в России. Осмысление русской революции в немецком литературном сознании через призму личности и творчества В.В. Маяковского рассмотрено Т.В. Кудрявцевой (Москва, ИМЛИ РАН). Автором были выявлены примеры прижизненной и современной рецепции личности и творчества Маяковского в Германии в контексте революционной проблематики произведений русского поэта. В основу анализа положена переводческая и литературоведческая деятельность Л. Кошута.

Художественное отражение революционных событий истории Индии XX в. на примере романов Салмана Рушди («Дети полуночи», «Клоун Шалимар» и др.) было рассмотрено

Э.Э. Новинским (Москва, МГИМО МИД РФ). Изображение революции 1917 г. в трилогии Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов» стало предметом сообщения А.В. Емелиной (Нижний Новгород, ННГУ). Мифологизации русской революции и гражданской войны в историческом детективе «Контрибуция» (1987) Л. Юзефовича и одноимённой экранизации (2016) С. Снежкина были проанализированы в завершающем докладе д. филол. н. Д.В. Кобленковой (Нижний Новгород, ННГУ).

Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» стала новым шагом в осмыслении революционных процессов в обществе и отражении этого осмысления в литературе. Участники конференции выразили глубокую благодарность организаторам конференции и надежду на будущие встречи в Нижнем Новгороде.

Выступление
В.В. Сайлина,
первого проректора,
проректора
по экономическому
образованию
и инновационному
развитию
Нижегородского
госуниверситета
имени
Н.И. Лобачевского

Идёт пленарное
заседание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарыпина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; научный руководитель лаборатории «Изучение национально-культурных кодов русской идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв.» Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; e-mail: swawa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Sharypina – Doctor in Philological sciences, professor, head of the Department of Foreign Literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; scientific supervisor of the laboratory “The study of national and cultural codes of the Russian identity in the context of the European mentality at the turn of the 20th and 21st centuries”, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: swawa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шарыпина Т.А. Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе. Литературоведение» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 171-177
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-171-177

FOR CITATION

Sharypina T.A. International scientific conference “National codes in language and literature. Literary criticism”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 171-177
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-171-177

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-178-182

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОДЫ
В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ. ЛИНГВИСТИКА»****Герасименко Н.А.***Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация***INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “NATIONAL CODES
IN LANGUAGE AND LITERATURE. LINGUISTICS”****N. Gerasimenko***Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Проблема национальной идеи относится к наиболее сложным и спорным в современной науке, потому что многоаспектность, наличие множества часто противоположных взглядов, трудность определения не способствуют её детальному исследованию. Однако она неизбежно привлекает внимание философов, социологов, психологов и, конечно, филологов, которые изучают разные стороны проблемы на фоне национальных кодов, реализующихся в языках и литературах разных народов. Поэтому традиционная Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе», которая прошла 1–3 декабря 2017 г. в Институте филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, вызвала огромный интерес научной общественности. В ней приняли участие представители многих ведущих вузов Российской Федерации (Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва, Московского государственного лингвистического университета, Московского педагогического государственного университета, Московского государственного областного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Башкирского государственного университета, Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Вятского государственного университета, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева, Оренбургского государственного педагогического университета, Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова), научно-исследовательских институтов (Институт языкознания РАН, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева), зарубежных центров образования (Университета г. Белграда (Сербия), Будапештского университета имени Лоранда Этвеша (Венгрия),

Университета Иватэ (г. Мориока, Япония), Естественно-гуманитарного университета (г. Седльце, Польша), Технического университета (г. Брауншвайг, Германия)) и др.

С 2013 г. конференции, посвящённые изучению национальных кодов в западноевропейской и русской словесности («Национальные коды в европейских литературах XIX–XXI вв.»), ежегодно проводит кафедра зарубежной литературы ННГУ имени Н.И. Лобачевского. Лингвисты присоединялись в 2014 г. И вот в 2017 г. Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» организуется и проводится совместно с кафедрой современного русского языка и общего языкознания. Общая цель, единая проблема способствуют всестороннему освещению трудных вопросов, касающихся формирования и изменения национальных кодов в языке и литературе.

На пленарном заседании живой интерес вызвали доклады В.В. Сайгина «Концептуальные поля как единицы языка культуры», И.С. Юхновой «Мир Востока в эпоху революционных преобразований», М.Л. Ковшовой «Лингвокультурологический анализ паремий и идиом. Коды русской культуры». Общая идея конференции – национальные коды отражают неповторимый менталитет народа – объединила всех участников и позволила литературоведам, культурологам, педагогам и лингвистам консолидировать усилия в поиске путей осознания, исследования и описания национальных кодов в языке и литературе.

Лингвистическое направление объединило работу трёх секций, в каждой из которых проходило заинтересованное обсуждение выступлений участников.

На заседаниях секции «Современные проблемы лингвокультурологии и концептуального анализа» были представлены доклады учёных из Нижнего Новгорода, Арзамаса и Саранска. Доклады были посвящены осмыслению понятия концепта, описанию отдельных концептов и различных культурологических феноменов, связанных с языковой картиной мира. Проблема онтологии концепта и метаязыка для его описания отражена в докладе С.Н. Виноградова. Исследованию отдельных концептов на основе методики ассоциативных экспериментов были посвящены доклады Л.И. Ручиной, Е.В. Анисимовой, Н.Г. Глебовой. Объекты лингвокультурологического содержания отражены в докладах Л.Н. Денисовой (наименование построек и их частей в русских говорах), О.В. Никифоровой (словарная репрезентация обрядовых действий), Л.А. Климковой (ключевые слова эпохи). Элементам языковой картины мира посвящены доклады Е.В. Мариновой (активность единиц аналитического типа в выражении лингвистических понятий), К.А. Власовой (сравнение вербализованных представлений, отражённых в языковой картине мира в разных языках), М.В. Сандаковой (метафора прочности в русском языке). Будучи новыми по предмету и методике исследования, многие доклады опирались на традиционные апробированные понятия функционирования языка (Е.В. Маринова, М.В. Сандакова, Л.А. Климкова), понятие сферы функционирования языка (Л.Н. Денисова, О.В. Никифорова). Каждый из докладов был объектом активного обсуждения участниками секции и слушателями. Задавалось много вопросов как на секции, так и в кулуарах. Участники

подчеркнули значительное сходство в исследовательских подходах и единство взглядов на многие лингвокультурологические феномены.

На заседании секции «Социокультурные и лингвопрагматические аспекты активных процессов в славянских языках» было заслушано 10 докладов. Все доклады приняты с живым интересом, потому что были посвящены актуальным вопросам лексикологии, словообразования, грамматики как русского, так и славянских языков: чешского (в синхронии и диахронии), сербского. Несмотря на тематическое разнообразие, доклады были объединены ярко выраженными семантическим и прагматическим подходом. Выступления докладчиков сопровождались заинтересованным обсуждением.

На заседании секции особо были отмечены доклады иностранных гостей – И.В. Палоши (Венгрия) «Семантика диминутивности в сфере глаголов» и Д. Хоригути (Япония) «Окказиональное вкрапление префикса недо-», выполненные на высоком научном уровне, показавшие глубокий интерес авторов к семантическим аспектам русского языка и прекрасное владение русским языком.

В секции «Актуальные проблемы лингвопоэтики, стилистики и дискурс-анализа» обсуждались важные аспекты функционирования русского языка. Значительное место заняли доклады диахронического характера, посвящённые сложным вопросам истории русского языка, его функционирования в памятниках письменности и религиозном дискурсе (Е.Л. Берестова, Е.Г. Дмитриева, О.Ю. Шавлюк, О.В. Лихачева и др.). Важность диахронического подхода к

анализу функционирования русского языка трудно переоценить, потому что он даёт возможность предвидеть возможные пути развития того или иного языкового феномена. Значительное внимание было уделено языку средств массовой информации, потому что влияние СМИ на современное состояние русского языка является очень сильным. В докладах Л.В. Грехневой, Е.А. Есиной, И.В. Фуфаевой рассмотрены актуальные процессы, отражающие новые явления и смыслы в национальных кодах русского языка.

Большой интерес вызвал круглый стол «Язык и культура», во время которого участникам были представлены книга Т.Б. Радбиля «Язык и мир: парадоксы взаимоотражения» (Москва: Издательский дом ЯСК, 2017), а также коллективная монография Т.В. Романовой, А.Ю. Малафеевой, Н.Н. Морозовой и М.А. Климовой «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)» (Нижний Новгород, 2017).

Участники конференции выразили глубокую благодарность организаторам конференции за творческий подход к решению организационных вопросов, доброжелательную и наукоёмкую обстановку на конференции, внимание к актуальным проблемам русского языка и литературы. Особенные благодарственные слова были произнесены в адрес Татьяны Александровны Шарыпиной, зав. кафедрой зарубежной литературы ННГУ имени Н.И. Лобачевского, инициатору проведения конференции «Национальные коды в языке и литературе» и бесменному руководителю литературоведческого направления, а также Ларисе Викторовне Рацибурской, зав. кафедрой

современного русского языка и общего языкознания ННГУ имени Н.И. Лоба-

чевского, зам. председателя оргкомитета международной конференции.

Доклад М.Л. Ковшовой
на пленарном заседании

Перед началом
конференции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; Почётный работник Высшего профессионального образования РФ; e-mail: nataly@lsm.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; e-mail: nataly@lsm.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н.А. Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе. Лингвистика» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 178-182
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-178-182

FOR CITATION

Gerasimenko N.A. International scientific conference “National codes in language and literature. Linguistics”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 178-182
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-178-182

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-183-189

**ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО КРАЯ И ЯЗЫКА В ШКОЛЕ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВЕРХОВЫХ Л.Н. ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ
В ШКОЛЕ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2017. 255 С.)**

Брысина Е.В., Супрун В.И.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, пр-т Ленина, д. 27, Российская Федерация*

**THE STUDY OF THE NATIVE REGION AND LANGUAGE AT SCHOOL
(REVIEW OF THE BOOK BY L. VERKHOVYKH. TEACHING OF LINGUISTIC
FEATURES OF THE REGION AT SCHOOL: A TEXTBOOK. VORONEZH,
PUBLISHING HOUSE OF VORONEZH STATE UNIVERSITY, 2017. 255 P.)**

E. Brisina, V. Suprun

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, Lenina ave., Volgograd, 400066, Russian Federation*

Современные инновационные процессы в социальной сфере направлены в первую очередь на гуманитаризацию общества, что находит своё выражение в повышении уровня культуры и образованности населения, развитии доброжелательности, повышении уровня взаимодействия разных социальных слоёв и групп, поэтому актуальность вопросов, связанных с воспитанием осознанного отношения к истории и современности, к культурным традициям народа, с бережным отношением к своей семье и малой своей родине, русскому и иному родному языку, обусловлена в первую очередь антропоцентрической ориентацией современной лингвистической науки, ставящей в центр исследования проблемы взаимосвязи человека и языка, человека и культуры.

Воспитание данных качеств личности – одна из важнейших задач современного общества. Её решение обеспечит высокий уровень лингвокультурной грамотности населения, его стремление познать и сохранить культурные традиции родного края и России в целом.

Неограниченными возможностями в этом направлении обладает современная школа, культурно-воспитательный потенциал которой до сих пор не реализован в полной мере. Резкое снижение общей культуры в стране, и молодёжной субкультуры в частности, ведёт к утрате нравственных ценностей общества, понижению уровня культурного знания, нежеланию молодых людей познавать историю и культуру родного края и приобщаться к культурным традициям своей Родины.

Региональный компонент культуры, науки и образования, активно пропагандируемый государством на современном этапе развития общества, обусловил исследовательский интерес к проблеме формирования и развития культурного потенциала региона. Культурный мониторинг и научная интерпретация состояния культуры той или иной республики, края или области России, углублённое изучение истории малой родины и её современного состояния позволяют не просто пополнить и расширить имеющиеся в распоряжении учёных и практиков сведения по данной отрасли знания, но и, используя неиссякаемые информационно-воспитательные возможности современной школы, сформировать на её базе высокий культурный потенциал, реализация которого обеспечит устойчивое развитие и культурную стабилизацию региона.

Современные федеральные государственные стандарты, разработанные для разных ступеней обучения, уделяют пристальное внимание патристическому воспитанию, формированию ценностных ориентиров, духовно-нравственному развитию обучающихся. Так, действующий Фе-

деральный образовательный стандарт основного общего образования, утверждённый приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 (в редакции от 31.12.2015), «разработан с учётом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации» [5; 12]. Он ориентирован на становление следующих личностных характеристик выпускника («портрет выпускника основной школы»): «любящий свой край и своё Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ и его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества» [12].

При сложившихся социально-политических условиях выход в свет учебного пособия Л.Н. Верховых «Лингвокраеведение в школе» [6] представляется весьма актуальным. Д.С. Лихачёв в сорок первом письме своей книги «Письма о добром и прекрасном» пишет: «Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, своё село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной осёдлости человека. Человек – это не степное растение перекаати-поле, которое осенний ветер гонит по степи» [10].

Краеведение – средство сохранения социальной памяти, изучения культурного наследия, «воспитывающая наука» [10]. Человеку очень важно ощущать себя звеном в цепи поколений, в цепи жизни. Надо только воспитать в подрастающем гражданине

эту потребность видеть себя как продолжателя дела своего поколения, своей семьи, своего отца. Необходимо объяснить растущему человеку, что его жизнь – маленькая частица жизни фамилии, рода, страны, мира. А потому – жить представителю нового поколения россиян необходимо с ощущением этой своей причастности к малой и большой Родине, с пониманием, что его род, семья имеют глубокие корни в прошлом и через него устремлены в будущее. Использование краеведческого материала на уроках русского языка и литературы заставляет учащихся задуматься над многими вопросами жизни, помогает осознать свой гражданский долг и попытаться полюбить родной край. Уроки с привлечением краеведческого материала создают положительную мотивацию учащихся и обеспечивают связь с речевой жизненной практикой.

Преподавание русского и иного родного языка всегда предполагало учёт особенностей народной речи, изучение слов, значение которых отражает специфику мироощущения и миропонимания жителей той или иной части страны, местного топонимического и антропонимического материала, художественных текстов, отражающих эти языковые факты. В XX в. этот методический подход получил название *лингвокраеведение*.

Учебное пособие Л.Н. Верховых нацелено на формирование у молодого поколения патриотических чувств. С усилением практической направленности обучения особую актуальность приобретает принцип связи теории с практикой. Используемый в качестве языкового, краеведческий материал служит упражнением для усвоения

грамматической теории и одновременно сам становится предметом восприятия, размышления, обсуждения. Ведь «живое слово земляков и о земляках на уроках русского языка воспитывает интерес к тому, что называется малой родиной, рассказывает о её истории и сегодняшнем дне, что в конечном счёте способствует общей гуманизации школьного образования» [3, с. 17–18].

Работа Л.Н. Верховых выполнена в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета на основе самых последних научных изысканий в лингвокраеведении. На наш взгляд, автор, отталкиваясь от актуальных задач современного образования, опираясь на базовые положения ныне действующих образовательных стандартов разного уровня подготовки обучающихся, продемонстрировал удачный образец того, как можно превратить лингвокраеведение из внеурочной деятельности в учебную дисциплину, способную продуктивно решать серьёзные воспитательно-образовательные задачи на региональном материале.

По проблемам лингвокраеведения написано немало работ разного уровня (упомянем некоторые, упущенные в обширном списке использованной литературы: [1; 2; 4; 7; 8; 9; 11]), однако научная новизна рецензируемого учебного пособия Л.Н. Верховых заключается в том, что в нём рассмотрена сущность лингвокраеведения как учебной дисциплины, вида деятельности и научной дисциплины, сделана попытка целостного изучения лингвокраеведения с указанных точек зрения в Воронежском регионе (лингвистический, культурно-исторический, педагогический аспекты).

В соответствии с замыслом автора выстроена композиция пособия: вначале определяется место лингвокраеведения в системе парадигм современного научного знания, где обосновывается введение этого предмета в разряд учебных дисциплин; затем пристальное внимание уделяется местному (воронежскому) краеведению (раскрывается история воронежского Прихопёрья, приводится информация о воронежских лингвокраеведческой и ономастической школах, отмечается специфика лингвокраеведческих исследований в местном ареале).

Третья глава посвящена методике лингвокраеведческой работы, где рассмотрены не только особенности собирания языковых единиц в полевых условиях, но и представлены программные и дидактические материалы по разным курсам в различных классах общеобразовательной школы. В главе описываются современные образовательные технологии в лингвокраеведческой работе, даны разъяснения по работе с архивными и историческими документами. Внушительный список литературы по краеведению, лингвокраеведению, этнолингвистике, представленный в конце пособия, свидетельствует не только о глубокой проработке темы самим автором, но может служить отличным источником потенциальных знаний для тех, кто серьёзно увлечён краеведческой, лингвокраеведческой, этнолингвистической, лингвокультурологической работой.

Ребёнок начинает познавать мир в семье, усваивая язык своих родителей, живя и развиваясь в определённой природной и социальной среде. Конкретность этой жизни, естественно, определяет и конкретность его зна-

ния. Педагоги убеждены, что ребёнок сердцем и мыслью сливается с историей родной культуры. Школа призвана пробудить интерес к миру и себе, пробудить мысли, любознательность, удивление перед красотой родной природы, обучить искусству духовного общения. Сегодня эти вопросы стоят так остро, как никогда.

Лингвокраеведение – одно из эффективных средств патриотического и нравственного воспитания, так как соединение учебно-познавательных задач с воспитательными происходит здесь естественно, органично, без приедающейся назидательности.

Краеведческая работа на уроках русского языка и во внеурочной деятельности даёт возможность школьникам шире познакомиться с родным краем, глубже понять особенности его природы, истории и культуры, оценить артефакты, развивать свои творческие способности. Она способствует осуществлению одной из важнейших задач образования: введению растущего человека в поле родной культуры, в духовную атмосферу того места, с которого начинается его судьба, воспитанию у школьников патриотизма, бережного отношения к природному и духовному наследию родного края. В пособии Л.Н. Верховых подробно рассматриваются все эти аспекты.

С большой тщательностью описаны в пособии наиболее яркие черты воронежского лингвокраеведения и истории Прихопёрья Воронежской области. В третьей главе, как мы уже отметили ранее, детально разрабатывается методика лингвокраеведческой работы, автор опирается на воронежский языковой материал, тогда как эти подходы и приёмы вполне могут быть

реализованы в других российских регионах. Нам показалось, что в пособии могло быть больше обобщающих выводов, чтобы название книги в большей степени соответствовало её содержанию.

В списке литературы имеется раздел «Интернет-документы», в котором указаны не только размещённые в Сети статьи и книги (к сожалению, некоторые из них уже исчезли из интернета), но и вполне доступные в библиотеках работы.

Инновационные процессы требуют изучения происходящих в окружающем мире изменений, выявления закономерностей в их динамике, прогнозирования и основанного на этих прогнозах создания конкретных проектов – всего того, что присуще ис-

следовательской деятельности. Этими факторами и тенденциями и обусловлено, с одной стороны, исследование языка и культуры региона как живых, самодостаточных, развивающихся естественным путём общественно обусловленных систем, и с другой, – необходимость разработки результативных моделей подготовки молодёжи, вовлекаемой в культурные процессы, а также научных и научно-педагогических кадров, способных изучать и возрождать язык и культуру отечественных регионов, а значит – и России в целом. Пособие Людмилы Николаевны Верховых несомненно вносит вклад в данное направление учебно-методической и воспитательной деятельности современного российского педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахвалова Т.В. Лингвокраеведческая составляющая в подготовке будущего учителя // Педагогическое образование и наука. 2010. № 7. С. 21–26.
2. Битюкова Н.А. Ещё раз о работе с диалектной лексикой на внеклассных занятиях по русскому языку // Русский язык в школе. 1981. № 3. С. 53–55.
3. Благова Н.Г., Коренева Л.А., Родченко О.Д. О концепции обучения русскому языку с учётом регионального компонента (для средней общеобразовательной школы) // Русский язык в школе. 1993. № 4. С. 16–19.
4. Брыкина Е.В., Супрун В.И. Преподавание русского языка в условиях южнорусского диалекта // Русский язык в школе. 2017. № 6. С. 27–31.
5. Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти: еженедельное издание. 2011, 28 февраля, № 9 [Электронный ресурс] // Юридическая литература: [сайт]. URL: <http://jurizdat.ru/editions/official/bnafoiv/archive/2011/9.htm> (дата обращения: 15.01.2018)
6. Верховых Л.Н. Лингвокраеведение в школе: учебное пособие. Воронеж: Издательство Воронежского государственного педагогического университета, 2017. 255 с.
7. Кадола Т.А. Региональный лексический компонент на уроках русского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (117). С. 126–130.
8. Коренева Л.А. Национально-региональный компонент предмета «русский язык» в школе: (содержание, пути реализации): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1995. 19 с.
9. Лабутина Р.Г. Использование региональной лексики при изучении морфемики и словообразования // Современный урок русского языка: Сборник научно-методических статей. Пермь, 2001. С. 67–72.

10. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г.А. Дубровской. Изд. 3-е. М.: Детская литература, 1989. 238 с.
11. Львова С.И., Ляпина Л.Н. Использование региональной лексики при обучении морфемике и словообразованию // Русская словесность. 1999. № 2. С. 43–46.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / ред. Н.В. Гончарова, Г.С. Абрамян. Изд. 6-е, перераб. М.: Просвещение, 2017. 61 с.

REFERENCES

1. Bakhvalova T.V. [Linguistic features of local history in the training of future teachers]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2010, no. 7, pp. 21–26.
2. Bityukova N.A. [Once again on working with dialect vocabulary in extra-curricular activities on Russian language classes]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1981, no. 3, pp. 53–55.
3. Blagova N.G., Koreneva L.A., Rodchenko O.D. [On the concept of teaching the Russian language, taking into account the regional component (for the secondary general education school)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1993, no. 4, pp. 16–19.
4. Brysina E.V., Suprun V.I. [The teaching of the Russian language in the conditions of South-Russian dialect]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2017, no. 6, pp. 27–31.
5. [Bulletin of normative acts of Federal enforcement authorities: the weekly edition. 2011, February 28, no. 9]. In: *Yuridicheskaya literatura* [Legal Literature]. Available at: <http://jurizdat.ru/editions/official/bnafoiv/archive/2011/9.htm> (accessed: 15.01.2018)
6. Verkhovnykh L.N. *Lingvokraevedenie v shkole* [Linguistic features of local history at school]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2017. 255 p.
7. Kadolo T.A. [Regional lexical component in the Russian language classes]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2012, no. 2 (117), pp. 126–130.
8. Koreneva L.A. *Natsional'no-regional'nyi komponent predmeta "russkii yazyk" v shkole: (soderzhanie, puti realizatsii): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [National and regional component of the subject "Russian language" at school (content, implementation): abstract. of PhD thesis in Pedagogical sciences]. Moscow, 1995. 19 p.
9. Labutina R.G. [The usage of the regional vocabulary in the study of morphology and word formation]. In: *Sovremenniy urok russkogo yazyka: Sbornik nauchno-metodicheskikh statei* [The modern Russian language lesson: the collection of scientific and methodological articles]. Perm, 2001. pp. 67–72.
10. Likhachev D.S. *Pis'ma o dobrom i prekrasnom* [Letters about the good and the beautiful]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989. 238 p.
11. L'vova S.I., Lyapina L.N. [The usage of the regional vocabulary in teaching morphology and word formation]. In: *Russkaya slovesnost'* [The Russian Literature], 1999, no. 2, pp. 43–46.
12. Goncharov N.V., Abramyan G.S., ed. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standard of basic General education]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2017. 61 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брысина Евгения Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, декан факультета филологического образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: filolog@vspu.ru

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: suprun@vspu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya V. Brysina – Doctor in Philological sciences, professor, head of the Department of Russian language and its teaching methods, dean at the Faculty of Philological Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University;
e-mail: filolog@vspu.ru

Vasiliy I. Suprun – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Russian language and its teaching methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University;
e-mail: suprun@vspu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Брысина Е.В., Супрун В.И. Изучение родного края и языка в школе (рецензия на книгу: Верховых Л.Н. Лингвокраеведение в школе: учебное пособие. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2017. 255 с.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 183-189
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-183-189

FOR CITATION

Brysina E.V., Suprun V.I. The study of the native region and language at school (review of the book by L. Verkhovyykh. Teaching of linguistic features of the region at school: a textbook. Voronezh, publishing house of Voronezh State University, 2017. 255 p.). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 183-189
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-183-189

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2018. N 2

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, М.С. Тарасова
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,25, усл. п.л. 12.
Подписано в печать: 27.04.2018 г. Дата выхода в свет: 28.04.2018 г. Заказ № 2018/04-04.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А